

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ СМЕРТИ

Лю Цысинь

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ «ЛОКУС» И ФИНАЛИСТ
ПРЕМИИ «ХЬЮГО»

fanzon

Лю Цысинь
Вечная жизнь Смерти
Серия «Sci-Fi Universe.
Лучшая новая НФ»
Серия «В память о
прошлом Земли», книга 3

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36481897

Лю Цысинь Вечная жизнь Смерти:
ISBN 978-5-04-091564-4

Аннотация

Через 50 лет после Битвы Судного Дня и конца Эры Устрашения. Противостояние Земли и Трисоляриса не окончено. Но над цивилизацией нависла еще более грозная опасность: земные сигналы могут привести других агрессивных высокоразвитых разумных обитателей Темного Леса. Ведь космос населен врагами, стремящимися уничтожить конкурентов. Чэн Синь, космический инженер из начала XXI века, выходит из анабиоза. Ее знание давно позабытых программ периода Кризиса Трисоляриса может нарушить хрупкий баланс между такими разными культурами. Мир вступает в новую эпоху – Эру Убежищ. Людям предстоит объединиться и подготовиться к возможному

апокалипсису. Этот путь будет полон удивительных свершений, побед и трагедий, потрясающих открытий и прозрений. Достигнет ли человечество звезд или погибнет в своей колыбели?

Содержание

Предисловие переводчика	8
Действующие лица	13
Отрывок из предисловия к «Прошлому вне времени»	15
Часть I	17
Май 1453 года от Р.Х	18
Эра Кризиса, год 1-й	41
Эра Кризиса, год 4-й	50
Эра Кризиса, год 4-й	73
Эра Кризиса, годы 1–4-й	94
Эра Кризиса, годы 1–4-й	121
Эра Кризиса, годы 1–4-й	134
Эра Кризиса, годы 5–7-й	147
Часть II	165
Эра Устрашения, год 12-й	166
Эра Устрашения, год 12-й	170
Эра Устрашения, год 13-й	176
Эра Устрашения, год 61-й	191
Эра Устрашения, год 61-й	214
Эра Устрашения, год 61-й	221
Эра Устрашения, год 62-й	237
Эра Устрашения, год 62-й	242
Эра Устрашения, год 62-й, 28 ноября, между	265

16:00 и 16:17

Конец ознакомительного фрагмента.

268

Лю Цысинь

Вечная жизнь Смерти

Copyright © 2006 by Liu Cixin

Originally published in 2006 as ##### by Chongqing Publishing & Media Co., Ltd. in Chongqing, China.

Russian language translation rights © by FT Culture (Beijing) Co., Ltd.

Co-published by Chongqing Publishing & Media Co., Ltd.

Серия «Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ»

Разработка серии Андрея Саукова, Николая Плутахина
Иллюстрации в тексте Николая Плутахина

© О. Глушкова, Д. Накамура, перевод на русский язык,
2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Предисловие переводчика

Над переводом этой книги работали два переводчика-соавтора: пишущая эти строки Ольга Глушкова, ранее переведшая «Задачу трех тел», и Дмитрий Накамура, переведший «Темный лес».

Итак, работа над трилогией «Воспоминания о прошлом Земли» окончена. Это был долгий и трудный полет для всех нас. Начался он в 2014 году, а закончился в 2017-м.

Первая книга трилогии – «Задача трех тел» – приобрела большую популярность, и читатели попросили перевести следующую – «Темный лес». Я сильно устала после перевода «Задачи трех тел» – жанр был мне не очень привычен – и поэтому с чисто трисолярианским коварством подбила на перевод второго романа цикла того самого Д. Накамуру, который терпеливо выправлял мои научные ляпы. До того момента Дмитрий занимался только научно-техническим переводом, а художественным – никогда. Он принимался за эту работу с оглядкой, но я обещала всемерную поддержку. Вместе мы одолели «Темный лес». Каждый из нас работал не поднимая головы, забывая про сон и еду. И даже про выпивку. Д. Накамура справился с огромной и очень сложной книгой просто блестяще.

В работе над «Темным лесом» к нашему скромному экипажу присоединился Андрей Сергеев, которому мы быст-

ренько дали позывной «Дождик». За этим легкомысленным прозвищем скрывается, однако, кандидат физико-математических наук с огромным добрым сибирским сердцем. Этот человек читает книги по квантовой механике на сон грядущий. Его помощь просто неоценима – и с точки зрения правильной научной терминологии, и с точки зрения стиля. Дождик, мы любим тебя!

С нами работала также Миррима – она выловила множество ошибок и опечаток, давала ценные советы по части подбора того или иного слова. Спасибо ей от всей души.

В основном практически эта же команда, за исключением Константина Васенина (впрочем, он немного помог вначале, за что ему тоже благодарность!) и Мирримы, работала и над третьим романом цикла. Процесс этот был долгим, напряженным, но без малейших конфликтов, возникающих в группе людей, полностью оторвавшихся от земной действительности, хотя и не без споров и горячих обсуждений. Мы с Дмитрием переводили, нам помогал все тот же Дождик, а также Наталья Мужичкова – филолог, моя землячка, чем я очень горжусь. Наталья оказала огромную помощь по части грамматики, а также стилистики и просто поддерживала нас морально и выискивала интересные исторические факты. Факт о держателе меча при дворе китайского императора, оказавший влияние на концепцию перевода, обнаружила именно она.

Огромная благодарность нашему бета-ридеру Андрею

Красько – его замечания позволили выловить множество нестыковок и пылевых частиц.

Наша постоянная и верная помощница Миляуша Шакирова делала обложки ко всем книгам трилогии, а обложка к «Вечной жизни Смерти» – это ее оригинальное творение. Она также занималась оформлением хронологических таблиц.

У нас были и другие временные помощники, которые быстро отстыковались, поняв, что звездолет набрал слишком большую скорость. Все равно большое спасибо им от команды выживших.

И, конечно, мы не можем не выразить огромную, многомерную благодарность великолепной Linnea, моему бесменному редактору и другу, с которой мы готовы лететь на другой край Вселенной. Она навела окончательный глянец на нашу работу. Дорогая Linnea, спасибо тебе!

* * *

В работе мы столкнулись с рядом проблем, о путях решения которых велись жаркие споры. Одна из них: как коротко и четко называть корабль, который способен летать со скоростью света? Не писать же каждый раз «корабль, способный летать со скоростью света»? К тому же ни один корабль никогда не сможет летать со скоростью света, но – хотя бы чисто теоретически – лишь с околосветовой скоростью. Одна-

ко автор везде называет такие космолеты кораблями, летающими со скоростью света. Как быть переводчику?

То же самое относится и к двигателю, но тут еще труднее: «двигатель, с помощью которого можно достигать скорости света». И так каждый раз?

Поэтому мы решили называть эти вещи попросту «световыми кораблями», «светолетами», «световым/пространственным приводом/двигателем», хотя это и неправильно. Придется читателю свыкнуться с не совсем привычной терминологией в угоду плавности речи.

Другая проблема заключалась в том, что мы зачастую уличали автора в нестыковках как чисто литературного, так и научного характера. Наши ученые мужи Дождик и Д. Накамура дали множество комментариев по части не совсем научно обоснованных идей автора. Эти комментарии, возможно, были бы интересны публике сами по себе, поскольку содержат изрядную дозу едких и отравляющих веществ, а также веселящего газа, но мы решили, что не вправе влиять на мнение читателей. Кое-какие чисто литературные неувязки, как, например, путаница с размерами и временными рамками, отмечены в сносках. Когда масштабы произведения настолько велики, немудрено и запутаться, так что давайте отнесемся к авторским ошибкам снисходительно.

Как и в предыдущих книгах, примечания Кена Лю обозначены «прим. К. Л.», примечания от переводчиков «прим. перев.».».

Ну и напоследок мы не можем не выразить своей признательности еще одному человеку, помогавшему во время работы над всеми тремя романами.

Вся наша команда общалась в совместном чате. Когда у нас возникали подозрения, а не ошибся ли переводчик с китайского на английский Кен Лю (хотя он отличный переводчик и прекрасный писатель сам по себе), мы тут же обращались к нашему китаеведу. И вот представьте себе такой диалог:

Дмитрий: Что это там за чушь написана про пространственные измерения?

О. Г.: А, ну, это к Альберту. Напишем ему.

Дождик (который не в курсе): Вы что, Эйнштейну писать собрались?! О_о

Мы все: Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Мы посылаем лучи вечной признательности Альберту Крисскому, нашему неизменно доброжелательному и терпеливому драгоману!

И, конечно, мы бесконечно благодарны всем читателям. Ваша поддержка и энтузиазм значили для нас чрезвычайно много!

Действующие лица из «Задачи трех тел» и «Темного леса»

Е Вэньцзе – астрофизик; ее семья подверглась репрессиям во времена «культурной революции». Именно она вступила в контакт с трисолярианами, что и вызвало Трисолярианский кризис.

Ян Дун – физик, дочь Е Вэньцзе.

Дин И – физик-теоретик и первый человек, осуществивший контакт с трисолярианскими космическими зондами – так называемыми «каплями». Близкий друг Ян Дун.

Чжан Бэйхай – офицер Азиатского флота. Перед Битвой Судного дня угнал корабль «Естественный отбор», чем подарил человечеству проблеск надежды посреди самого темного отчаяния. Возможно, первым из офицеров понял природу Сражений тьмы.

Сэй – Генеральный секретарь ООН во времена Трисолярианского кризиса.

Мануэль Рей Диас – Отвернувшийся; предложил план создания сверхгигантской водородной бомбы, так называемой «звездной бомбы», как оружия в борьбе с трисолярианами.

Ло Цзи – Отвернувшийся, автор теории «темного леса»;

положил начало Устрашению.

Отрывок из предисловия к «Прошлому вне времени»

Пожалуй, следовало бы называть мое повествование историей, если бы ему хватало исторической строгости, ведь в моем распоряжении лишь воспоминания.

Нельзя даже сказать, что я пишу о былом. Изложенные мною события не случались в прошлом, не происходят сейчас и не произойдут в будущем.

Я не хочу вдаваться в детали. Здесь лишь канва событий прошлого. Сохранившихся подробностей и так предостаточно. Надеюсь, что, подобно письмам в закупоренных бутылках, плывущим по волнам океана, они доберутся до новой Вселенной и попадут в чьи-нибудь руки.

Так что я описываю лишь общую схему событий, которую можно заполнить подробностями. Разумеется, это задача не для нас. Я лишь надеюсь, что кто-нибудь в один прекрасный день займется этим.

Мне очень жаль, что этого дня не было в прошлом, нет в настоящем и он не настанет в будущем.

Я подталкиваю солнце к западу, и капельки росы на траве вспыхивают в закатных лучах, будто миллионы внезапно раскрывшихся глаз. Я приглушаю яркость солнца, торопя сумерки, и вглядываюсь в свой силуэт на отдаленном гори-

зонте.

Я машу силуэту рукой, и он машет мне в ответ. Я гляжу на него и чувствую, как молодость возвращается ко мне.

До чего же замечательное время! Как раз для воспоминаний.

Часть I

Май 1453 года от Р.Х

Смерть колдуньи

Остановившись на мгновение, чтобы собраться с мыслями, Константин XI смел в сторону ворох планов городской обороны, поплотнее запахнул свою пурпурную мантию и замер в ожидании.

Он обладал превосходным чувством времени. Дрожь пришла точно в предвиденный момент – сильные, грубые толчки, казалось, исходили глубоко из-под земли. Зазвенела серебряная люстра; пыль, тысячу лет пролежавшая на крыше Большого дворца, поднялась в воздух, тонким облачком влетела в пламя свечей и вспыхнула там, как крошечный фейерверк.

Каждые три часа – столько времени требовалось османам, чтобы перезарядить исполинские бомбарды работы инженера Орбана – шестисоткилограммовые каменные ядра били в стены Константинополя, самые крепкие городские стены во всем мире. Их построил еще Феодосий II в V веке, и с тех пор их неустанно расширяли и укрепляли. Под защитой этих стен византийский двор уже не одно столетие отражал атаки многочисленных могучих врагов.

Но с каждым попаданием огромные ядра пробивали новые и новые бреши. Казалось, будто какой-то невидимый гигант откусывает один кусок стены за другим. Император

представил себе, как взвиваются в воздух осколки, как толпы солдат и горожан спешат к очередной ране в стене сквозь тучи пыли, подобно бесстрашным муравьям. Люди бросали в проломы все, что было под рукой: мусор из развалин, мешки с землей, бесценные персидские ковры... Он даже представил себе, как облако пыли, пронизанное закатными лучами солнца, золотистым саваном неторопливо окутывает Константинополь.

Город уже пять недель находился в осаде, и стены тряслись семь раз в сутки – равномерно, словно бой гигантских часов. Это был пульс другого мира – мира нехристей. Подавленный этим ритмом, звон бронзовых часов с двуглавым орлом, стоявших в углу кабинета и отсчитывавших время христианства, был почти не слышен.

Дрожь утихла. Через какое-то время Константин заставил себя вернуться к реальности. Жестом он показал охраннику, что готов принять посетителя.

Вошел Сфрандзи, один из наиболее доверенных министров. За его спиной, держась поближе, следовала тонкая фигурка.

– Это Елена. – Сфрандзи сделал шаг в сторону, давая рассмотреть женщину.

Император взглянул на нее. Аристократки Константинополя любили богато украшенные одежды, а простой народ ходил в белых бесформенных балахонах длиной по щиколотку. Наряд этой Елены был чем-то средним между тем

и другим. Вместо туники с золотой вышивкой она носила простое белое платье, но поверх него набросила дорогую накидку. Вместо пурпурного и красного цветов, дозволенных лишь знати, ее накидка была выкрашена в желтый цвет. Лицо, волнующее и чувственное, напоминало цветок, который предпочел бы увянуть под любящим взглядом, чем отцвести в одиночестве.

«Должно быть, продажная женщина – и неплохо зарабатывающая».

Посетительницу била дрожь. Она не поднимала глаз, но император заметил, что в них горит лихорадочный огонь азарта и рвения – редких качеств для людей ее социального положения.

– Ты утверждаешь, что владеешь магией? – спросил император.

Он хотел скорее покончить с этой аудиенцией. Как правило, Сфрандзи подходил к делу добросовестно. Сегодня Константинополь обороняли восемь тысяч воинов. Среди них было немного солдат из регулярной армии и две тысячи генуэзских наемников. Всех остальных Сфрандзи набрал из населения города – практически поодиночке. Императора не слишком интересовала новая задумка министра, но авторитет Сфрандзи требовал, чтобы ему, по крайней мере, дали шанс.

– Да, я могу убить султана. – Тихий голос Елены трепетал, словно паутинка на ветру.

Пять дней назад Елена появилась перед дворцом и потребовала встречи с императором. Когда охрана попыталась ее прогнать, она предъявила предмет, ошелобивший солдат. Они не совсем понимали, что именно видят, но точно знали, что шлюхе вроде нее такую вещь иметь не положено. Елену повели во дворец, но не к императору, а на допрос, чтобы узнать, как ей удалось завладеть подобным предметом. Слова Елены подтвердились, и женщину привели к Сфрандзи.

И вот теперь здесь, в кабинете императора, Сфрандзи достал небольшой сверток, развернул льняную ткань и поставил предмет на стол.

Император не верил своим глазам. Точно так же пять дней назад на эту вещицу смотрела его охрана. Но в отличие от солдат император сразу же понял, что это такое.

Больше девяти веков назад, при Юстиниане Великом, лучшие ювелиры отлили два кубка из чистейшего золота и украсили их драгоценными камнями. Кубки получились настолько прекрасными, что от их вида перехватывало дыхание. Они различались лишь формой и расположением камней. Один хранился у императоров Византии, а другой вместе с прочими сокровищами замуровали в секретной нише, в глубине фундамента собора Святой Софии, когда здание перестраивали в 537 году от Р.Х.

Блеск кубка, хранившегося во дворце и хорошо знакомого императору, с годами потускнел. Но этот, стоящий сейчас на его столе, сверкал так, будто его отлили лишь вчера.

Поначалу никто не поверил словам Елены – посчитали, что она, наверное, украла кубок у какого-нибудь богатого клиента. Хотя о секретной нише в фундаменте слышали многие, мало кто точно знал, где она находится. Более того, ниша таилась глубоко под землей, окруженная огромными каменными блоками, и к ней не вели ни двери, ни туннели. Чтобы добраться до тайника, пришлось бы разрыть всю улицу.

Четыре дня назад император приказал собрать все драгоценности города на случай, если Константинополь падет. Собственно, это был жест отчаяния: император отлично понимал, что турки перерезали все дороги и отступать с сокровищами просто некуда.

Тридцать землекопов работали без остановки три дня, прежде чем докопались до секретной ниши. Ее стены и в самом деле были сложены из гигантских каменных блоков – ничуть не меньше тех, из которых выстроена великая пирамида Хеопса. Внутри ниши стоял тяжелый каменный саркофаг, наглухо запечатанный двенадцатью толстыми железными обручами. Потребовался целый день, чтобы распилить металл. Только тогда пятерым рабочим под пристальным надзором многочисленной охраны удалось поднять крышку саркофага.

Больше всего их поразили не сокровища и не священные реликвии, пролежавшие в саркофаге без малого тысячу лет, а гроздь свежего винограда на самом верху.

Елена утверждала, что это она положила виноград в саркофаг пять дней назад и что половину ягод она съела, оставив лишь семь.

Рабочие пересчитали сокровища и сравнили их со списком, оставленным внутри саркофага. Все было на месте, за исключением кубка. Если бы кубок уже не обнаружили у Елены и если бы Елена не объяснила происшедшее, то всех работавших на раскопках людей пришлось бы казнить, даже если бы они единогласно уверяли, что обнаружили и секретную нишу, и саркофаг совершенно нетронутыми.

– Каким же образом ты достала кубок? – спросил император.

Елена задрожала еще сильнее. Похоже, при всей своей магии женщина не чувствовала себя в безопасности. Она с ужасом посмотрела на императора и выдавила ответ:

– Такие места... я просто вижу их... они для меня... – она искала подходящее слово, – открыты...

– Можешь показать, как ты это делаешь? Возьми что-нибудь из закрытого сундука.

Елена замотала головой – от страха у нее отнялся язык. Она повернулась к Сфрандзи, взглядом умоляя о помощи.

Министр пояснил:

– Она утверждает, что ее магия действует только в определенном месте. Но она не может сказать, где находится это место, и никто не должен за ней следить. Иначе магия навсегда исчезнет.

Елена энергично закивала, подтверждая слова министра.

– В Европе тебя уже давно сожгли бы на костре, – обронил император.

Елена рухнула на пол, обхватив себя руками, – маленькая фигурка, совсем как ребенок.

– Ты умеешь убивать? – продолжал допрос император.

Но Елена лишь тряслась. Сфрандзи попытался ее успокоить, и наконец, она кивнула.

– Хорошо, – обратился император к министру. – Испытай ее.

* * *

Сфрандзи повел Елену вниз по длинной лестнице, освещенной факелами. Под каждым факелом стояли два вооруженных солдата. Свет отражался от их брони и игриво переливался на стенах.

Наконец они добрались до темного подвала. Елена плотней закуталась в накидку. Летом здесь хранили запасы льда для всего дворца.

Сейчас в подвале льда не было. В углу под горящим факелом сидел заключенный – судя по одежде, турецкий офицер. Он хищно, по-волчьи, глядел на Сфрандзи и Елену сквозь прутья решетки.

– Видишь его? – спросил Сфрандзи.

Елена кивнула.

Министр передал ей мешок из овчины.

– Теперь уходи. Вернешься с его головой не позже рассвета.

Елена достала из мешка ятаган, сияющий в свете факелов, как серп луны. Она вернула оружие Сфрандзи:

– Это мне не понадобится.

Затем она бесшумно зашагала вверх по ступеням. Когда колдунья проходила мимо факелов, казалось, будто ее фигура меняется – превращается то в кошку, то в женщину... А потом Елена растворилась в темноте.

Сфрандзи повернулся к одному из офицеров:

– Усильте здесь охрану! – И добавил, указав на заключенного: – Не спускайте с него глаз!

Офицер отправился исполнять повеление. Сфрандзи взмахнул рукой, и из сумрака проявился человек в черной монашеской рясе.

– Не подходи близко, – приказал Сфрандзи. – Не беда, еслипустишь ее. Но ни в коем случае не дай ей заметить тебя!

Монах кивнул и устремился вверх по лестнице так же бесшумно, как и Елена.

* * *

Той ночью Константин плохо спал – впрочем, как и в любую другую ночь в осажденном городе. Дрожь от ударов

огромных ядер будила императора, как только он начинал засыпать. Незадолго до рассвета он поднялся к себе в кабинет. Там его дожидался Сфрандзи.

Император уже позабыл про колдунью. В отличие от своего отца Мануила II и старшего брата Иоанна VIII, Константин был практичным человеком и знал: тот, кто полагается на чудо, чаще всего долго не живет.

Сфрандзи приблизился к двери и подал знак. Елена бесшумно вошла в кабинет. Похоже, сегодня она боялась не меньше, чем вчера: когда она подняла овчинный мешок, ее руки заметно тряслись.

Как только Константин увидел мешок, он понял, что без толку потратил время. Из тощего мешка не сочилась кровь. Совершенно очевидно, что головы узника в нем не было.

Но лицо Сфрандзи не выражало разочарования. Скорее министр смотрел рассеяннo, словно блуждающий во сне лунатик.

– Похоже, она не принесла то, что мы требовали? – спросил император.

Сфрандзи забрал мешок у Елены, положил на стол перед императором и раскрыл. Затем поднял на Константина такой взгляд, будто только что лицезрел привидение.

– Можно сказать, принесла...

Император заглянул в мешок. На самом дне лежало что-то серое, мягкое, наподобие испортившегося блюда из бараньего жира. Сфрандзи поднес канделябр поближе.

– Это мозг турка.

– Она что, раскроила ему череп? – Константин бросил взгляд на Елену. Та, закутавшись в накидку, дрожала, как перепуганный мышонок.

– Нет, на теле заключенного не нашли никаких ран. По моему приказу за ним следили двадцать человек, по пять в каждой смене, с разных сторон, не спуская глаз. Охранников у дверей подвала тоже предупредили; не пролетел бы даже комар. – Сфрандзи смолк, словно поражаясь собственному рассказу.

Император кивком велел ему продолжать.

– Через два часа после ее ухода турок внезапно забился в конвульсиях и повалился замертво. Среди наблюдателей были один опытный врач-грек и несколько солдат, ветеранов многих сражений. Ни один из них ни разу не видел, чтобы кто-то умирал таким образом. Через час Елена вернулась с мешком. Тогда врач распилил мертвецу череп. Внутри оказалось пусто.

Константин внимательно рассмотрел лежащий в мешке мозг и не нашел ни единого повреждения. Нежный орган аккуратно извлекли целиком. Император заметил, что пальцы Елены сжимают отвороты туники. Он представил себе, как она протягивает руку и срывает этими пальцами прячущийся в траве гриб или как обрывает ими лепестки цветков яблони...

Властитель устремил взор в сторону городских стен, буд-

то наблюдая, как что-то поднимается из-за горизонта. Дворец сотрясли новые удары осадных бомбард, но император впервые не обратил на них внимания.

«Если в мире бывают чудеса, то сейчас для них самое время».

Положение Константинополя было отчаянным, но пока еще не безнадежным. За пять недель кровопролитных сражений нападающие тоже понесли тяжелые потери. Кое-где горы трупов турецких солдат сравнялись по высоте с городскими стенами. Нападающие обессилели не меньше обороняющихся. Пару дней назад смелые моряки-генуэзцы прорвали блокаду Босфора и вошли в залив Золотой Рог, доставив в город бесценные грузы и подкрепление. Никто не сомневался, что за ними следуют другие защитники христианской веры.

Турецкие войска пали духом. Большинство офицеров были не прочь принять предложенные Византией условия мира и отправиться по домам. Турки оставались на месте из-за одного-единственного человека.

Этот человек свободно говорил на латыни, знал искусство и науки и был опытным полководцем. У него не дрогнула рука утопить своего брата в ванне, чтобы занять трон самому. Он обезглавил прекрасную рабыню перед строем своих войск, чтобы доказать, что его воля сильнее женских чар... Султан Мехмед II был осью, на которой крутились шестеренки османской военной машины. Если эту ось сломать, маши-

на развалится.

«Возможно, и в самом деле произошло чудо?»

– Чего ты хочешь? – спросил император, не отрывая взгляда от городских укреплений.

Елена явно ждала этого вопроса:

– Я хочу славы.

Константин кивнул. Эту женщину не привлекали ни деньги, ни драгоценности. Не существовало такой сокровищницы, в которую, при желании, не проникла бы ее рука. Блудница жаждала почестей.

– Ты из семьи крестоносцев?

– Да. – Через мгновение она тихо пояснила: – Но не четвертого похода¹.

Император коснулся головы Елены, и женщина упала на колени.

– Иди, дитя. Если ты убьешь Мехмеда II, то спасешь Константинополь. Ты станешь святой покровительницей святого города.

* * *

На закате Сфрандзи провел Елену к стене недалеко от ворот святого Романа.

¹ Четвертый крестовый поход (1202–1204 гг.) закончился тем, что крестоносцы, так и не добравшись до Святой земли, захватили и разграбили Константинополь. – *Прим. перев.*

Земля под стенами почернела от крови; повсюду валялись тела, словно небеса пролились дождем из трупов. Чуть поодаль над полем боя тянулся тонкий, неуместно грациозный язык белого дыма, исходящего от громадных пушек. А дальше, до самого горизонта, стояли турецкие войска. Целый лес их знамен развевался на влажном морском ветру под низким свинцовым небом.

Если посмотреть в сторону моря, турецкие корабли заполнили весь Босфор. Казалось, будто в голубое море вбили множество железных гвоздей.

Елена закрыла глаза. «Это мое поле боя, это моя война».

Она припомнила легенды, знакомые с детства, истории о предках, которые ей рассказывал отец. В Европе, на другом берегу Босфора, где-то в Провансе, был городок. Однажды над ним зависло облако, из которого вышла целая армия детей. Их возглавлял ангел, а на латах воинов сияли красные кресты. Тогда один из предков Елены, живший в этом городе, последовал знамени свыше и пересек Средиземное море, чтобы сражаться за Бога и за Святую землю. Понемногу он дослужился до рыцаря-тамплиера. Потом приехал в Константинополь, где встретил красивую девушку, тоже святого воина. Они полюбили друг друга, и от них пошел их славный род...

Когда Елена подросла, она узнала подлинную историю своей семьи. Отец не слишком погрешил против истины – ее предок действительно принимал участие в детском кресто-

вом походе². В то время свирепствовала эпидемия чумы, и он присоединился к походу в поисках пропитания. Когда корабль пристал к египетскому берегу, его и десять тысяч других детей продали в рабство. Через много лет ему удалось сбежать, и в конце концов он оказался в Константинополе, где в самом деле встретил девушку, святую воительницу. Но и на ее долю выпало множество невзгод. Византийская империя надеялась, что христианские страны пришлют своих лучших рыцарей, чтобы сражаться с неверными, а получила армию хрупких девушек без гроша в кармане. Византийский двор отказался кормить «святое воинство», и женщинам-рыцарям пришлось продавать свое тело.

Больше ста лет «славный род» Елены влачил жалкое существование. При ее отце дела пошли еще хуже. Оголодавшая Елена вернулась к профессии прабабки; но отец узнал об этом, выпорол ее и пообещал убить, если еще хоть раз поймает за этим занятием... Ну разве что Елена станет приводить клиентов на дом. Уж он тогда и цену справедливую вытрясет, и деньги ее будет держать в сохранности...

Елена ушла из дома, стала жить самостоятельно и рабо-

² В начале 1212 года тысячи крестьян (в том числе детей и подростков) из Германии и Франции собрались в войско для завоевания Гроба Господня в Иерусалиме. В мае 1212 года, когда немецкое народное войско прошло через Кёльн, в его рядах насчитывалось около двадцати пяти тысяч детей и подростков, направляющихся в Италию, чтобы оттуда морем достигнуть Палестины. В хрониках XIII века более пятидесяти раз упоминается этот поход, который получил название «Крестового похода детей». (https://ru.wikipedia.org/wiki/Крестовый_поход_детей).

тать только на себя. Она побывала и в Иерусалиме, и в Трабзоне, и даже в Венеции. Девушка перестала голодать и начала красиво одеваться. Однако Елена знала, что ничем не отличается от травинки, растущей в грязи у дороги, – она никак не выделялась среди других, и ее топтали все кому не лень.

А потом Бог явил Елене чудо.

Даже тогда она не сравнивала себя с Жанной д'Арк – еще одной женщиной, которой коснулось божье благословение. Что дал Бог Орлеанской деве? Всего лишь меч. А Елене досталось нечто такое, что сделает ее святой, уступающей только деве Марии...

– Смотри. Вон там расположился лагерь *Эль-Фатиха*, Завоевателя. – Сфрандзи указал в сторону от ворот Св. Романа.

Елена взглянула туда и кивнула.

Сфрандзи передал ей новый овчинный мешок:

– Здесь три его портрета, с разных сторон и в разной одежде. И нож – он тебе понадобится. Нам нужна его голова целиком, а не только мозг. Лучше дождись ночи. Днем он не появляется в своем шатре.

Елена приняла мешок.

– Не забудьте о моем предупреждении, – напомнила она.

– Конечно.

Не следите за мной. Не заходите туда, куда я пойду. Иначе магия исчезнет навсегда.

Соглядатай, следивший за ней этой ночью под видом монаха, сообщил Сфрандзи, что Елена старательно путала сле-

ды, несколько раз поворачивала и возвращалась обратно, пока не дошла до Влахерн³. Этот квартал больше всего пострадал от турецкой бомбардировки.

Мнимый монах проследил, как Елена заходит в развалины минарета, бывшего когда-то частью мечети. Эту башню не тронули, когда Константин приказал разрушить все мечети города, потому что во время последней эпидемии чумы в минарет проникли несколько больных и там скончались. Никто не хотел даже близко подходить к ним. Когда началась осада, шальное ядро снесло верхнюю половину башни.

Помня о приказе Сфрандзи, соглядатай не последовал за Еленой внутрь минарета. Но он поговорил с двумя солдатами, которые бывали там прежде, чем в сооружение угодило ядро. Солдаты рассказали, что намеревались разместить там наблюдательный пост, но минарет оказался недостаточно высоким. По их словам, внутри башни не было ничего, кроме нескольких трупов, от которых остались только скелеты.

На сей раз Сфрандзи никого не отправил следить за Еленой. Он внимательно смотрел, как она пробирается между солдатами, толпившимися на стенах. Ее яркая туника выделялась на фоне грязных, окровавленных доспехов. Изнуренные солдаты не обращали на женщину внимания. Она спу-

³ Влахерны – северо-западный пригород Константинополя, со времен Юстиниана известный церковью Богородицы, где в 910 году произошло знаменитое явление Богоматери верующим. Здесь находился императорский дворец, который с 1081 г. стал основной резиденцией монарха. В 1453 г. турки ворвались в Константинополь, пробив стены Влахернского квартала. – *Прим. перев.*

стилась со стены и, даже не стараясь запутать возможного преследователя, направилась во Влахерны.

Наступила ночь.

* * *

Константин не сводил взгляда с подсыхающего на полу мокрого пятна – символа его тающих надежд.

Воду принесли на своих башмаках его лазутчики. В прошлый понедельник дюжина доверенных людей, переодетых турками, в крохотной лодчонке проскользнула сквозь блокаду, чтобы встретить флот Европы. Предполагалось, что европейцы придут на помощь осажденному Константинополю. Но лазутчики увидели лишь пустынное Эгейское море и ни единого корабля долгожданных спасителей. Подавленные увиденным, лазутчики исполнили свой долг до конца: вернулись в город сквозь кольцо осады и доставили императору сокрушительное известие.

Константин наконец понял, что обещанная Европой помощь – не более чем пустые мечты. Святейшие короли христианского мира хладнокровно решили отдать Константинополь неверным – а ведь священный город на протяжении многих столетий отбивал атаки приверженцев Мухаммеда.

До ушей императора донеслись тревожные крики снаружи. Вбежал солдат и доложил, что случилось лунное затмение. Ужасное предзнаменование! Ведь сказано же было, что

Константинополь не падет, пока светит луна!

Сквозь узкое окно Константин следил, как луна растворяется среди теней, будто сходя в небесную могилу. Он был подсознательно убежден, что Елена не вернется и что ему не суждено увидеть отрезанную голову своего врага.

Прошел день, а за ним ночь. Никаких новостей от Елены.

* * *

Сфрандзи и его свита остановились перед минаретом во Влахернах, спешили и замерли от потрясения.

Озаренный холодным белым светом только что взошедшей луны, минарет стоял цел и невредим. Его острая вершина вонзалась в звездное небо.

Соглядатай клялся, что в прошлый раз у башни недоставало верхушки! Это подтвердили и несколько офицеров и солдат, знакомых с окрестностями.

Но Сфрандзи в гневе усталился на свою ищейку. Сколько бы свидетелей ни утверждало обратное, этот человек лжет! Минарет цел, какие еще нужны доказательства?! Однако для наказания виновного нет времени. Турки уже скоро ворвутся в город, и тогда никто не избежит кары Завоевателя.

Один из солдат точно знал, что вершина минарета исчезла не из-за турецких ядер. Однажды утром, две недели назад, он заметил, что верхняя половина башни пропала. Но той ночью пушки не стреляли! Кроме того, вокруг здания

не валялись обломки. В то утро солдат шел здесь с двумя сослуживцами, но они уже погибли в бою. Верно истолковав выражение лица министра, солдат решил промолчать.

Сфрандзи и его люди вошли внутрь минарета. Соглядатай, в ошибке которого министр ничуть не сомневался, пошел со всеми. На первом этаже валялись останки жертв чумы; их скелеты уже растащили по углам бродячие собаки. И никого живого.

Люди поднялись по лестнице. На втором этаже в мерцающем свете факела они нашли Елену, свернувшуюся клубком возле окна. Казалось, что она спит, но в ее полуоткрытых глазах отражалось пламя факелов. Одежда девушки превратилась в грязные лохмотья, а на лице сочились кровью несколько царапин – наверное, она сама разодрала себе щеки.

Сфрандзи осмотрелся. Они находились на самом верху минарета, на чердаке под конической крышей. На всем лежал толстый слой пыли, и лишь в нескольких местах остались следы – очевидно, Елена, как и они сами, вошла сюда недавно.

Елена очнулась и, опираясь о стену, поднялась на ноги. В лунном свете, льющем сквозь окно, ее растрепанные волосы сияли, как серебряный нимб. Широко раскрытые глаза смотрели в одну точку. С трудом ей удалось отрешиться от наваждения, но затем она снова закрыла глаза, будто стараясь вернуться в прерванный сон.

– Что ты здесь делаешь? – закричал на нее Сфрандзи.

– Я... Я не могу войти туда.

– Куда?

Не открывая глаз, будто не желая расставаться с воспоминаниями – так ребенок цепляется за любимую игрушку, – она проговорила:

– Там так просторно... Так уютно...

Она открыла глаза и осмотрелась в ужасе:

– А здесь... здесь как в гробу! Что внутри минарета, что снаружи... Мне надо туда!

– Ты выполнила задание?

– Подождите! – Елена осенила себя крестным знаменем. – Подождите!

Сфрандзи указал на окно:

– Слишком поздно.

На людей навалилась какофония звуков. Если прислушаться, они исходили из двух мест.

Одна волна шума пришла из-за стен. Мехмед II решил завтра брать город штурмом. А сейчас молодой султан разъезжал по лагерю и провозглашал, что лично ему нужен только город: солдаты могут забирать себе и женщин, и золото Константинополя. После захвата города у них будет три дня на грабеж. Воины громко радовались, их голоса смешивались со звуками фанфар и барабанов, еще больше подогревающих веселье. Праздничный шум из турецкого лагеря, а также дым и искры многочисленных костров плотным ги-

бельным приливом накрыли Константинополь.

А другая волна шума, тихого и печального, шла изнутри города. Все горожане собрались в Софийском соборе, чтобы принять участие в последней мессе. Ничего подобного раньше не случалось в истории христианства и не случится в будущем. Под звуки торжественных гимнов, в тусклом сиянии свечей император Византии, патриарх Константинополя, православные с Востока и католики из Италии, солдаты в доспехах, торговцы и моряки из Венеции и Генуи и бесчисленные толпы простого народа пришли к Богу, чтобы подготовиться к последнему в их жизни сражению.

Сфрандзи понял, что его попытка не удалась. Вероятно, Елена была талантливой лгуньей и никакой магией не владела – он предпочитал это объяснение всем прочим. Но возможен и другой вариант: Елена умела колдовать, но перешла на сторону Мехмеда II, и он дал ей другое задание.

И в самом деле, что могла ей предложить разваливающаяся на глазах Византийская империя? Император пообещал сделать ее святой, но вряд ли сдержал бы слово. Ни Константинополь, ни Рим не объявили бы ведьму-потаскуху святой. Да, скорее всего, она вернулась от султана с новым списком жертв: Константин и он сам, Сфрандзи.

Разве не это произошло с Орбаном, инженером из Венгрии? Он пришел к Константину, принес чертежи огромных пушек – но у императора не нашлось денег ни на оплату его труда, ни на постройку исполинских орудий. Тогда Орбан

отправился к Мехмеду II. Ежедневные бомбардировки служили постоянным напоминанием о его предательстве.

Сфрандзи бросил взгляд на свою ищейку. Тот немедленно выхватил меч и всадил его в грудь Елены. Меч пронзил женщину насквозь и намертво застрял в расщелине между камнями стены. Убийца потянул за рукоятку своего оружия, но оно даже не шевельнулось. Елена ухватила за эфес; соглядатай отпустил меч, боясь прикоснуться к ведьме.

Сфрандзи и его люди ушли.

Во время казни Елена не проронила ни звука. Постепенно голова женщины бессильно поникла, покинув столб лунного света, и серебристый нимб ее волос угас. Лунные лучи высвечивали на темном полу башни небольшой квадрат. По нему, будто тонкая черная змейка, полз ручеек крови.

Перед началом великого сражения смолкли все звуки – и снаружи города, и внутри. Восточная Римская империя встречала свой последний день на Земле, на границе Европы и Азии, между морем и сушей.

На втором этаже минарета умерла колдунья, пригвожденная мечом к стене. Наверное, она была единственной настоящей колдуньей за всю историю человечества. К сожалению, десять часов назад недолгой эпохе магии тоже настал конец.

Эпоха магии началась в четыре часа дня 3 мая 1453 года, когда фрагмент многомерного пространства пересек орбиту Земли. Эпоха закончилась в девять часов вечера 28 мая 1453 года, когда фрагмент оставил Землю позади. Прошло два-

дцать пять дней и пять часов, и все вернулось на круги своя.

Вечером 29 мая турки захватили Константинополь.

Когда кровопролитная битва уже подходила к неизбежному концу, Константин, стоя перед наступающим морем врагов, вскричал: «Город пал, а я все еще жив!» Потом он сорвал с себя императорские одежды, выхватил меч и ринулся в бой. Его серебряные латы блеснули на мгновение, будто фольга, брошенная в темно-красную кислоту, и пропали.

Пройдет много лет, прежде чем люди поймут историческую значимость падения Константинополя. Для большинства это событие отметило последний вздох Римской империи. Византия, тысячелетний след колесницы древнего Рима, многие годы жила богато, но понемногу колея заросла и богатства истаяли, как испаряется лужа воды под жарким солнцем. В давние времена гордые римляне насвистывали песенки, нежась в своих величественных термах, уверенные, что их империя, как и гранит их бассейнов, будет существовать вечно.

Но ничто не вечно под луной. Всему рано или поздно приходит конец. Абсолютно всему.

Эра Кризиса, год 1-й

Режим жизни

Ян Дун жаждала спасения, но знала, что надежды нет.

Она стояла на балконе последнего этажа центра управления и обводила взглядом замерший без дела ускоритель элементарных частиц. Отсюда она видела сооружение целиком, все двадцать километров его окружности. Отходя от традиции, кольцо ускорителя разместили не в подземном туннеле, а в наземной бетонной трубе. Под лучами заходящего солнца оно казалось огромной точкой⁴.

Конец чего означает эта точка? Будем надеяться, что лишь конец физики.

Раньше Ян Дун верила, что, даже если в жизни и мире порой бывают недостатки, и в микроскопически малом, и в астрономически большом масштабе все оставалось прекрасно и гармонично. Наш повседневный мир – не более чем пена на поверхности безупречного океана фундаментальной реальности. А теперь оказалось, что мир – это просто красивая обертка. Микрокосм внутри нее и макрокосм снаружи куда более безобразны и хаотичны, чем обертка.

Даже подумать страшно.

Было бы легче, если бы она не беспокоилась о подобных

⁴ В китайском алфавите точка изображается вот так: # – Прим. К. Л.

вещах. Если бы выбрала карьеру подальше от физики, вышла замуж, завела детей и жила самой обычной, мирной жизнью, как миллионы других женщин. Но, конечно, для нее такое существование было бы полужизнью.

Ян Дун тревожило кое-что еще – ее мать, Е Вэньцзе. Однажды, совершенно случайно, Ян Дун обнаружила на компьютере матери несколько тщательно зашифрованных сообщений. Они пробудили в Ян Дун жгучее любопытство.

Подобно многим пожилым людям, Е Вэньцзе слабо разбиралась, как действует компьютер. Она просто удалила расшифрованные документы вместо педантичного затирания их текста. Она и понятия не имела, что удаленные документы можно легко восстановить даже после форматирования жесткого диска.

Впервые в жизни Ян Дун что-то скрыла от своей матери. Она тайком восстановила удаленные документы. Ей понадобилось несколько дней, чтобы их прочитать. Так она узнала о Трисолярисе и о секрете, который хранили инопланетяне и Е Вэньцзе.

Ян Дун словно громом поразило. Ее мать, человек, которому она доверялась большую часть своей жизни, оказалась совершенно чужой, причем настолько, что она и вообразить не могла! Ян Дун не решилась вызвать мать на разговор – и никогда не решится, потому что, как только она задаст ей вопрос, образ матери в ее душе переменится полностью и навсегда. Лучше делать вид, что ничего не произошло, что

Е Вэньцзе такая же, как раньше, и жить по-старому. Конечно, Ян сочла бы такую жизнь полужизнью.

Но чем плохо состояние полужизни? Множество людей в ее окружении жили лишь наполовину. Если научиться забывать, если суметь приспособиться, то и полужизнь можно провести довольным и счастливым.

Одна половина жизни Ян кончилась вместе с физикой. Другая – с раскрытием секрета матери. Так что же у нее осталось?

Ян Дун облокотилась на перила и устремила взгляд в пропасть под собой, охваченная одновременно страхом и искушением. Перила задрожали под ее весом, и она отскочила, как будто ее ударило током. Ян не рискнула оставаться на балконе; она развернулась и шагнула обратно, в зал терминалов.

Здесь Центр разместил аппаратуру для доступа к суперкомпьютеру, обрабатывающему результаты экспериментов. Несколько дней назад все экраны были отключены, но сейчас некоторые из них снова работали. Это немного утешило Ян Дун, но она знала, что суперкомпьютер больше не управляет ускорителем – его вычислительные ресурсы отдали другим проектам.

В зале находился лишь один молодой человек. Увидев Ян Дун, он встал. Молодой человек носил очки в толстой ярко-зеленой оправе, которые придавали ему весьма своеобразный вид. Ян начала было объяснять – мол, она зашла,

чтобы забрать личные вещи, но как только очкарик узнал ее имя, он с воодушевлением принялся рассказывать, чем он тут занимается.

Оказалось, что он просчитывает математическую модель Земли. В отличие от прежних, эта модель сводила воедино биологию, геологию, астрономию, метеорологию, океанологию и множество других наук, чтобы реконструировать эволюцию поверхности Земли.

Молодой человек подвел Ян Дун к нескольким большим мониторам. По ним не бежали колонки цифр, не извивались линии сложных графиков. На них красовались яркие цветные картины – виды континентов и океанов Земли с большой высоты. Он подвигал мышкой, изменил масштаб и показал, как выглядят вблизи реки и рощи его модели.

Ян Дун как будто ощутила дыхание свежего ветра в комнате, где до этого царили лишь абстрактные числа и теории. Ей почудилось, что она вырвалась на свободу.

Выслушав объяснения молодого ученого, Ян Дун собрала свои вещи, вежливо попрощалась и повернулась к выходу. Она чувствовала, что парень смотрит ей вслед, но она давно привыкла к такому поведению мужчин. Сейчас Ян не чувствовала раздражения – наоборот, ощутила удовольствие, словно среди глубокой зимы увидела солнце. Ее охватила внезапная жажда общения.

Она повернулась к очкарику:

– Вы верите в Бога?

Этот вопрос поразил саму Ян Дун. Но, учитывая модель, светящуюся на терминалах, тема была вполне уместной.

Вопрос ошеломил и ученого. Через какое-то время он сумел закрыть рот, а затем осторожно спросил:

– О каком именно боге вы говорите?

– Просто о Боге. – Она снова почувствовала себя полностью измотанной. Ей не доставало терпения объяснить подробно.

– Тогда не верю.

Ян Дун указала на большие мониторы:

– Но ведь физические параметры, регулирующие существование жизни, крайне безжалостны и не допускают ни малейшего отклонения! Возьмите для примера жидкую воду. Она существует только в узком диапазоне температур. Если же посмотреть на всю Вселенную, становится совершенно очевидно: сместись параметры Большого взрыва хотя бы на одну миллионную часть одной миллиардной, не образовались бы тяжелые элементы и не возникло бы самой жизни. Разве это не доказывает существование Создателя?

Молодой человек покачал головой:

– О Большом взрыве я знаю слишком мало. Но говоря о Земле, вы кое-чего не учитываете. Жизнь не просто зародилась на Земле – она изменила и саму планету. Взаимодействие между мертвой и живой природой создало ту окружающую среду, в которой мы с вами живем сегодня.

Он схватил мышку и принялся щелкать ею.

– Давайте запустим модель.

Он вызвал окошко со множеством цифр. Щелкнул мышкой на галочке в самом верху, и все цифры окрасились серым.

– Я отключил режим наличия жизни. Давайте теперь посмотрим, как стала бы развиваться Земля, если бы на ней не возникла жизнь. Я ускорю моделирование, чтобы нам долго не ждать.

Ян Дун бросила взгляд на другой терминал и заметила, что суперкомпьютер работает на всю мощность. Такая машина потребляет столько электроэнергии, сколько небольшой город. Однако Ян Дун не попросила собеседника остановить расчеты.

На большом экране появилась новорожденная планета. Ее поверхность светилась багровым, словно уголек в топке. Часы на экране отсчитывали геологические эры; планета понемногу остывала. Цвета и узоры на поверхности медленно менялись, завораживая взгляд. Через несколько минут оранжевый шар на экране застыл, и моделирование закончилось.

– Мы прогнали модель в ускоренном режиме. Для точного расчета понадобится больше месяца. – Ученый двинул мышкой и увеличил масштаб. Виртуальная камера пролетела над широкой пустыней, над группой незнакомых высоких горных вершин и над впадиной наподобие метеоритного кратера.

– И что же это перед нами? – указала на экран Ян Дун.

- Это Земля. Только без жизни. Вот так выглядела бы наша планета.
- Но... где же океаны?
- Океанов нет. И рек нет. Вся поверхность совершенно сухая.
- Вы хотите сказать, что без жизни на Земле не было бы жидкой воды?
- Действительность, думается, оказалась бы еще более шокирующей. Заметьте, это очень грубое моделирование. Но, по крайней мере, теперь вы видите, насколько существенно жизнь повлияла на развитие Земли.
- Но...
- Вы, наверное, считаете, что жизнь – это что-то хрупкое, нежное, из всех сил цепляющееся за поверхность планеты?
- А разве это не так?
- Только если вы забудете о факторе времени. Дайте колонии муравьев повод перетаскивать песчинки – и за миллиард лет она сровняет с землей гору Тайшань⁵. Предоставьте жизни достаточно времени – и она окажется крепче камня и стали, могущественнее, чем тайфун или вулкан.
- Но горы образуются под воздействием геологических процессов!
- Не всегда. Даже если жизнь не способна создать го-

⁵ Тайшань (буквально гора Восхода, то есть Восточная гора) – гора в китайской провинции Шаньдун высотой 1545 м (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Тайшань>). – *Прим. перев.*

ру, она может изменить ландшафт. Возьмите три горы: на двух из них растет лес. Третью же, лишенную растительности, скоро разрушит эрозия. «Скоро», конечно, означает «через миллионы лет», но в геологических масштабах это одно мгновение.

– А куда делись океаны?

– Надо будет изучить результаты моделирования; это работа не на один день. Но могу предположить вот что: растения, животные и бактерии повлияли на состав атмосферы. Без жизни наша атмосфера оказалась бы совсем другой. Возможно, она не смогла бы защитить поверхность от солнечного ветра и ультрафиолета. А это привело бы к испарению океанов. Потом парниковый эффект превратил бы атмосферу Земли в подобие венерианской. Влага с течением времени рассеялась бы в космосе, и через несколько миллиардов лет на Земле не осталось бы ни капли воды.

Ян Дун молча взирала на пожелтевший труп планеты.

– Так что Землю, на которой мы живем, создала жизнь – создала под себя. Бог здесь совершенно ни при чем. – Молодой человек в зеленых очках распростер руки и шутливо обнял монитор. Очевидно, ему понравилась собственная речь.

Вообще-то Ян Дун не собиралась обсуждать такие темы, но в тот момент, когда собеседник движением мышки отключил в модели режим жизни, ее осенило.

И она задала страшный вопрос:

– А как насчет Вселенной?

– Вы о чем?

– Если мы построим такую же математическую модель для всей Вселенной и отключим режим жизни, какой получится наша Вселенная в результате?

Ее собеседник на мгновение задумался.

– Она останется такой же. Когда я говорил о влиянии жизни на окружающую среду, я имел в виду только Землю. Жизнь во Вселенной встречается крайне редко, так что ее влиянием можно пренебречь.

Ян Дун прикусила язык. Прощаясь во второй раз, она попыталась изобразить признательную улыбку. Вышла из здания и подняла взор к усеянному звездами небу.

Из секретных документов матери она знала, что жизнь во Вселенной – явление отнюдь не редкое. Наоборот, Вселенная была полна жизни.

Насколько сильно эта жизнь изменила Вселенную?

Ян Дун с трудом поборола накатившую на нее волну ужаса.

Она знала, что теперь ей нет спасения. Ян Дун пыталась не думать ни о чем, погрузить свой разум во тьму пустоты, но не могла отделаться от одного упрямого вопроса:

А естественно ли мироздание?

Эра Кризиса, год 4-й

Юнь Тяньмин

Сегодня, привычно осмотрев пациентов и уже выходя из палаты, доктор Чжан оставил Юнь Тяньмину газету и сказал, что, раз уж тот так долго находится в больнице, ему нужно бы следить за мировыми событиями. В палате стоял телевизор, и поэтому слова врача удивили Юня. Может быть, он имел в виду что-то еще?

Тяньмин прочел газету и обнаружил, что таблоиды больше не забиты статьями о Трисолярисе и Обществе «Земля-Трисолярис» (ОЗТ). Журналисты стали писать и на другие темы, не имеющие отношения к кризису. Такова природа человека. Люди всегда предпочитали жить одним днем, и сегодняшние заботы оказались важнее событий, ожидаемых через четыре века.

Ничего удивительного. Он стал вспоминать, что происходило четыреста лет назад. Китаем тогда правила династия Мин. Юнь не помнил точной даты, но предположил, что Нурхаци⁶ только что создал империю, которой суждено погубить миллионы человек и прийти на смену Мин. В Европе

⁶ Нурхаци (1559–1626) – основатель маньчжурской империи, названной по ее династии Да Цзинь – «Великая Золотая» (она же Хоу Цзинь – «Поздняя Золотая»). Позже эта династия стала именоваться Цин – это была последняя династия Китая (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Нурхаци>). – *Прим. перев.*

только что закончилось Средневековье. До паровой машины еще сто с лишним лет. До электричества – триста. Если бы кто-нибудь в то время стал волноваться, что произойдет через четыреста лет, над ним бы просто посмеялись. Переживать о будущем так же бессмысленно, как и горевать о прошлом.

Что же до самого Тяньмина, то, судя по ходу болезни, ему незачем беспокоиться даже о том, что случится в следующем году.

Но одна статья на первой странице привлекла его внимание:

Специальная сессия Третьего постоянного комитета при Всекитайском собрании народных представителей приняла закон об эвтаназии.

Статья озадачила Тяньмина. Специальную сессию созвали из-за Трисолярианского кризиса, а этот закон вряд ли имеет к нему какое-то отношение.

«Почему доктор Чжан хотел, чтобы я увидел эту статью?»

Он раскашлялся. Пришлось отложить газету и постараться заснуть.

На следующий день этот закон пару раз упомянули в выпусках телевизионных новостей и даже показали несколько интервью, но особого интереса у широкой публики он не вызвал.

Этой ночью Тяньмин спал плохо. Он кашлял, дышал с трудом, и его мучило после химиотерапии. Сосед по палате

присел на край койки Тяньмина и держал ему кислородную маску. Фамилия соседа была Ли, и все звали его Лао Ли – «старина Ли».

Лао Ли оглянулся, убедился, что двое других пациентов в палате крепко спят, и затем сообщил:

– Тяньмин, я скоро уйду.

– Тебя выписывают?

– Нет. Воспользуюсь новым законом.

Тяньмин приподнялся в койке:

– Но почему? У тебя ведь такие заботливые, внимательные дети...

– Именно поэтому. Если я протяну еще дольше, им придется продать свои дома. Но чего ради? Ведь это не лечится. Я обязан позаботиться и о своих детях, и о своих внуках.

Лао Ли вздохнул, потрепал Тяньмина по руке и вернулся в свою койку.

Деревья за окном раскачивались под порывами ветра. Тяньмин смотрел на их тени, мечущиеся по занавескам, и постепенно уснул. Впервые с того дня, когда ему поставили диагноз, ему приснился умиротворяющий сон.

Он плыл по спокойному океану в маленьком бумажном кораблике без весел. С затянутого туманом темно-серого неба сеял прохладный дождик, но ни одна капля не долетала до поверхности воды – океан оставался гладким, словно зеркало. Куда ни посмотри, серая вода сливалась с серым небом. Ни горизонта, ни берега...

Наутро Тяньмин проснулся и удивился, почему он так был уверен во сне, что там всегда идет дождь, что океан остается гладким, а небо — темно-серым.

* * *

В госпитале все было готово к проведению процедуры, избранной Лао Ли.

Журналисты спорили между собой до хрипоты, пока не согласились использовать глагол «проводить». Другие варианты, такие как «привести в исполнение» или «осуществить», звучали неподобающе, а «завершить» намекало на неизбежность смерти — что, впрочем, было не совсем верно.

Доктор Чжан спросил Тяньмина, достаточно ли хорошо тот себя чувствует, чтобы присутствовать на церемонии эвтаназии Лао Ли. Врач поспешил добавить, что, поскольку это первый случай эвтаназии в городе, хотелось бы присутствия делегатов от различных заинтересованных групп, в том числе и кого-нибудь от других пациентов. И ничего иного он в виду не имел.

Тяньмин чувствовал, что за просьбой медика скрывается что-то еще, но доктор Чжан всегда хорошо заботился о своих пациентах, и поэтому Тяньмин согласился.

Позже он внезапно осознал, что имя и лицо доктора Чжана ему знакомы. А не встречались ли они раньше, до госпитализации? Он не мог вспомнить. Тяньмин не узнавал докто-

ра раньше потому, что при встречах они обсуждали исключительно состояние Тяньмина и ход лечения. Работая, врач говорил в одной манере, а вне работы – совершенно в другой.

На процедуре не было никого из родственников Лао Ли. Он решил держать свое решение в секрете от них и попросил городских чиновников, а не больницу, сообщить семье, когда все будет кончено. Новый закон давал ему такие права.

Приехало много репортеров, но большинство из них внутрь не пустили. Комнату эвтаназии оборудовали в отделении «скорой помощи». В стене установили одностороннее зеркало; присутствующие могли наблюдать за процедурой, но пациент их не видел.

Тяньмин протолкался сквозь толпу к самому зеркалу. Как только он увидел обстановку в комнате эвтаназии, его охватили страх и отвращение. Тяньмина чуть не стошнило.

Тот, кому поручили обставить и украсить комнату, постарался на славу. Окна прикрывали новые, красивые занавески, в вазах стояли живые цветы, а на стенах висели многочисленные розовые бумажные сердечки. Но сотрудник, действовавший из самых лучших побуждений и пытавшийся смягчить предназначение палаты, достиг прямо противоположного эффекта. Омрачавшая помещение тень смерти странно смешалась с картиной праздника, как будто чью-то усыпальницу пытались приспособить под спальню новобрачных.

Лао Ли спокойно лежал на койке в середине комнаты.

Тяньмин сообразил, что они так и не попрощались, и ему стало грустно. Два нотариуса возились с бумагами. Лао Ли их подписал, и нотариусы вышли.

Вошел другой человек и объяснил Лао Ли порядок проведения процедуры. Этот сотрудник носил белый халат, но было неясно, врач ли он. Сперва он указал на большой экран возле кровати и спросил, может ли Лао Ли читать на нем текст. Тот кивнул. Затем человек в белом халате попросил пациента с помощью компьютерной мышки нажать кнопки на экране. Он пояснил, что, если это слишком сложно, у них есть и другие методы. Лао Ли попробовал мышку и сказал, что его все устраивает.

Тяньмин вспомнил, как Лао Ли рассказывал, что никогда не работал с компьютером. Когда ему требовались наличные, он вставал в очередь к кассиру в банке. Сегодня Лао Ли впервые в жизни пользовался мышкой.

Затем сотрудник рассказал Лао Ли, что на экране загорится вопрос, и этот вопрос зададут пять раз. Под вопросом будут кнопки, пронумерованные от нуля до пяти. Если Лао Ли желает ответить утвердительно, он должен щелкнуть мышкой на кнопке с номером, написанным в инструкции на экране; для каждого вопроса компьютер выберет случайный номер. Если же Лао Ли захочет ответить отрицательно, он должен нажать «ноль», и процедура немедленно остановится. Обычных кнопок «да» и «нет» не предусматривается.

Человек в белом халате объяснил, что такой сложный ме-

тод не позволит пациенту нажимать одну и ту же кнопку раз за разом, не думая об ответе.

Вошла медсестра и ввела в левую руку Лао Ли иглу. Игла тонкой трубочкой соединялась с автоматическим инъектором размером с ноутбук. Человек в белом халате достал запечатанную упаковку, разорвал защитную пленку и извлек пузырек с желтоватым раствором, затем осторожно перелил содержимое пузырька в инъектор и вышел вместе с медсестрой.

В комнате остался только Лао Ли.

На экране загорелся вопрос, и его продублировал негромкий, мягкий женский голос:

– Хотите ли вы прервать свою жизнь? Если да, выберите три. Если нет, выберите ноль.

Лао Ли выбрал 3.

– Хотите ли вы прервать свою жизнь? Если да, выберите пять. Если нет, выберите ноль.

Лао Ли выбрал 5.

Вопрос повторился еще два раза. А затем:

– Хотите ли вы прервать свою жизнь? Это последний вопрос. Если да, выберите четыре. Если нет, выберите ноль.

От нахлынувшей волны горя у Тяньмина закружилась голова, и он чуть было не упал в обморок. Он никогда раньше не ощущал такой острой боли, такой злости, даже когда умерла его мать. Он хотел закричать на Лао Ли: выбери ноль! Ему хотелось разбить стекло, ворваться в комнату и заду-

шить этот голос.

Но Лао Ли выбрал 4.

Бесшумно заработал иньектор. Тяньмин видел, как укорачивается и исчезает столбик желтоватого раствора в ампуле аппарата. Лао Ли не пошевелился. Он закрыл глаза и уснул.

Толпа вокруг Тяньмина начала расходиться, но он остался возле окна – стоял, прижимая руки к стеклу. Он не смотрел на безжизненное тело внутри. Его глаза были открыты, но Тяньмин ничего не видел.

– Он не чувствовал боли, – слышался голос доктора Чжана, тихий, как звон комара. Тяньмин ощутил его руку на своем левом плече. – Это была смесь мощных доз барбитала, миорелаксанта и хлорида калия. Сначала действует барбитал, и пациент глубоко засыпает. Миорелаксант прекращает дыхание, а хлорид калия останавливает сердце. Весь процесс занимает двадцать или тридцать секунд.

Чуть позже доктор Чжан убрал руку с плеча Тяньмина, и тот услышал, как врач уходит. Тяньмин так и не обернулся.

Внезапно он вспомнил, где встречал Чжана раньше:

– Доктор, – тихо позвал Тяньмин. Шаги остановились. Тяньмин по-прежнему не оборачивался. – Вы ведь знакомы с моей сестрой?

После продолжительной паузы прозвучал ответ:

– Да. Мы вместе учились в школе. Я видел тебя несколько раз, когда ты был маленьким.

Переставляя ноги, словно робот, Тяньмин вышел из главного корпуса онкологического центра. Теперь ему все стало понятно. Доктор Чжан работает на его сестру, а его сестра желает ему смерти. Нет, не так – она хочет, чтобы ему «провели процедуру».

Тяньмин часто вспоминал счастливые дни детства, которые делил с сестрой. Но когда дети стали старше, между ними выросла стена. Они не задевали друг друга, не было открытых ссор. Просто они оказались совершенно разными людьми. Каждый из них думал, что другой его не выносит.

Сестра Тяньмина выросла хитрой, но не очень умной, и вышла замуж за такого же, как она сама. Карьера у обоих не задалась. Они так и не смогли купить дом, даже после того, как выросли дети. У родителей мужа места для них не нашлось, поэтому семья обосновалась в доме отца Тяньмина.

А Тяньмин был одиночкой. Он не превзошел сестру ни в карьере, ни в личной жизни. Жил он в общежитиях по месту работы и свалил всю заботу о престарелом отце на сестру.

Внезапно Тяньмин понял ход мыслей сестры. Медицинской страховки не хватало на оплату его лечения: чем дольше он лежал в больнице, тем больше рос его счет. Отец доплачивал из своих сбережений, но ни разу не предлагал денег сестре для покупки дома. Он явно ставил нужды сына выше нужд дочери. С точки зрения сестры, отец тратил деньги, принадлежавшие ей. Кроме того, дорогостоящие процедуры лишь замедляли развитие болезни, вылечить они не могли.

Если Тяньмин решится на эвтаназию, сестре достанется более солидное наследство, да и ему самому не придется долго мучиться.

Небо было сплошь затянуто хмурыми облаками, такими же, как в недавнем сне. Тяньмин посмотрел вверх на эту бескрайнюю серость и тяжело вздохнул.

«Ладно. Если ты хочешь, чтобы я умер, я умру».

Он вспомнил рассказ Франца Кафки «Приговор». В нем отец проклинает сына и приговаривает его к смерти. Сын соглашается так же легко, как иной согласится вынести мусор или закрыть дверь. Он выходит на улицу, бежит к мосту и прыгает в реку. Позднее Кафка признался своему биографу, что, когда он писал этот эпизод, он представлял себе «неудержимую эякуляцию».

Теперь Тяньмин понимал Кафку – человека в шляпе-котелке и с портфелем, молча бродившего по мрачным улицам Праги сто лет назад. Человека, такого же одинокого, как и он сам.

* * *

Когда Тяньмин вернулся в палату, там его дожидался Ху Вэнь, однокурсник по колледжу.

За годы учения Вэнь стал ему почти что другом – но именно «почти что». Вэнь хорошо сходилась с людьми, имел много знакомых, но Тяньмин всегда оставался на самой перифе-

рии его круга общения. Они не встречались со дня окончания колледжа.

Вэнь не принес ни букета, ни другой подобной безделушки. Он пришел с картонной коробкой, полной банок с каким-то напитком.

После неловкого обмена приветствиями Вэнь удивил Тяньмина. Он спросил:

– Помнишь тот пикник на первом курсе? Мы впервые тогда поехали всей группой.

Разумеется, Тяньмин помнил. В тот раз Чэн Синь впервые села рядом и даже заговорила с ним.

Если бы она не начала первой, Тяньмин до конца учебы не осмелился бы с ней заговорить. Тогда он расположился в стороне от группы и стал смотреть на гладь водохранилища Миюнь, что недалеко от Пекина. Чэн села рядом и завела разговор.

Пока они говорили, она бросала камешки в воду. Беседа перескакивала с одного на другое, как это часто бывает при первом знакомстве однокурсников. Но Тяньмин запомнил каждое слово. А потом Чэн Синь сложила бумажный кораблик и спустила его на воду. Подгоняемый ветерком, кораблик неспешно плыл, пока не превратился в крохотную точку вдали.

В памяти Тяньмина вокруг этого дня, лучшего за все годы колледжа, сиял золотой нимб. На самом деле погода тогда стояла не из лучших. Моросил дождик, по поверхности во-

доема бежали волны, и когда они с Чэн Синь бросали мокрые камешки, те выскальзывали из рук. Но с тех пор Тяньмин полюбил дождливую погоду, запах влажной земли и сырой гальки на берегу. Время от времени он складывал бумажный кораблик и ставил его на тумбочку возле своей кровати.

Он вздрогнул, подумав, что мир его недавнего сна – порождение тех воспоминаний.

Вэнь хотел поговорить о том, что случилось после; но Тяньмину не запомнилось ничего существенного. Впрочем, после нескольких подсказок Вэня ему удалось оживить потускневшую память.

Подожли подружки Чэн Синь и увели ее с собой. Потом рядом с Тяньмином присел Вэнь.

«Не переоценивай себя. Она ко всем хорошо относится».

Конечно, Тяньмин это знал. Но тут Вэнь заметил бутылку минеральной воды в руке Тяньмина, и разговор повернул в новое русло.

«Что это ты пьешь такое?»

В бутылке плескалась какая-то зеленая жидкость, в которой плавали травинки и обрезки листьев.

«Я помял и набросал в воду кое-какие травы. Самый натуральный напиток».

У Тяньмина было превосходное настроение, и он говорил больше обычного.

«Может быть, я однажды открою фирму и стану продавать этот напиток. Он всем понравится».

«Наверняка отвратный на вкус».

«Считаешь, сигареты и водка приятные? Наверное, даже кока-кола показалась тебе противной микстурой, когда ты ее впервые попробовал. И так со всем, к чему привыкаешь».

– Дружище, этот разговор изменил мою жизнь! – сказал Вэнь. Он открыл коробку и достал из нее банку. На темно-зеленой этикетке красовались луговые травы. Напиток назывался «Зеленый шторм».

Вэнь откупорил банку и передал Тяньмину. Тот отхлебнул. Душистый травяной напиток слегка горчил. Тяньмин закрыл глаза и представил себя на берегу водоема, под дождем, а рядом – Чэн Синь...

– Это особый рецепт. В магазины мы поставляем более сладкий продукт, – пояснил Вэнь.

– И покупают?

– Еще как! Меня беспокоит себестоимость. Ты думаешь, что трава ничего не стоит, но в небольших количествах она дороже фруктов или орехов. Кроме того, ее надо очистить, переработать, а это не так-то просто. Но у меня отличные перспективы! Мною заинтересовались инвесторы, а «Хойюань Джюс» хочет купить фирму целиком. Да пошли они...

Тяньмин уставился на Вэня, не находя слов. Вэнь учился на инженера аэрокосмической промышленности, но стал владельцем фирмы прохладительных напитков. Он был деятельным человеком и добивался результата. Таких людей называли хозяевами жизни. А подобные Тяньмину, всеми

позабытые и оставленные позади, стояли и смотрели, как жизнь проходит мимо...

– За мной должок, – продолжил Вэнь. Он передал Тяньмину три кредитные карты и небольшую бумажку, осмотрелся, нагнул по ближе и прошептал:

– На счету три миллиона юаней⁷. Пароль в записке.

– Да ведь я не подавал заявку на патент! – запротестовал Тяньмин.

– Но это твоя идея. Без тебя не было бы никакого «Зеленого шторма». Если ты не против, то будем в расчете – по крайней мере, юридически. Как друг я навсегда в долгу перед тобой.

– Ты мне ничего не должен, ни юридически, ни еще как-либо.

– Прими деньги. Я знаю, что они тебе нужны.

Тяньмин умолк. Для него это была астрономическая сумма, но радоваться нечему. Деньги его не спасут.

Но надежда упряма. Когда Ху Вэнь ушел, Тяньмин записался на прием к специалисту. С доктором Чжаном он говорить не хотел; не без труда Тяньмин добился встречи с заместителем директора центра, известным онкологом.

– Можно ли меня вылечить, если деньги – не проблема?

Пожилой врач долго читал историю болезни, а потом покачал головой:

⁷ Три миллиона юаней соответствуют 435 тысячам долларов США по курсу декабря 2016 года. – *Прим. перев.*

– Метастазы уже распространились из легких по всему организму. Хирургическое вмешательство бесполезно. Остаются только консервативные методы – химио- и лучевая терапия. Даже если у вас есть деньги... Молодой человек, вы помните поговорку? «Врач может излечить лишь излечимую болезнь; Будда может спасти только того, кого можно спасти».

В душе Тяньмина погас последний луч надежды и воцарилось спокойствие. В тот же день он подал заявку на эвтаназию.

Он передал бумаги своему лечащему врачу, доктору Чжану. Того, похоже, грызла совесть, и он избегал встречаться взглядом со своим пациентом. Он посоветовал Тяньмину прекратить химиотерапию. К чему лишние мучения?

Оставалось только одно: решить, как распорядиться полученными от Вэня деньгами. По неписаным правилам их следовало передать отцу, а тот уже разделит бы сумму внутри семьи. Но тогда Тяньмин мог бы просто отдать все деньги сестре – а этого он делать не намеревался. Тяньмин уже согласился исполнить ее желание и умереть, больше он ей ничего не должен.

Он стал вспоминать, есть ли у него какие-нибудь неосуществленные желания. Неплохо бы прокатиться вокруг света на комфортабельном круизном теплоходе... но его тело не выдержит путешествия, да и времени оставалось мало. Как жаль! Он бы с удовольствием полежал в шезлонге на заливной

солнцем палубе, не сводя глаз с убаюкивающего океанского простора и вспоминая прожитую жизнь. Еще он мог бы в дождливый день сойти на берег в какой-нибудь необычной стране, сесть возле небольшого озерца и кидать мокрые камешки в воду, подернутую рябью...

Потом его мысли снова вернулись к Чэн Синь. В последнее время он думал о ней все чаще и чаще.

Тем вечером Тяньмин смотрел телевизор, и в новостях сообщили:

Двенадцатая сессия Совета обороны планеты при ООН приняла резолюцию № 479, тем самым дав старт проекту «Наша цель – звезды». Комиссии, сформированной Программой развития ООН, Комитетом ООН по природным ресурсам и ЮНЕСКО, предоставлены полномочия для немедленной реализации проекта.

Сегодня вечером начнет работу официальный китайский веб-сайт программы «Наша цель – звезды». По словам постоянного представителя Программы развития ООН в Пекине, китайский проект будет принимать заявки от частных лиц и фирм, но не станет рассматривать предложения от неправительственных организаций...

Тяньмин поднялся с койки и сказал медсестре, что хочет пойти прогуляться. Но уже было время отбоя, и медсестра не пустила его наружу. Тяньмин вернулся в темную комнату, отодвинул занавески и открыл окно. Новый пациент, лежавший на месте Лао Ли, недовольно заворчал.

Тяньмин выглянул в окно. Звезды на небе терялись в свете городских фонарей, но он разглядел несколько серебристых точек.

Теперь он знал, как распорядится своими деньгами. Он купит для Чэн Синь звезду.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Инфантилизм в начале Кризиса

Многие из событий, произошедших в первые двадцать лет Кризиса, оказались необъяснимы как для современников, так и для потомков. Историки дали им название «Инфантилизм Кризиса».

Принято считать, что инфантилизм стал реакцией на беспрецедентную угрозу для всей цивилизации. Возможно, это утверждение верно для каждой отдельной личности, но применительно ко всему человечеству оно слишком упрощенно.

Трисолярианский кризис оказал на общество гораздо более глубокое влияние, чем представлялось поначалу. Вот несколько приблизительных аналогий. Говоря на языке биологии, Кризис можно сравнить с тем днем, когда предки млекопитающих выкарабкались из океана на берег. С точки зрения религии – с днем, когда Адама и Еву изгнали из рая. С

точки зрения истории и социологии... здесь вообще нет никаких аналогий, даже самых приблизительных. Все предыдущие радости и беды человечества меркли перед Трисолярианским кризисом. Он пошатнул основы основ культуры, политики, религии и экономики. Его отголоски достигли самых глубин цивилизации, но волны прежде всего всколыхнули поверхность. Вероятно, подлинную причину Инфантилизма Кризиса можно отыскать в сочетании этих откликов с огромной инерцией врожденной консервативности общества.

Классическими примерами инфантилизма являлись программы «Отвернувшиеся» и «Наша цель – звезды». И та и другая были международными проектами под управлением ООН, инициативами, вскоре ставшими непонятными для всех, кроме их современников. Проект «Отвернувшиеся» изменил ход истории – он настолько повлиял на развитие событий, что мы обсудим его особо. Те же истоки, что породили грандиозный проект «Отвернувшиеся», в то же время дали начало и проекту «Наша цель – звезды». Последний быстро заглох, и о нем больше никогда не слышали.

Основными побудительными причинами проекта «Наша цель – звезды» стали, во-первых, стремление расширить возможности ООН и, во-вторых, зарождение и популярность идей эскапизма.

Вторжение инопланетян стало первой угрозой, нависшей над всем человечеством. Естественно, что многие возлагали

надежды на ООН. Даже консерваторы соглашались, что ее необходимо полностью реорганизовать, дать больше власти и больше ресурсов. Радикалы и идеалисты настаивали на создании Земного союза с ООН в роли мирового правительства.

В частности, за усиление влияния ООН выступали небольшие страны. Они видели в Кризисе возможность добиться дополнительной технологической и экономической поддержки. Страны-лидеры, напротив, на идею усиления ООН реагировали прохладно. Когда разразился Кризис, все великие державы мира сделали значительные инвестиции в развитие космической обороны. Они сразу поняли, что космическое оружие прибавит их странам веса на политической арене будущего. Кроме того, они и раньше хотели вести такие исследования, но их сдерживали избиратели и международные договоренности. В некотором смысле Трисолярианский кризис дал руководителям крупных стран шанс, подобный тому, какой Кеннеди получил благодаря холодной войне, но только в сотни раз более весомый. Великие державы не торопились отдавать свои исследования под эгиду ООН, и все же под напором многочисленных призывов к истинной глобализации им пришлось дать ООН кое-какие чисто символические обещания, которые они не собирались исполнять. Например, общепланетарная система космической обороны, за которую выступала ООН, от крупных стран по-

что ничего существенного не получила⁸.

В начале Эры Кризиса ключевой фигурой стала Генеральный секретарь ООН Сэй. Она считала, что пришла пора для обновления ООН, и выступала за преобразование организации, по сути, являвшейся всего лишь местом встреч мировых держав и международным форумом, в независимую политическую структуру, наделенную достаточной властью для возведения оборонных систем Земли.

Для достижения этой цели ООН требовались значительные ресурсы. Получить их, учитывая реалии международных отношений, казалось невыполнимой задачей. Проект «Наша цель – звезды» был попыткой Сэй привлечь такие ресурсы. Этот план, независимо от его результатов, свиде-

⁸ Любопытно, но в 1991 году было выдвинуто такое предложение по созданию общепланетной системы космической обороны под эгидой ООН: «Группа специалистов – математиков и инженеров, анализирующих последствия возможной ядерной войны и использования космических средств, – пришла к выводу о необходимости и реальности создания под эгидой ООН Международной космической системы, способной выполнять по меньшей мере три функции...» (*Из обращения академика Никиты Моисеева «Смерть идет из космоса»*) И спустя 20 лет идея снова витает в воздухе. «Идея Рогозина заключается в том, чтобы оформить саму систему ПРО как систему «Стратегической обороны Земли», защищающей всю планету не только от ракет террористов и стран-изгоев, но и от астероидов, комет и прочих опасных инопланетных объектов. Создаваемая система должна обладать способом мониторинга космического пространства вокруг Земли, а также ударными возможностями для разрушения представляющих угрозу объектов при их подлете к Земле. Один из ключевых элементов российских предложений заключается в том, что новая система космической обороны Земли должна быть поставлена под контроль ООН». (<https://newdaynews.ru/policy/353644.html>). – Прим. перев.

тельствует о воображении и политической изобретательности Сэй.

Проект основывался на Договоре о космосе – межправительственном документе, принятом задолго до Кризиса⁹. Над Договором о космосе работали много лет, опираясь на принципы, заложенные в Конвенции ООН по морскому праву и Договоре об Антарктике. Но соглашение, принятое до Кризиса, действовало лишь внутри пояса Койпера. Трисолярианский кризис заставил мировые державы устремить свой взгляд значительно дальше.

Поскольку даже Марс в то время находился вне досягаемости людей, обсуждать дальний космос не имело смысла – по крайней мере, до истечения срока действия Договора о космосе, через пятьдесят лет после его принятия. Но великие державы увидели в Договоре отличную сцену для политического театра и внесли в него поправки о ресурсах за границами Солнечной системы. В поправках говорилось, что доступ к природным ресурсам, находящимся вне пояса Койпера, а также иная связанная с ними экономическая деятельность должны осуществляться под патронажем ООН. В документах скрупулезно перечислили, что имеется в виду под «природными ресурсами», но, по сути, эти слова означа-

⁹ Договор о космосе является основой международного космического права. Подписан Соединенными Штатами Америки, Великобританией и Советским Союзом 27 января 1967 года, вступил в силу 10 октября 1967 года. По состоянию на октябрь 2011 года 100 стран являются государствами-участниками договора, а еще 26 подписали договор, но не завершили ратификацию. – *Прим. перев.*

ли любые ресурсы, не находящиеся под контролем инопланетных цивилизаций. Также Договор впервые в истории дал юридическое определение цивилизации. Впоследствии этот документ называли «Поправками Кризиса».

Второй причиной создания проекта «Наша цель – звезды» был эскапизм. В те дни движение эскапистов только зарождалось, и никто не представлял себе возможные последствия. Многие считали эскапизм приемлемым способом разрешения кризиса. При таких условиях другие звезды, и особенно звезды с планетами, представляли ценность.

Резолюция, положившая начало проекту «Наша цель – звезды», давала ООН полномочия выставить на аукцион некоторые звезды и их планеты. Предполагалось, что покупателями станут государства, фирмы, негосударственные организации и частные лица. ООН направит выручку с аукциона на фундаментальные исследования технологий обороны Солнечной системы. Генеральный секретарь Сэй объясняла, что во Вселенной очень много звезд – более трехсот тысяч в радиусе ста световых лет; а в радиусе тысячи их больше десяти миллионов. По консервативной оценке предполагалось, что каждая десятая звезда имеет планеты. Продажа незначительной части этих звезд не окажет существенного влияния на освоение космоса в будущем.

Столь необычная резолюция ООН привлекла внимание и вызвала широкий резонанс. Постоянные члены Совета обороны планеты (СОП) подумали, посоветались, и каждый из

них решил, что в обозримом будущем вреда от резолюции не будет. А с другой стороны, голос против нее в современном политическом климате обойдется дорого. Приступили к обсуждению и сошлись на компромиссном варианте: продавать только те звезды, которые находятся не ближе ста световых лет от Земли.

Проект закрылся практически сразу по элементарной причине: товар никто не покупал. Удалось продать только семнадцать звезд, да и те по начальной цене. ООН выручила всего сорок миллионов долларов.

Ни один из покупателей не пожелал разгласить свое имя. Люди гадали, зачем отдавать такие громадные деньги за бесполезную бумажку – даже если учесть, что бумажка считалась юридическим документом. Может быть, покупателям просто приятно владеть далеким миром? Но какой в том смысл, если их мир можно увидеть, но нельзя потрогать? А кое-какие из проданных звезд даже не видны без телескопа.

Сэй так и не признала проект неудачным. Она утверждала, что достигла ожидаемого результата. По большому счету программа «Наша цель – звезды» была громким политическим заявлением со стороны ООН.

О проекте быстро забыли. Он стал классическим примером беспорядочных и нестандартных действий человечества в первые годы Кризиса.

Эра Кризиса, год 4-й

Юнь Тяньмин

Решив купить Чэн Синь звезду, Юнь Тяньмин на следующий же день позвонил по номеру, указанному на китайском веб-сайте проекта «Наша цель – звезды».

Потом он набрал номер Ху Вэня, чтобы узнать подробную информацию о Чэн Синь: ее почтовый адрес, номер удостоверения личности и все остальное. Тяньмин был готов к любой реакции Вэня: сарказму, жалости, удивлению. Но после затянувшейся паузы он услышал в трубке только слабый вздох.

– Все сделаю, – ответил Вэнь. – Но, скорее всего, она сейчас за границей.

– Только не сообщай ей, что это для меня.

– Не беспокойся. Я спрошу ее не напрямую.

На следующее утро Тяньмин получил сообщение от Вэня. Там было все, что он хотел знать, кроме места работы. Вэнь написал, что никому не известно, куда Чэн Синь устроилась после окончания Аэрокосмической академии в прошлом году. Тяньмин увидел, что у нее два почтовых адреса: один в Шанхае, другой в Нью-Йорке.

В полдень Тяньмин выпросил у доктора Чжана разрешение выйти из больницы по делам. Доктор хотел отправиться вместе с Тяньмином, но тот настоял на поездке в одиночку.

Тяньмин поймал такси и добрался до офиса ЮНЕСКО в Пекине. С началом Кризиса все представительства ООН начали разрастаться, и теперь ЮНЕСКО занимала большую часть здания за четвертой кольцевой дорогой.

Тяньмин вошел в просторный офис проекта «Наша цель – звезды». С HD-экрана его приветствовала огромная звездная карта. На угольно-черном фоне горели звезды, серебристыми линиями соединенные в созвездия. Стоявший рядом компьютер позволял вести поиск в базе данных и управлять масштабом карты. Кроме секретарши в офисе никого не было.

Тяньмин представился. Секретарша побежала в глубь офиса и привела светловолосую женщину.

– Это директор офиса ЮНЕСКО в Пекине, – представила ее секретарша. – А также один из кураторов проекта «Наша цель – звезды» во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Директор явственно обрадовалась приходу Тяньмина. Она пожала ему руку и сказала на отличном китайском, что он первый китаец, заинтересовавшийся покупкой звезды. Она предпочла бы организовать большую церемонию, чтобы привлечь интерес журналистов, но уважала желание клиента остаться неизвестным. Судя по ее виду, ей и в самом деле было жаль упускать такую превосходную возможность рекламы проекта.

«Не беспокойся, – подумал Тяньмин. – Другого столь же глупого китайца не найдется».

Вошел презентабельный господин среднего возраста в очках. Директор представила его как доктора Хэ, сотрудника Пекинской обсерватории. Астроном должен помочь Тяньмину определиться с деталями покупки. Когда директор ушла, доктор Хэ предложил Тяньмину сесть и попросил секретаршу принести им чай.

– Вы хорошо себя чувствуете? – спросил он Тяньмина.

Тяньмин знал, что выглядит плохо. Но когда он отказался от химиотерапии, а она мало чем отличалась от пытки, ему стало лучше – как будто открылось второе дыхание. Не отвечая на вопрос доктора Хэ, он повторил свои слова, сказанные ранее по телефону:

– Я хочу купить звезду в подарок. Звезду следует зарегистрировать как собственность этого человека. Я не предоставляю никаких сведений о себе и хочу, чтобы она никогда не узнала имени дарителя.

– Без проблем. Вы уже решили, какую звезду будете брать?

– Поближе к Земле. С планетами. В идеальном случае с планетами земного типа, – ответил Тяньмин, разглядывая звездную карту.

Доктор Хэ покачал головой:

– Суммы, которую вы назвали, на такую звезду не хватит. Они стоят дорого. Вы сможете купить звезду без планет, и она будет не очень близко. Позвольте мне объяснить: вы предлагаете слишком мало даже для покупки звезды без

планет. Но когда вы вчера позвонили, мы посоветовались и приняли решение, что раз вы первый китаец, заинтересовавшийся нашим проектом, то мы снизим стоимость одной из звезд до предложенной вами суммы.

Астроном подвигал мышкой, выбрал участок карты и увеличил его.

– Вот эта¹⁰. Скажите «да», и она ваша.

– И как далеко она от нас?

– Приблизительно двести восемьдесят шесть световых лет от Земли.

– Это слишком далеко.

Доктор Хэ рассмеялся:

– Вижу, вы кое-что смыслите в астрономии. Однако подумайте сами: какая вам разница, сколько до нее – просто двести восемьдесят шесть или двести восемьдесят шесть миллиардов световых лет?

Тяньмин призадумался. Астроном прав, никакой разницы.

– У этой звезды есть одно большое преимущество, – продолжил доктор Хэ. – Она видна невооруженным глазом, а это крайне важно. Лучше владеть звездой подальше, на которую можно взглянуть, чем звездой поближе, пусть даже с планетами, но которую не видно. В конце концов, мы ведь только и можем, что любоваться ими. Разве я не прав?

Тяньмин кивнул: «Чэн Синь увидит звезду. Хорошо».

¹⁰ <http://palebluedot.whitedwarf.org/stars/4650422>

– Как она называется?

– Эту звезду сотни лет назад внес в свой каталог Тихо Браге. Но имени она так и не получила, только номер.

Доктор Хэ подвел курсор к сияющей точке, и рядом появился текст: DX3906. Затем астроном терпеливо объяснил Тяньмину, что означают буквы и цифры, какой у звезды спектральный класс, какая видимая звездная величина и какая абсолютная, где она располагается в главной последовательности и так далее.

Оформление покупки не заняло много времени. Доктору Хэ помогали два нотариуса. Потом снова пришла директор, а с ней еще два чиновника: один из Программы развития ООН, другой из Комитета ООН по природным ресурсам. Секретарша подала шампанское, и все чокнулись бокалами.

Затем директор провозгласила, что DX3906 теперь собственность Чэн Синь, и передала Тяньмину дорогую на вид папку из черной кожи.

– Ваша звезда.

После ухода чиновников доктор Хэ повернулся к Тяньмину:

– Если не хотите, не отвечайте, но я так понимаю, что вы купили звезду для своей девушки?

Тяньмин мгновение поколебался, а потом кивнул.

– Вот ведь счастливица! – вздохнул доктор Хэ. – Хорошо быть богатым!

– Скажете тоже! – возразила секретарша и высунула язык,

поддразнивая доктора Хэ. – При чем тут богатство? Да имей вы хоть тридцать миллиардов юаней, разве вы купили бы звезду своей подружке? Ха! Я не забыла, что вы говорили позавчера!

Доктор Хэ смутился. Он опасался, что секретарша выболтает его личное мнение о программе «Наша цель – звезды»: «ООН идет по стопам аферистов, что точно так же обирали народ десять лет назад. Только тогда они продавали участки на Луне и Марсе. Чудом будет, если на это поведется хотя бы один недоумок!»

К счастью, секретарша думала совсем о другом:

– Деньги здесь ни при чем! Дело в любви! В романтике! Вы хоть понимаете?

Пока Тяньмин покупал звезду, девушка время от времени поглядывала на него так, будто он явился из сказки. Сначала ее взгляд выдавал любопытство, потом восхищение и уважение. Наконец, когда кожаная папка с документами перешла из рук в руки, на ее лице появилась зависть.

Доктор Хэ попытался сменить тему разговора:

– Мы как можно скорее отправим документы получателю. В соответствии с вашими указаниями о вас не сообщим ничего. Собственно, даже если бы хотели, мы не можем – я ведь не знаю вашего имени!

Он поднялся и подошел к окну. Уже стемнело.

– А теперь я могу показать вашу звезду... извините, я хотел сказать, звезду, которую вы купили для нее.

– Мы сможем ее увидеть с крыши?

– Нет. Засветка от уличных фонарей не позволит. Нам придется отъехать подальше от города. Если вам нездоровится, можем перенести на другой день.

– Поедем сейчас. Я очень хочу посмотреть.

Они ехали более двух часов, пока не оставили море огней Пекина далеко позади. Доктор Хэ свернул в поле, чтобы им не мешал свет встречных автомобилей. Он выключил фары, и они вышли из машины. На осеннем небе звезды сверкали особенно ярко.

– Видите Большую Медведицу? Теперь вообразите диагональ, пересекающую ковш, и продлите ее. Да, в эту сторону. Видите три звезды, образующие тупоугольный треугольник? Мысленно нарисуйте линию от вершины перпендикулярно основанию и ведите ее дальше. Видите? Вот она. Вот ваша звезда... звезда, которую вы ей подарили.

Тяньмин указал сначала на одну звезду, потом на другую, но доктор Хэ сказал, что это не те.

– Она находится между вот этими двумя, но ближе к югу. Видимая величина пять с половиной. Как правило, чтобы ее разглядеть, нужен опыт. Но сегодня отличная погода, и у вас все получится. Сделайте вот как: не смотрите прямо на нее, отведите взгляд чуть-чуть в сторону. Периферическое зрение в темноте более чувствительно. А когда найдете, можно и прямо посмотреть...

С помощью доктора Хэ Тяньмин наконец увидел DX3906.

Она была еле заметна; когда он отводил взгляд, он ее терял, и приходилось искать сначала. Обычно люди считают, что все звезды серебристые, но если присмотреться, то у каждой свой цвет. DX3906 оказалась красной.

Доктор Хэ пообещал прислать ему карты, помогающие найти звезду в разные времена года.

– Вы счастливчик, и девушка ваша тоже счастливица, – заявил доктор Хэ.

– Я бы не назвал себя счастливчиком. Я скоро умру.

Похоже, это откровение не удивило доктора Хэ. Он зажег сигарету и молча курил. Через какое-то время ответил:

– Даже если так, я считаю, что вам повезло. Большинство людей не смотрят в небо и не выглядывают за пределы нашего мира до самого последнего дня своей жизни.

Тяньмин посмотрел на доктора Хэ, затем в небо и без труда нашел DX3906. Сигаретный дым застилал ему глаза, и тусклая звездочка едва мерцала сквозь пелену. «Когда она ее увидит, я уже покину этот мир».

Конечно, звезда, которую он видит сейчас, и звезда, которую увидит она, – это всего лишь изображения, которым 286 лет. Тонкому лучику света пришлось лететь сквозь почти три столетия, чтобы встретиться с сетчаткой их глаз. Пройдут еще 286 лет, прежде чем свет сегодняшней звезды достигнет Земли. К тому времени Чэн Синь уже давно рассыплется прахом.

«Какую она проживет жизнь? Может быть, она не забудет,

что в море звезд есть одна, принадлежащая лично ей».

* * *

Этот день станет для Тяньмина последним.

Он поискал в нем что-нибудь особенное, но ничего не нашел. Тяньмин проснулся в семь утра, как всегда. Луч солнца упал на свое привычное место на стене. Погода стояла ни хорошая, ни плохая. Небо, как обычно, серовато-синее. С дуба, росшего возле окна, облетели все листья – не осталось ни одного, даже символического последнего. И завтрак подали такой же, как вчера.

Такой же день, как и любой другой из двадцати восьми лет, одиннадцати месяцев и шести дней его жизни.

По примеру Лао Ли, Тяньмин не сообщил семье о принятом решении. Он попытался было написать письмо отцу (его передали бы по завершении процедуры), но так и не придумал, что сказать.

В десять утра он самостоятельно вошел в палату эвтаназии, так же бесстрастно, как заходил к врачу для ежедневного осмотра. Предстоящая процедура будет уже четвертой в городе, поэтому журналисты не проявили интереса. В комнате находились пятеро: два нотариуса, распорядитель, медсестра и какой-то чиновник онкологического центра. Доктор Чжан не явился.

Теперь Тяньмин мог уйти с миром.

Как он и просил, из комнаты убрали все украшения. Остались лишь голые белые стены, как в обычной палате. Как раз то, что надо.

Он объяснил, что знаком с процедурой и присутствия распорядителя не требуется. Тот кивнул, вышел из комнаты и встал по ту сторону зеркальной стены. Нотариусы покончили с формальностями, и Тяньмин остался наедине с медсестрой. Ее больше не терзали волнение и страх, как во время первой процедуры. Уверенно и плавно она ввела иглу ему в вену. Тяньмина охватило необычное родственное чувство к медсестре – ведь она прощается с ним последней. Жаль, что он не знал имен врачей, взявших в руки новорожденного Тяньмина двадцать девять лет назад. Они принадлежали к небольшому числу тех, кто искренне старался ему помочь. Тяньмин хотел бы их поблагодарить.

– Спасибо!

Медсестра улыбнулась и покинула комнату, ступая тихо, словно кошка.

Хотите ли вы прервать свою жизнь? Если да, выберите пять. Если нет, выберите ноль.

Тяньмин родился в интеллигентной семье, но его родители не разбирались в политике и не знали «нужных людей», поэтому особого успеха в жизни не достигли. Сами принадлежавшие к высшим кругам, они решили дать сыну образование, достойное отпрыска элиты. Тяньмину разрешалось читать исключительно классические книги, слушать

исключительно классическую музыку. Ему позволяли заводить друзей только из культурных и рафинированных семей. Тяньмину говорили, что все прочие – плебеи, интересующиеся лишь общедоступной жвачкой. А в его семье превосходный вкус.

Учась в начальной школе, Тяньмин сумел подружиться с несколькими одноклассниками, но никогда не приглашал их домой поиграть. Он знал, что родители не позволят ему общаться с простонародьем. Когда Тяньмин дорос до средней школы, из-за амбиций родителей он уже стал безнадежным отшельником. Как раз в то время родители развелись: отец встретил молодую женщину – страхового агента, а затем мать вышла замуж за обеспеченного генерального подрядчика.

Получилось, что родители Тяньмина нашли себе пары из той самой «вульгарной толпы», от которой они оберегали сына. Только тогда они поняли, что не имели морального права навязывать ему «элитарное» образование. Но сделанного не воротишь. Долгие годы ущербного воспитания стянули Тяньмина, как смиренная рубашка; чем больше он рвался на свободу, тем крепче становились путы. В последние годы школы он замкнулся в себе, стал нервным и отдалился от знакомых.

Серое детство, серая юность – таковы были его воспоминания.

Он нажал 5.

Хотите ли вы прервать свою жизнь? Если да, выберите два. Если нет, выберите ноль.

Он представлял себе, что колледж окажется пугающим местом: новая, непривычная обстановка, новые, незнакомые люди, множество вещей, к которым придется приспособиться... Он поступил в колледж, и поначалу все было именно так, как он и предполагал.

Пока он не встретил Чэн Синь.

Тяньмин и раньше интересовался девушками – но сейчас все было по-другому. Ему показалось, что окружающий мир, до сих пор остававшийся холодным и неуютным, пронизали теплые лучи солнца. Сперва он не понимал, откуда исходит этот свет. Такое бывает, когда бледный диск солнца просвечивает сквозь плотную пелену облаков. Лишь после захода солнца люди понимают, что оно светило им весь день. Солнце Тяньмина зашло, когда начались недельные каникулы в честь дня образования КНР¹¹. Чэн Синь уехала домой. В тот день его мир снова стал тусклым и серым.

Вне сомнения, не один он испытывал подобные чувства к Чэн Синь. Его переживания, однако, не походили на страдания других парней, потому что он ни на что не надеялся. Тяньмин знал, что девушкам не по нраву ни его отчужденность, ни его ранимость. Оставалось только смотреть издали, греться в ее теплых лучах и безмолвно радоваться цве-

¹¹ День образования Китайской Народной Республики – главный государственный праздник Китая, который отмечается каждый год 1 октября. – *Прим. перев.*

тущей весне.

Сначала Тяньмину показалось, что Чэн Синь неразговорчива. Странно, ведь красивые девушки редко бывают застенчивы. Однако высокомерной и холодной «снежной королевой» она тоже не была. Чэн Синь мало говорила, но много и внимательно слушала. По ее спокойному, сосредоточенному взгляду собеседник понимал, что к его словам относятся со всей бережностью.

Чэн Синь отличалась от тех хорошеньких девушек, с которыми Тяньмин учился в школе. Она не считала его пустым местом. Каждый раз, увидев его, она улыбалась и говорила «привет». Когда однокурсники собирались на пикник или на вечеринку, они порой забывали о Тяньмине – иногда случайно, иногда нет. Тогда Чэн Синь находила его и приглашала. Потом она первой стала обращаться к нему по имени «Тяньмин», не упоминая фамилию. Из немногочисленных бесед с ней он вынес глубочайшее убеждение, что лишь Чэн Синь понимает его уязвимость и старается не делать ему больно.

Но Тяньмин не строил иллюзий. Ху Вэнь был прав: Чэн Синь хорошо относилась ко всем.

Одно событие особенно запомнилось Тяньмину. Однажды в походе он с сокурсниками шел по тропе вдоль склона небольшой горы. Чэн Синь внезапно остановилась, нагнулась и подобрала что-то с земли. Тяньмин увидел, что в ее белых пальчиках извивается какая-то жуткая гусеница, мягкая и склизкая. Девушка рядом вскрикнула: «Какая гадость!

Зачем она тебе?» Но Чэн Синь осторожно опустила гусеницу в траву рядом с тропой: «Не хочу, чтобы ее раздавили».

Честно говоря, Тяньмин редко говорил с Чэн Синь. За все четыре года колледжа он припоминал лишь пару случаев, когда они беседовали наедине.

Стояла прохладная ночь раннего лета. Тяньмин забрался на свое любимое место – на террасу над крышей библиотеки. Туда редко забредали студенты, и он оставался наедине со своими мыслями. Летний ливень расчистил небо; на нем даже сиял Млечный Путь, который обычно не разглядеть.

– А ведь и в самом деле похоже на пролитое молоко!¹²

Тяньмин посмотрел на сказавшую это. Волосы Чэн Синь развевались на ветру, как в его мечтах. А потом он и Чэн Синь вместе смотрели на галактику.

– Так много звезд! Будто туман, – сказал Тяньмин.

Чэн Синь обернулась к нему и указала на расстилающийся далеко внизу город:

– Там тоже прекрасно! Не забывай, мы живем здесь, а не в далекой галактике!

– Но мы же учимся на инженеров аэрокосмической промышленности! Наша задача – покинуть Землю.

– Это затем, чтобы сделать жизнь на Земле лучше, а не оставить планету навсегда.

¹² Читателю может показаться, что наша галактика по-китайски тоже называется «Млечный Путь». Но это не так. По-китайски она будет «Иньхэ» – «Серебряная Река». В Китае все студенты много лет учат английский язык. – *Прим. К. Л.*

Тяньмин понял, что Чэн Синь старается деликатно намекнуть на его нелюдимость. Он не нашелся с ответом. В эту встречу они сидели ближе друг к другу, чем когда-либо, и ему почудилось, что он чувствует исходящее от Чэн Синь тепло. Вот бы ветер поменял направление, чтобы хоть одна прядь ее волос прикоснулась к его лицу!

Истекли первые четыре года обучения. Экзамены в магистратуру Тяньмин провалил, а Чэн Синь сдала без труда. Получив диплом, она уехала домой, но Тяньмин задержался вблизи студенческого городка, чтобы увидеться с ней в начале следующего учебного года. В общежитии могли жить только студенты, поэтому он снял поблизости комнату и стал искать работу в городе. Он подал бесчисленное число заявок, ходил на одно собеседование за другим, но его так никуда и не приняли. Не успел он и глазом моргнуть, как лето кончилось.

Тяньмин вернулся в студенческий городок, но найти Чэн Синь не смог. Он осторожно навел справки и узнал, что она и ее руководитель уехали в Шанхай, в Академию космических технологий. Там Чэн Синь продолжит обучение. В тот же день Тяньмина пригласили на работу в только что созданную аэрокосмическую фирму – им отчаянно требовались профильные инженеры.

Так погасло солнце Тяньмина. С тяжелым сердцем он ступил во взрослую жизнь.

Он нажал 2.

Хотите ли вы прервать свою жизнь? Если да, выберите четыре. Если нет, выберите ноль.

Он приступил к работе и некоторое время был счастлив. Тяньмин обнаружил, что по сравнению с амбициозными товарищами в колледже сотрудники фирм намного терпимее к мелочам и работать в таком коллективе легче. Он даже решил, что дни его отшельничества закончились. Но вскоре он запутался в паутине офисных интриг, понял, насколько мир жесток, и ощутил ностальгию по колледжу. Тяньмин снова замкнулся в себе и отдалился от общества. Разумеется, это разрушило его карьеру. Даже в государственном учреждении, таком как фирма Тяньмина, пылал огонь соперничества. У отшельника-одиночки не было ни единого шанса на продвижение по службе. С каждым годом он откатывался все дальше и дальше назад.

В этот период Тяньмин дважды пытался завести себе девушку, но отношения быстро распадались. Не потому, что в его сердце безраздельно властвовала Чэн Синь, – для него она навсегда останется солнцем, просвечивающим сквозь густые облака. Он просто хотел смотреть на нее, ощущать ее свет и тепло, но не осмеливался сделать ни шага навстречу. Тяньмин даже не пытался ничего о ней узнать. Он предполагал, что Чэн Синь вполне способна приняться за кандидатскую диссертацию, но не строил догадок о ее личной жизни. Между Тяньмином и женщинами стоял барьер его нелюдимости. Он изо всех сил старался устроить свою жизнь, но

ничего не получалось.

По сути дела, Тяньмин не годился ни для жизни в обществе, ни для жизни вне его. Ему оставалось только одно: балансировать на краю и страдать. Тяньмин понятия не имел, как жить дальше.

А потом он увидел конец пути.

Он нажал 4.

Хотите ли вы прервать свою жизнь? Если да, выберите один. Если нет, выберите ноль.

К тому времени, когда ему поставили диагноз «рак легких», уже началась последняя стадия. Не заметили, наверное, на предыдущем осмотре. Рак легких быстро распространяется по организму; жить Тяньмину оставалось недолго.

Тяньмин даже не испугался, когда ему сообщили диагноз. Выходя из здания онкологического центра, он чувствовал лишь одиночество. Отчуждение много лет копилось в его душе, но до сих пор сдерживалось какой-то невидимой плотинкой. А сейчас плотина дала трещину, и долгие годы отшельничества обрушились на него гигантской темной волной. Сил на борьбу уже не оставалось.

Ему нужно было увидеть Чэн Синь.

Не медля ни секунды, Тяньмин купил билет и в тот же день вылетел в Шанхай. К тому времени, когда такси остановилось, он немного пришел в себя. Тяньмин сказал себе, что умирающему не следует ее беспокоить. Он даже не привлечет ее внимания. Он просто посмотрит на нее один раз,

издали, как утопающий, из последних сил хватаящий глоток воздуха, прежде чем навсегда погрузиться в пучину.

Возле ворот Академии космических технологий Тяньмин почти успокоился. Он понял, до чего безрассудно ведет себя. Даже если Чэн Синь решила получить звание кандидата наук, она уже давно закончила учебу; может быть, она здесь уже не работает. Тяньмин переговорил с охранником; тот сказал, что в Академии больше двадцати тысяч человек, и если он хочет кого-то найти, то нужно знать конкретный отдел. Но Тяньмин давно уже утратил связь с сокурсниками и таких сведений не имел.

Ощувив прилив слабости и с трудом дыша, он присел на скамейку поодаль от ворот.

Но вдруг все же Чэн Синь здесь работает? Близится конец рабочего дня. Если он останется здесь, то, возможно, увидит ее.

Ворота были очень широкие. Рядом, на черной стене, сверкали золотые иероглифы официального названия Академии. Со дня основания Академия существенно разрослась. Что, если у такого большого комплекса зданий не один вход, а несколько? Тяньмин с трудом поднялся и снова подошел к охраннику. Действительно, кроме этих ворот есть еще четыре.

Тяньмин медленно направился обратно к скамейке, сел и принялся ждать. Больше ему ничего не оставалось.

Шансы были против него: во-первых, Чэн Синь должна

была остаться работать здесь после выпуска; во-вторых, находиться сегодня на работе, а не в командировке; в-третьих, выйти именно через эти ворота.

Этот момент был как вся его жизнь – старательное ожидание тонкого-тонкого лучика надежды...

Закончился рабочий день, и люди стали покидать комплекс – кто пешком, кто на велосипеде, кто на машине. Поток сначала рос, потом стал спадать. Через час сквозь ворота шли поодиночке лишь припозднившиеся служащие.

Чэн Синь так и не появилась.

Тяньмин был уверен, что не пропустил бы ее, даже если бы она сидела в автомобиле. Это значило, что либо она здесь не работает, либо не пришла сегодня, либо воспользовалась другим выходом.

В лучах заходящего солнца деревья и постройки отбрасывали длинные тени – словно множество рук с жалостью протянулись навстречу Тяньмину.

Он ждал до тех пор, пока совсем не стемнело. Тяньмин не помнил, как поймал такси, отвезшее его в аэропорт, как вернулся в Пекин и как добрался до общежития.

Он чувствовал себя уже мертвым.

Он нажал 1.

Хотите ли вы прервать свою жизнь? Это последний вопрос. Если да, выберите три. Если нет, выберите ноль.

Какую эпитафию хотел бы Тяньмин увидеть на своей могиле? Он даже сомневался, что у него будет могила. Участки

для захоронения возле Пекина дорого стоят. Даже если отец захочет купить ему место на кладбище, сестра будет против – ведь она *живая*, а дома у нее по-прежнему нет! Скорее всего, тело сожгут, а урну с прахом поставят в ячейку колумбария на кладбище Бабаошань¹³. Но если бы у него был надгробный камень, он хотел бы, чтобы на нем написали:

Он пришел; он любил; он подарил ей звезду; он ушел.
Тяньмин нажал 3.

* * *

С другой стороны зеркального стекла слышался шум. Тяньмин не успел еще отпустить кнопку мышки, когда запахнулась дверь и в комнату ворвались люди.

Первым бежал распорядитель; он ударил по выключателю автоматического инъектора. За ним спешил чиновник онкологического центра – он вырвал провод из розетки на стене. Подбежала медсестра и так резко дернула трубку, соединенную с иглой, что Тяньмин поморщился от острой боли.

Все склонились над прозрачной трубкой инъектора.

– Едва успели! В него не попало ни капли! – сказал кто-то.

Медсестра принялась перевязывать Тяньмину руку, из которой сочилась кровь.

Лишь один человек остался стоять у двери в палату эвта-

¹³ Народное кладбище Бабаошань – основное общественное кладбище Пекина. – *Прим. перев.*

назии.

Яркое солнце осветило мир Тяньмина: это была Чэн Синь.

* * *

Пижама на его груди повлажнела от слез Чэн Синь.

На первый взгляд девушка ничуть не изменилась. Но теперь он заметил, что она носит прическу покороче – волосы доходили до шеи, а не до плеч, а их концы красиво завивались. Ему не хватало смелости протянуть руку и дотронуться до волос, к которым его так долго влекло.

Он думал: «Ни на что я толком не годен!», но при этом чувствовал себя на седьмом небе от счастья.

Повисшая между ними тишина казалась райской, и Тяньмин желал, чтобы она длилась и длилась. «Ты не можешь спасти меня, – мысленно говорил он ей. – Я послушаюсь тебя и не стану искать эвтаназии. Но от судьбы мне не уйти. Надеюсь, ты примешь звезду в подарок и найдешь свое счастье».

Похоже, Чэн Синь услышала его беззвучную речь и подняла голову. Впервые их глаза оказались так близко друг к другу – ближе, чем в самых его смелых мечтах. Слезы из прекрасных глаз Чэн Синь разбили его сердце.

Но когда девушка наконец заговорила, она сказала нечто совершенно неожиданное.

– Тяньмин, а ты знаешь, что закон об эвтаназии приняли специально для тебя?

Эра Кризиса, годы 1–4-й

Чэн Синь

Начало Трисолярианского кризиса для Чэн Синь совпало с окончанием магистратуры. Ее отобрали в группу, занимающуюся разработкой двигателя для следующего поколения ракет «Чанчжэн» («Великий поход»). Всем казалось, что ей досталось идеальное место работы – важное и на виду.

Но Чэн Синь разочаровалась в выбранной специализации. Понемногу она стала отождествлять химические ракеты с гигантскими дымовыми трубами начала промышленной эры. В ту пору поэты воспевали леса труб, считая их признаком индустриального общества. Сегодня люди точно так же перевозносили ракеты, полагая, что они знаменуют собой космическую эру. Но если человечество ограничится химическими двигателями, оно никогда по-настоящему не выйдет в космос.

Трисолярианский кризис еще больше подчеркнул этот факт. Было бы полнейшей глупостью строить оборону Солнечной системы, располагая лишь обычными ракетами. Открытая для всего нового, Чэн Синь записалась на курс теории ядерных двигателей. Как только разразился Кризис, развитие по всем направлениям аэрокосмической промышленности резко ускорилось. Дали зеленый свет даже залежавшемуся на полке проекту космоплана первого поколения.

Ее группе поручили разработку прототипа двигателя для космолана. Чэн Синь светила отличная карьера. В группе высоко ценили ее способности; большинство главных конструкторов Китая начинали свой путь с работы над двигателями. Но поскольку Чэн Синь считала химические ракеты технологией вчерашнего дня, в долгосрочной перспективе ей виделся застой. Идти в неверном направлении еще хуже, чем стоять на месте; но ее работа требовала полной отдачи сил. Чэн Синь это выводило из себя.

А потом у нее появился шанс оставить химические двигатели позади. ООН приступила к созданию самых разных агентств, связанных с обороной планеты. В отличие от прежних подразделений ООН, эти подчинялись Совету обороны планеты напрямую, и в них трудились эксперты из разных стран. Аэрокосмическая промышленность Китая отправила множество своих сотрудников работать в новых структурах. Один высокопоставленный чиновник предложил Чэн Синь место помощника директора Технологического центра при Агентстве стратегической разведки СОП. Разведывательная деятельность человечества против Трисоляриса до сих пор ограничивалась ОЗТ, но Агентство стратегической разведки – АСР – должно было заняться флотом Трисоляриса и его родной планетой непосредственно. Агентству требовались талантливые аэрокосмические инженеры.

Чэн Синь не задумываясь приняла предложение.

Штаб-квартира АСР располагалась в старинном шестиэтажном доме, неподалеку от комплекса зданий ООН. Построенное в конце XVIII века, здание выглядело монументально, как гранитный монолит. Когда Чэн Синь прилетела в Нью-Йорк и впервые переступила порог дома, она будто бы оказалась в старом замке, отчего ее пробрала дрожь. Это место ничуть не соответствовало ее представлениям о всепланетной разведывательной службе. Оно скорее напоминало лабиринт, в котором заговорщики шепотом составляют хитроумные планы.

В здании почти никого и ничего не было; Чэн Синь приехала в числе первых. Своего начальника, директора Технологического центра АСР, Чэн Синь нашла в кабинете, забитом ящиками с мебелью и раскрытыми картонными коробками.

Михаил Вадимов оказался высоким, мускулистым мужчиной чуть за сорок. Он говорил с сильным русским акцентом – до Чэн Синь даже не сразу дошло, что он разговаривает по-английски. Сидя на картонной коробке, Вадимов заявил, что проработал в аэрокосмической промышленности больше десятка лет и что никакие помощники ему не нужны. Каждая страна норовит заслат в АСР побольше своих людей, а помочь бездушными презренными деньгами не спе-

шит. Потом он сообразил, что перед ним стоит полная надежд молоденькая девушка, которую все сильнее угнетают его сетования, и постарался перевести все в шутку:

– Если наше агентство войдет в историю – что весьма вероятно, пусть даже история окажется не очень красивой, – нас запомнят как явившихся на работу первыми!

Чэн Синь обрадовалось, что ее руководитель тоже пришел из аэрокосмической промышленности. Она спросила, над чем именно тот работал. Вадимов с ходу назвал космоплан «Буран», работу в отделе главного конструктора некоего грузового корабля. Затем он туманно сообщил, что пару лет трудился на ниве дипломатии, после чего устроился в «одну контору», которая занималась «тем же, чем и мы сейчас».

– Рекомендую особо не расспрашивать наших будущих коллег об их прежней работе, – посоветовал Вадимов. – Шеф уже здесь. Его офис этажом выше. Зайди, поздоровайся, но не отнимай у него много времени.

В просторном офисе руководителя АСР стоял тяжелый запах сигарного дыма. На стене висела картина. Большую часть полотна занимали свинцово-серое небо и мрачная заснеженная земля. На горизонте, где облака и снег сливались воедино, темнели какие-то пятна. Присмотревшись, Чэн Синь увидела, что это грязные одноэтажные деревянные домишки и несколько двух- и трехэтажных зданий европейского стиля. По виду реки на переднем плане и другим географическим приметам Чэн Синь догадалась, что перед ней пейзаж

Нью-Йорка начала XVIII века. От картины исходил мертвенный холод, вполне соответствующий, по мнению девушки, характеру хозяина кабинета.

Рядом с большим полотном висела картина поменьше. На ней рука в бронзовой латной рукавице – виднелись лишь предплечье и кисть – держала старинный меч с золотой крестовиной и ярко сверкающим лезвием. Меч поднимал из воды венок, сплетенный из красных, белых и желтых цветов. В отличие от висящей рядом панорамы Нью-Йорка, картина радовала богатой палитрой – и в то же время чем-то пугала. Чэн Синь заметила пятна крови на белых цветах венка.

АСР возглавлял американец Томас Уэйд. Он был намного моложе, чем ожидала Чэн Синь, – на взгляд, даже моложе Вадимова, красивее, с классической внешностью. Позднее она поймет, что общее впечатление классичности создает его лицо, полностью лишенное всяческого выражения. Такое лицо могло бы быть у безжизненной статуи, словно сошедшей с могильно-холодного пейзажа на стене. Непохоже, чтобы Уэйд был занят делами. Его стол был совершенно пуст – ни компьютера, ни каких-либо документов. Он бросил взгляд на вошедшую, но сразу же вернулся к изучению своей сигары.

Чэн Синь представилась и начала было рассказывать, насколько она рада возможности поучиться у таких специалистов, но смолкла, как только Уэйд поднял на нее глаза.

Чэн Синь увидела в его взоре усталость и лень, но почув-

ствовала, что под этой маской прячется умный и опасный хищник. Ей стало неуютно. На лице Уэйда начала проявляться улыбка, как проступает вода из трещины во льду замерзшей реки. Его улыбка не согрела и не подбодрила Чэн Синь.

Она попыталась улыбнуться в ответ, но первые же слова Уэйда превратили ее в истукана:

– Ты продашь свою мать в бордель?

Чэн Синь отрицательно затрясла головой, но даже не попыталась ответить. Девушку охватил ужас – неужели она не поняла вопроса?! Но Уэйд махнул в ее сторону сигарой:

– Спасибо. Иди и займись чем следует.

Она рассказала о происшедшем Вадимову, и тот засмеялся:

– Это известная шутка в нашей... профессии. Мне говорили, что она зародилась в годы Второй мировой войны. Так старослужащие подшучивали над новичками. Суть же вот в чем: наша профессия – единственная на Земле, основанная на лжи и предательстве. Нам приходится проявлять... гибкость в общепринятых нормах морали. В нашем агентстве работают две группы людей. Одна из них – технические специалисты вроде тебя. Другая – ветераны разведслужб всего мира. Эти группы думают и действуют по-разному. Тебе повезло, что я знаком с обеими; я помогу тебе найти с ними общий язык.

– Но наш враг – Трисолярис! Тут вряд ли подходят тра-

диционные методы разведки.

– Кое-что не меняется никогда.

* * *

Новые сотрудники АСР прибывали еще несколько дней. В основном они приезжали из стран – постоянных членов СОП.

Сотрудники держались вежливо, но друг другу не доверяли. Технические специалисты всех сторонились, будто ожидали, что их в любую минуту могут обокрасть. Ветераны-разведчики вели себя общительно и дружелюбно, но постоянно высматривали, что бы стащить.

Как и предсказывал Вадимов, их больше интересовала слежка друг за другом, чем за Трисолярисом.

На третий день, хотя приехали еще не все, в АСР было проведено первое общее совещание. От руководства присутствовали Уэйд и три его заместителя: китаец, француз и англичанин.

Первым выступил заместитель Юй Вэймин. Чэн Синь понятия не имела, чем он занимался в Китае. У него было настолько непримечательное лицо, что потребовалось несколько встреч, чтобы его запомнить. К счастью, Юй Вэймин, в отличие от типичных китайских бюрократов, не любил долгих, витиеватых речей. Он ограничился сжатым набором общих фраз о важности поставленных перед АСР задач.

Юй Вэймин признал, что понимает: все сотрудники АСР присланы их странами и имеют двойное подчинение. АСР не станет требовать от сотрудников поставить долг перед Агентством выше долга перед своими странами – на это даже надеяться не стоило. Но поскольку АСР работает на благо всего человечества, он, Юй, ожидает, что все присутствующие как минимум постараются найти приемлемый баланс. Задача АСР – напрямую противодействовать угрозе Трисоляриса, поэтому ему следует стать самым сплоченным из всех недавно созданных агентств.

Чэн Синь заметила, что, пока Юй Вэймин говорил, Уэйд пинал ножки стола и понемногу отъезжал от него, как будто желая скрыться с авансены. Когда ему предлагали произнести пару слов, он мотал головой, отказываясь.

Заговорил он только после того, как выступили все остальные. Указывая на загромождающие помещение кучи коробок с канцелярскими товарами, он сказал:

– Займитесь этим сами, – по-видимому, имея в виду организационную рутину. – Не отвлекайте ни меня, ни их, – он указал на Вадимова и его группу. – Специалистам Технологического центра с опытом космических проектов остаться. Остальные свободны.

Теперь в зале сидело около дюжины человек. Как только закрылись тяжелые дубовые двери, Уэйд ошеломил собравшихся:

– АСР должно отправить разведывательный зонд на-

встречу флоту Трисоляриса.

Сотрудники потрясенно переглянулись. Чэн Синь тоже удивилась. Она, разумеется, надеялась, что ей вскоре дадут какое-нибудь техническое задание, но не ожидала ни такой прямолинейной постановки вопроса, ни такой поспешности. АСР только что создали, у агентства не было ни национальных, ни региональных отделов, и оно, по-видимому, не могло еще вести крупномасштабных работ. Но больше всего поражала дерзость оглашенного Уэйдом проекта. На его пути стояли непреодолимые технические сложности.

– Есть какие-то конкретные требования? – спросил Вадимов. Лишь он один сохранил хладнокровие после заявления шефа.

– Я неофициально переговорил с делегатами постоянных членов СОП, но формально идею еще не выдвигали. Насколько мне известно, основным для СОП требованием – и на компромисс они не пойдут – является скорость. Зонд должен разогнаться до одного процента от скорости света. Среди СОП имеются разногласия по другим параметрам, но я не сомневаюсь, что их уладят при официальном обсуждении проекта.

Встал эксперт из НАСА:

– Скажу без обиняков. При заданных параметрах полета и с учетом того, что гипотетически зонду надо только разгоняться, но не тормозить, он доберется до облака Оорта за два или три столетия. Там он найдет сбрасывающий скорость

трисолярианский флот и изучит его. Извините, но мне кажется, что такой проект лучше оставить на будущее.

Уэйд покачал головой:

– Вокруг нас на световой скорости шныряют софоны, выведывают наши секреты, блокируют все фундаментальные физические исследования. Нет никакой гарантии, что в будущем мы добьемся значительного технологического прогресса. Если человечеству суждено ползти сквозь пространство подобно улитке, следует начинать как можно раньше.

Чэн Синь заподозрила, что в задуманном Уэйдом проекте не последнюю роль играет политика. АСР предпримет первую в истории попытку активного контакта с внеземной цивилизацией; это поднимет статус агентства.

– Но состояние современных космических технологий таково, что до облака Оорта зонд будет добираться двадцать, если не тридцать тысяч лет. Даже если мы запустим зонд прямо сейчас, он и от земного крыльца не успеет далеко отлететь, когда через четыреста лет на орбите Земли появится флот Трисоляриса.

– Вот поэтому он и должен разогнаться до одного процента от скорости света.

– Вы говорите о том, чтобы поднять максимальную на сегодня скорость в сотню раз! Понадобится совершенно новый тип двигателя! Существующие технологии не позволяют достичь таких скоростей, и нет никаких причин ожидать прорыва в ближайшем будущем. Ваш проект неосуществим в

принципе!

Уэйд шарахнул кулаком по столу:

– Вы забываете, что теперь у нас есть ресурсы! Еще вчера полеты в космос считались прихотью, а сегодня они – условие выживания. Я могу потребовать денег, людей, материалы – столько, сколько раньше никто не мог бы себе даже представить! И мы будем бросать их в дело, пока не переломим законы физики! Если надо, действуйте грубой силой, но мы обязаны разогнать этот зонд до одного процента от скорости света!

Вадимов рефлекторно оглянулся. Уэйд заметил его движение:

– Не волнуйся. Здесь нет ни репортеров, ни посторонних.

Вадимов рассмеялся:

– Не обижайтесь, пожалуйста. Но если вы скажете, что станете расходовать ресурсы, пока не переломите физические законы, наше агентство засмеют. Не повторяйте этого в СОП.

– Я и так знаю, что вы все надо мной смеетесь.

Сотрудники прикусили язык. Им хотелось, чтобы совещание поскорее окончилось. Уэйд пристально всмотрелся в каждого из присутствующих, а потом обратил взгляд к Чэн Синь:

– Нет, не все. Вот она не смеется. – Он указал на Чэн Синь. – Чэн, о чем ты задумалась?

Под пронизывающим взглядом Уэйда Чэн Синь почуди-

лось, что он указывает на нее не пальцем, а мечом. Она беспомощно оглянулась. Кто она такая здесь, чтобы раскрывать рот?

– Вижу, без ВД не обойтись, – заметил Уэйд.

Чэн Синь совсем запуталась. Что такое ВД? Вечный двигатель? Валовой доход?

– Ты же китаянка! Как ты можешь не знать, что такое ВД?

Чэн Синь посмотрела на пятерых других китайцев в зале совещаний. Они тоже ничего не понимали.

– Во время Корейской войны американцы обнаружили, что простой китайский солдат, захваченный в плен, немало знает о планах командования. Оказалось, что ваши офицеры сообщали планы сражений даже рядовым, чтобы те могли поучаствовать в обсуждении и, быть может, придумать что-нибудь получше. Конечно, если вам суждено попасть в плен к трисолярианам, мы не хотим, чтобы вы знали *настолько* много.

Кое-кто из присутствующих рассмеялся. Чэн Синь наконец поняла: «ВД» означает «военную демократию». Участники совещания горячо поддержали предложение Уэйда. Разумеется, элитные эксперты не ожидали от простого инженера никаких гениальных идей. Но большинство экспертов были мужчинами. Если они дадут Чэн Синь выступить с предложением, то получат прекрасный предлог, чтобы поглазеть на ее фигуру. Чэн Синь всегда старалась одеваться консервативно, но постоянно сталкивалась с подобным нежелатель-

ным вниманием к себе.

Чэн Синь начала:

– Я подумала...

– Вы придумали, как можно переломить или хотя бы погнуть физические законы? – бросила пожилая француженка Камилла, весьма уважаемый и опытный консультант Европейского агентства космических исследований. Она с презрением смотрела на Чэн Синь, как будто той вообще было не место на совещании.

– Скорее как их обойти. – Чэн Синь вежливо улыбнулась Камилле. – Наиболее ценным для нас ресурсом являются запасы ядерных бомб во всем мире. Если не случится технологического прорыва, они станут самым мощным источником энергии, который мы способны вывести в космос. Теперь представьте себе космический корабль или зонд, оснащенный радиационным парусом наподобие солнечного – тонкой пленкой, отражающей излучение. Если мы станем периодически взрывать бомбы позади паруса...

Раздалось несколько смешков. Камилла смеялась громче всех:

– Дорогая, спасибо за картинку из комикса! Твой корабль набит бомбами и несет огромный парус. На корабле летит астронавт, удивительно похожий на Арнольда Шварценеггера. Он бросает позади себя бомбы, те взрываются и толкают корабль вперед. Какая прелесть! – Когда все присутствующие присоединились к веселью, она продолжила: – Загляни

в свои конспекты за первый курс колледжа и скажи: во-первых, сколько бомб потребуется загрузить в твой корабль и, во-вторых, какого ты достигнешь ускорения при таком соотношении тяга-вес?

– Ей не удалось даже погнуть физические законы, но проект удовлетворяет другому требованию шефа, – засмеялся другой консультант. – Как жаль, что такую хорошенькую девушку привлекло очарование грубой силы! – Хохот в зале стал оглушительным.

– Бомбы будут не на корабле, – спокойно пояснила Чэн Синь. Смех как ножом отрезало, будто она прижала рукой звенящий гонг. – Зонд состоит из небольшой капсулы с датчиками, прикрепленной к большому парусу. Он легкий, как перышко, и без труда разгонится под давлением излучения ядерных взрывов.

В комнате вдруг стало тихо. Все старались прикинуть, где же можно разместить такие бомбы. Когда все смеялись над Чэн Синь, Уэйд сохранял хладнокровие. Но теперь по его лицу поползла уже знакомая улыбка – словно вода просачивалась сквозь трещину во льду.

Чэн Синь вытащила из кулера стопку бумажных стаканчиков и расставила их на столе в ряд.

– Мы воспользуемся традиционными химическими ракетами и заранее разместим бомбы вдоль первого сегмента траектории зонда. – Она провела карандашом вдоль ряда, от стаканчика к стаканчику. – Когда зонд пролетает мимо бом-

бы, мы ее взрываем, давление света надувает парус, и зонд разгоняется.

Мужчины наконец оторвали взгляд от фигуры Чэн Синь. Теперь они всерьез прислушивались к ее предложению. Лишь Камилла продолжала смотреть на Чэн Синь как на постороннюю.

– Назовем эту технологию «попутным разгоном». На этом начальном сегменте зонд ускоряется. Время разгона составит ничтожную долю времени в пути. По грубой оценке, если мы применим тысячу бомб, их можно расставить вдоль отрезка в пять астрономических единиц, от Земли до Юпитера. Но можно сжать этот участок до расстояния от Земли до Марса. Сегодняшним технологиям такая задача по силам.

Присутствующие начали перешептываться. Понемногу голоса становились громче, энергичнее – словно морозящий дождик переходил в ливень.

– Я так понимаю, что эта идея пришла тебе в голову не пять минут назад, – заметил Уэйд. Он внимательно следил за обсуждением.

Чэн Синь улыбнулась в ответ:

– Такой метод хорошо известен в аэрокосмических кругах. Станислав Улам¹⁴ изобрел импульсный ядерный двига-

¹⁴ Станислав Мартин Улам – польский и американский математик. Участвовал в создании водородной бомбы в рамках ядерного проекта Лос-Аламосской лаборатории; внес большой вклад в развитие математических методов, доказал множество теорем, предложил вычислительный метод Монте-Карло, выдвинул теорию ядерного ракетного двигателя (https://ru.wikipedia.org/wiki/Улам,_Ста

тель еще в 1946 году.

– Доктор Чэн, – вмешалась в обсуждение Камилла, – мы все отлично знаем, что такое импульсный ядерный двигатель. Но все прежние идеи основывались на том, что топливо будет храниться на борту корабля. Размещение бомб вдоль трассы разгона – ваше изобретение. По крайней мере, я о таком никогда не слышала.

Разгорелась дискуссия. Эксперты вгрызлись в идею Чэн Синь, как стая голодных волков в кусок свежего мяса.

Уэйд снова ударил кулаком по столу:

– Довольно! Не углубляйтесь пока в подробности. Мы не обсуждаем сейчас, можно ли реализовать эту идею. Мы пытаемся понять, стоит ли вообще затевать такое обсуждение. Сконцентрируйтесь на серьезных препятствиях.

После недолгого молчания ответил Вадимов:

– У этого предложения есть одно важное достоинство: приступить к работе очень просто.

Все сразу же поняли, о чем говорит Вадимов. В первой фазе проекта «попутного разгона» потребуется вывести на околоземную орбиту значительное количество ядерных бомб. Человечество не только располагало такой технологией – бомбы уже находились на средствах доставки. Нужно только перепрограммировать стоящие на боевом дежурстве ракеты. И американские «МХ», и русские «Тополи», и китайские «Дунфэни» могли доставить боеголовки на низкую

орбиту. На это способны даже ракеты среднего радиуса действия, если оснастить их ускорителями. Принятый после начала Кризиса договор о разоружении предписывал их уничтожить. Запустить ракеты на орбиту окажется намного дешевле.

– Превосходно. Давайте отвлечемся на минуту от предложения Чэн Синь. У кого есть другие идеи? – Уэйд обвел комнату взглядом.

Несколько человек хотели было что-то сказать, но решили промолчать. Никто из них не считал свою идею лучше «попутного разгона» Чэн Синь. Вскоре взгляды присутствующих снова сфокусировались на ней – на сей раз с совершенно иным выражением.

– Мы проведем еще два мозговых штурма, попытаемся придумать что-нибудь другое. Параллельно приступим к анализу осуществимости проекта «попутного разгона». Ему нужно дать название.

– Зонд будет набирать скорость шаг за шагом после каждого взрыва... наподобие подъема по ступенькам, – стал рассуждать Вадимов. – Давайте назовем проект «Лестница». Кроме требования достичь одного процента от скорости света, у нас будет ограничение по массе зонда.

– Мы можем изготовить тонкий и легкий парус, – предложил специалист из России, однажды имевший дело с неудавшимся проектом солнечного паруса. – Доступные уже сегодня материалы позволят создать парус площадью пятьдесят

квадратных километров и массой около пятидесяти килограмм. Этого должно хватить.

– В таком случае основной проблемой станет масса капсулы зонда.

Все повернулись к присутствующему на совещании главному конструктору зонда «Кассини-Гюйгенс».

– Нам потребуются аппаратура для наблюдений, антенна и радиоизотопный источник питания, чтобы передать сигнал из облака Оорта. Обойдемся двумя или тремя тысячами килограмм.

– Не пойдет! – потряс головой Вадимов. – Чэн Синь ясно сказала: «легкий, как перышко»!

– Если ограничиться самыми основными датчиками, может быть, хватит и одной тысячи килограмм. Но я не гарантирую, что уложимся, – мне практически не с чем будет работать!

– Придется уложиться! – отрезал Уэйд. – Вместе с парусом зонд должен весить не больше одной тонны. Мы бросим все силы человечества на разгон тысячи килограмм полезного груза. И будем надеяться, что тонна – это не слишком много.

* * *

Всю следующую неделю Чэн Синь удавалось поспать только в самолетах. В составе образованной Вадимовым рабо-

чей группы она носилась между космическими агентствами США, Китая, России и Европы, согласовывая порученный им анализ осуществимости проекта «Лестница». За одну неделю она посетила больше стран и городов, чем за всю предшествующую жизнь, но видела их лишь сквозь окна автомобилей и конференц-залов.

Поначалу рабочая группа полагала, что сможет скоординировать работу всех космических агентств, но это оказалось политически невозможно. В результате каждое ведомство провело независимый анализ. С одной стороны, рабочая группа могла сравнить расчеты и убедиться в их точности; но с другой стороны, для АСР прибавилось работы. Чэн Синь никогда еще не вкладывала ни в один проект столько сил; впрочем, это ведь было *ее* детище.

Все четыре агентства быстро представили свои версии предварительного заключения, и они практически совпали. Хорошей новостью оказалось то, что площадь паруса можно сократить до двадцати пяти квадратных километров; а если воспользоваться новейшими материалами, то масса паруса уменьшится до двадцати килограмм.

Затем шла очень плохая новость: чтобы достичь требуемой скорости – 1 процент от световой, – массу всего зонда необходимо сократить на 80 процентов – до двухсот килограмм. С учетом массы паруса на капсулу с приборами наблюдения и связи оставалось лишь 180 килограмм.

Когда сообщили Уэйду, тот и бровью не повел.

– Нашли над чем киснуть. У меня новости еще хуже. На последней сессии СОП резолюцию по программе «Лестница» отклонили.

Из семи постоянных членов СОП четверо проголосовали «против» – с удивительно схожими основаниями. Делегатов, в отличие от технарей АСР, технология не интересовала. Свои возражения они аргументировали тем, что зонд не сможет предоставить существенной разведывательной информации. Как выразился представитель США, «практически бесполезен».

Проект «Лестница» не предусматривал торможения зонда. Даже если учесть, что флот Трисоляриса к тому времени значительно снизит скорость, зонд пролетит мимо него с относительной скоростью около пяти процентов от световой – если, конечно, один из кораблей не осуществит перехват аппарата землян. У зонда будет лишь несколько секунд на сбор информации о противнике. Поскольку в легкой капсуле не останется места для активных сенсоров, таких как радиолокатор, придется ограничиться пассивными датчиками. Большая их часть рассчитана на прием электромагнитных сигналов, но технология Трисоляриса далеко обогнала земную; скорее всего, противник пользуется не электромагнитным излучением, а нейтрино или гравитационными волнами. Эти технологии человечеству недоступны.

Более того, благодаря вездесущим софонам план послышки зонда будет совершенно прозрачен для врага, что сведет

на нет все шансы на успех разведывательной миссии. Проект потребует грандиозных затрат и не принесет почти никакой пользы. Ценность плана будет чисто символической, поэтому великие державы и не проявили к нему интереса. Три других постоянных члена СОП проголосовали «за» просто потому, что их заинтересовала технология разгона.

– И в этом СОП совершенно прав, – признал Уэйд.

Все молча оплакивали проект. Чэн Синь огорчалась больше всех, но утешала себя тем, что она предложила неплохую для молодого инженера без опыта идею и многого достигла. Она даже не ожидала такого успеха.

– Мисс Чэн, ты чего нос повесила? – голос Уэйда прервал ее раздумья. – Может, считаешь, что мы отступимся от работы по «Лестнице»?

Собравшиеся, не находя слов, уставились на Уэйда.

– Так вот, мы *не собираемся* останавливать «Лестницу»! – Уэйд встал и принялся расхаживать по комнате совещаний. – С этой самой минуты, над чем бы вы ни работали – над «Лестницей» или какой другой программой – вы не останавливаетесь, пока я не скажу вам остановиться! Поняли? – С лица Уэйда спала маска безразличия, и он взревел, как бешеный зверь: – Мы пойдем вперед! Вперед! Мы ни перед чем не остановимся!

Уэйд стоял как раз позади Чэн Синь. Ей показалось, что за спиной взорвался вулкан. Она съежилась и чуть было сама не закричала.

– Что будем делать дальше? – спросил Вадимов.

– Пошлем человека.

Голос Уэйда стал опять ровным и бесстрастным. Испуганные его воплем участники совещания не сразу догадались, что предлагает Уэйд. Он говорил не об отправке парламентария в СОП – нет, он решил послать живого разведчика во тьму и холод облака Оорта, удаленного на один световой год от Земли, чтобы следить за приближающимся врагом.

Уэйд пнул ножку конференц-стола и откатился на кресле в глубь комнаты, чтобы сидеть позади собравшихся и наблюдать за ходом обсуждения. Но никто не проронил ни слова. Повторялась ситуация недельной давности, когда Уэйд впервые потребовал послать зонд навстречу вражескому флоту. Люди раздумывали над словами шефа. Вскоре они поняли, что идея не настолько смехотворна, как показалось вначале.

Технология гибернации стала сравнительно надежной. Разведчик большую часть пути может провести в анабиозе. Если он весит 70 килограмм, на долю оборудования и капсулы, похожей на гроб, остается 110 килограмм. Но что потом? Через двести лет зонд встретится с кораблями флота. Как разбудить посланца и что он сможет сделать?

Все эти соображения прокручивались в головах собравшихся, но никто не спешил заговорить. Уэйд, похоже, прочел их мысли:

– Мы пошлем представителя человечества в самое сердце врага!

– Но тогда, значит, расчет идет на то, что флот Трисоляриса перехватит наш зонд, – сказал Вадимов. – Потом разбудит нашего разведчика и оставит на борту.

– Очень даже вероятно, что так и случится. – Уэйд поднял глаза к потолку. – Разве нет?

Участники совещания поняли, что он адресовал последние слова софонам, кружащим вокруг них, словно привидения. Неведомые сущности на планете, отдаленной на четыре световых года, тоже «участвовали» в этом совещании. Люди часто забывали о вездесущих софонах; а когда вспоминали, то помимо страха ощущали себя ничтожными муравьями под лупой в руках любопытного и жестокого ребенка. Как можно сохранить уверенность в себе и своих планах, если враг разберется в них раньше, чем ты доложишь своему начальнику? Человечество с трудом привыкало к новым правилам ведения войны, – правилам, по которым враг знает все твои секреты.

Но теперь Уэйд сумел слегка изменить ситуацию и сделать осведомленность врага залогом успеха. Трисолярис узнает, по какой траектории полетит зонд, и без труда сможет его перехватить. Софоны предоставили трисолярианам массу информации о человеческом обществе, но еще ценнее завладеть живым представителем вида для детального изучения.

При обычном противостоянии разведслужб нет смысла посылать шпиона, о котором противник знает. Но это не обычная война. Сама по себе отправка представителя чело-

вечества к флоту Трисоляриса станет смелым ходом. Какая разница, если трисоляриане заранее узнают, кто этот представитель? АСР даже не требовалось планировать действия своего агента по прибытии в расположение врага. Он и сам сориентируется, что ему делать; возможностей море. Идея Уэйда становилась еще привлекательнее потому, что разум трисоляриан открыт друг для друга; они беззащитны перед военной хитростью.

Мы пошлем представителя человечества в самое сердце врага.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Гибернация: Первая в истории человечества машина времени

Порой новая технология способна перевернуть общество, но пока она в младенчестве, не каждому человеку по силам оценить ее перспективы. Например, когда изобрели компьютер, его воспринимали как подспорье для математика, а кое-кто даже заявлял, что пяти машин хватит на весь мир. То же самое произошло с искусственной гиббернацией. Пока она оставалась фантастикой, люди ограничивались мнением, что гиббернация поможет неизлечимо больным дожить

до тех дней, когда врачи научатся бороться с заболеванием. Иные, как следует подумав, утверждали, что гибернация найдет применение в длительных межзвездных полетах. Но как только гибернация стала явью, социологи поняли: она неузнаваемо изменит человеческую цивилизацию.

И все это опиралось на одну простую идею: «Завтра будет лучше, чем сегодня».

Вера в лучшее будущее зародилась лишь за несколько веков до Кризиса и заслуженно считалась недавним изобретением. Раньше над ней только посмеялись бы. По сравнению с классическим Римом средневековая Европа обнищала и морально деградировала. В Китае жизнь простого народа в годы династий Вэй, Цзинь, Южной и Северной стала хуже, чем при только что окончившейся династии Хань. А династии Юань и Мин по всем параметрам проигрывали более ранним Тан и Сун. Но после промышленной революции жизнь стала неуклонно налаживаться, и вера человечества в светлое будущее крепла день за днем.

Эта вера росла вплоть до Трисолярианского кризиса. Холодная война закончилась много лет назад. Оставалось лишь несколько досадных неприятностей, вроде загрязнения окружающей среды. Появлялось все больше товаров, качество жизни росло; изобилию, казалось, не будет конца. Если спросить людей, чего они ожидают от будущего, они дали бы разные ответы о жизни в ближайшие десять лет, но мало кто усомнился бы, что через сто лет человечество будет жить как

в рай. В это нетрудно поверить – достаточно сравнить сегодняшний образ жизни с тем, как люди жили сто лет назад!

Но если гибернация стала реальностью, что тогда удерживает тебя в настоящем?

С точки зрения социолога, даже технология клонирования людей оказалась безобиднее гибернации. При клонировании возникали моральные проблемы, но они волновали только тех, кто придерживался христианского мировоззрения. Гибернация приводила к осложнениям практического толка, которые оказывали влияние на всю человеческую расу. Как только гибернация станет коммерчески доступна, все, у кого найдутся деньги, сбегут в рай будущего – а остальным придется остаться в сравнительно суровом настоящем и строить для них этот рай. Но самой опасной и наиболее привлекательной приманкой будущего стало бессмертие.

Узнавая о новых и новых достижениях биологии, люди начинали верить, что через столетие или два удастся победить саму смерть. Те, кто ляжет в гибернацию, сделают первый шаг навстречу вечной жизни. Впервые в истории смерть перестала уравнивать бедняка и богача. Последствия даже представить невозможно.

Возникшую ситуацию позже закономерно сравнивали с волнениями вокруг эскапизма, зародившегося сразу после Кризиса. В дальнейшем историки назовут этот процесс «ранним эскапизмом», или «эскапизмом сквозь время». По этой причине до Кризиса правительства всех мировых держав

сдерживали технологию гибернации; она находилась под еще более жестким контролем, чем клонирование.

Но Трисолярианский кризис все изменил. За одну ночь рай будущего превратился в сущий ад. Будущее не привлекало даже смертельно больных: что, если они проснутся в охваченном пламенем мире, где для них не найдется даже таблетки аспирина?

Поэтому после Кризиса ограничения на исследования в области гибернации сняли. Вскоре технология гибернации вышла на коммерческий рынок, и человеческая раса овладела своим первым инструментом для движения сквозь время.

Эра Кризиса, годы 1–4-й

Чэн Синь

Чтобы ознакомиться с технологией гибернации, Чэн Синь отправилась на остров Хайнань, в город Санья.

Тропический остров казался странным местом для размещения самого большого на планете исследовательского центра гибернации, одного из подразделений Академии медицинских наук Китая. Когда на материке стояла глубокая зима, здесь правила весна.

Белое здание центра пряталось за пышной растительностью. В его лабораториях около дюжины добровольцев лежали в краткосрочном экспериментальном анабиозе. Пока еще никого не погружали в холодный сон на столетия.

Первым делом Чэн Синь спросила, возможно ли довести вес аппаратуры до ста килограмм.

Директор института рассмеялся:

– Сто килограмм? Да мы сочтем за счастье, если облегчим его до ста тонн!

Директор преувеличивал, но не слишком. Он провел Чэн Синь по отделам центра и объяснил, что технология искусственной гибернации не совсем такая, какой ее представляет себе широкая публика. Например, для нее не нужны сверхнизкие температуры. Сначала всю кровь замещают хладостойким кровезаменителем, потом тело охлаждают до ми-

нус пятидесяти градусов и запускают аппарат искусственно-го кровообращения для поддержания минимального уровня биологической активности.

— Очень похоже на «режим сна» у компьютера, — объяснил директор.

Общий вес оборудования — капсулы гибернатора, систем жизнеобеспечения и охлаждения — составлял около трех тонн.

Как только Чэн Синь начала обсуждать с инженерами, как можно снизить вес установки, ее осенило: если температура тела должна оставаться около —50 градусов Цельсия, в условиях глубокого космоса капсулу гибернатора придется не охлаждать, а подогревать! Температура космического пространства за пределами орбиты Нептуна немногим отличается от абсолютного нуля¹⁵. В сравнении с ней —50 градусов внутри гибернатора покажутся раскаленной печью. Поскольку на дорогу уйдет одно или два столетия, без радиоизотопного генератора не обойтись. Директор центра не сильно преувеличил, когда заявил о сотне тонн оборудования.

Чэн Синь вернулась в штаб-квартиру АСР и отчиталась о результатах поездки. Рабочая группа изучила материалы, и инженеров опять охватило уныние. Но сейчас они с надеж-

¹⁵ При отсутствии существенного нагрева Солнцем на таком расстоянии это будет 2,7 градуса по Кельвину — температура реликтового излучения (<http://e-science.ru/groups/Температура-вакуума>). — *Прим. перев.*

дой смотрели на Уэйда.

– Чего вы на меня уставились? Я не Господь Бог! – Уэйд окинул взглядом комнату совещаний. – Зачем вы здесь, по-вашему, – чтобы получать зарплату и докладывать о неудачах? Нет у меня для вас решений! Поиск решений – ваша работа! – Он изо всех сил пнул ножку стола и от удара отъехал дальше, чем когда-либо. Не обращая внимания на таблички «Не курить!», он зажег сигару.

Участники совещания посмотрели на присутствующих здесь же специалистов по гистерии. Те ничего не сказали, но даже не пытались скрыть свои чувства: им, профессионалам, какая-то кучка фанатиков приказывает совершить невозможное!

– А что, если... – Чэн Синь неуверенно оглянулась. Она еще не привыкла к ВД.

– Вперед! Ни перед чем не останавливаться! – выдохнул в ее сторону Уэйд вместе с облаком дыма.

– Возможно, нам не придется посылать живого человека.

Вся команда посмотрела сначала на Чэн Синь, потом друг на друга, потом на экспертов по гистерии. Те затрясли головами – они тоже не понимали, о чем речь.

– Мы мгновенно заморозим человека до —200 градусов или даже ниже, а потом запустим тело в космос. Не нужно ни систем жизнеобеспечения, ни обогревателя; а контейнер с телом сделаем тонким и легким. Уложимся в 110 килограмм. Для нас такое тело – труп; а для Трисоляриса, может, и нет.

– Очень хорошо, – кивнул ей Уэйд. На ее памяти это был первый раз, когда Уэйд кого-нибудь похвалил.

Встал один из экспертов по гибернации:

– Вы говорите о криоконсервации, а не о гибернации. Самое сложное в реанимации такого тела – предотвратить образование кристаллов льда. Заморозьте тофу, разморозьте – и получите губчатую массу. Впрочем, вряд ли кто-нибудь из вас когда-либо замораживал тофу... – Эксперт, китаец, улыбнулся окружавшим его западным коллегам. – Возможно, у Трисоляриса и найдется такая методика. Возможно, они знают, как разморозить все тело за ничтожное время – за миллисекунду или даже за микросекунду – без того, чтобы превратить его в облако пара.

Чэн Синь почти не следила за обсуждением. Она напряженно размышляла: и кто же станет этим телом, замороженным до —200 градусов и запущенным в глубокий космос? Она изо всех сил старалась двигаться вперед, не задумываясь о последствиях, но от этой мысли ее пробрал озноб.

* * *

Программу «Лестница» доработали и снова поставили на голосование в СОП. Уэйд переговорил с несколькими делегатами; по его словам, у «Лестницы» были неплохие шансы. В этой редакции целью программы стал первый контакт человечества и инопланетян, а не просто запуск зонда. Кро-

ме того, человек, отправленный навстречу флоту, мог стать бомбой с часовым механизмом, заложенной в самое сердце врага. Агент, искусно пользуясь превосходством людей в науке хитрости и обмана, потенциально мог изменить ход войны.

Поскольку этим вечером на специальной сессии Генеральной ассамблеи ООН собирались объявить о проекте «Отвернувшиеся», сессию СОП отложили на час. Сотрудники АСР ждали в вестибюле зала Генеральной ассамблеи. На предыдущие сессии СОП приглашали только Уэйда и Вадимова; все прочие оставались за дверьми на случай, если СОП решит задать им какой-нибудь технический вопрос. Но на этот раз Уэйд попросил Чэн Синь проследовать за ним и Вадимовым в зал заседаний – высокая честь для скромного технического специалиста невысокого ранга.

Заседание Генеральной Ассамблеи завершилось. Чэн Синь и ее коллеги увидели, как окруженный кольцом репортеров мужчина – должно быть, один из только что назначенных Отвернувшихся – проходит через вестибюль и покидает здание. Поскольку сотрудники АСР работали только над «Лестницей», большинство из них не интересовалось другими проектами; лишь двое-трое вышли наружу, чтобы взглянуть на новоиспеченного Отвернувшегося. Поэтому, когда произошло вошедшее в историю покушение на Ло Цзи, никто из группы АСР не услышал выстрела; они только увидели сквозь стеклянные двери внезапно возникшую сумато-

ху. Чэн Синь вместе с другими работниками АСР выбежала на улицу; ее тотчас же ослепили прожекторы зависших над площадью вертолетов.

– Боже мой, Отвернувшегося убили! – крикнул, подбегая к ней, один из коллег. – Говорят, он получил несколько пуль! Прямо в голову!

– Кого назначили Отвернувшимися? – без особого интереса спросил Уэйд.

– Я и сам не уверен. Мне кажется, что трое из них хорошо известны. Четвертый, тот, кого убили, – ваш соотечественник. – Работник АСР кивнул в сторону Чэн Синь. – Но о нем никто до сих пор не слышал. Самый обычный человек.

– Мы живем в особенное время – «обычных людей» больше нет, – заявил Уэйд. – На совершенно случайного человека могут возложить тяжелую ответственность, а важного чиновника – сместить. – Он взглянул сначала на Чэн Синь, потом на Вадимова. В этот момент секретарь СОП отозвал Уэйда в сторону.

– Он угрожает мне, – прошептал Вадимов Чэн Синь. – Наорал вчера на меня и сказал, что ты без труда меня заменишь.

– Михаил, я...

Вадимов поднял руку, чтобы остановить ее. Яркий луч вертолетного прожектора просвечивал его ладонь насквозь, и та отливала розовым.

– Он не шутит. Наше агентство не обязано придерживаться

ся обычных кадровых процедур. Ты напориста, хладнокровна, трудолюбива, к тому же изобретательна. Ты подходишь к своей работе с гораздо большей ответственностью, чем можно ожидать от человека на этой должности. Редкое сочетание достоинств в твоём возрасте. Синь, я и в самом деле рад, что ты можешь заменить меня – но поверь, я могу делать такие вещи, на которые ты органически не способна.

Вадимов окинул взглядом царящий вокруг хаос.

– Ты не продашь свою мать в бордель. Когда дело доходит до этой особенности нашей профессии, ты все еще дитя. И я бы очень хотел, чтобы ты такой и осталась.

Подошла Камилла с ворохом бумаг в руках. Чэн Синь подумала, что это предварительный отчет о возможности осуществления программы «Лестница». Камилла подержала документы несколько секунд, но затем, вместо того чтобы передать бумаги одному из них, с размаху швырнула их на землю.

– Да пошли они ко всем чертям! – вскричала Камилла, перебивая грохот вертолетов. Несколько прохожих обернулись. – Эти проклятые свиньи способны только копошиться в грязи!

– О ком вы говорите? – спросил Вадимов.

– Обо всех! О человечестве! Полвека назад мы разгуливали по Луне! А сегодня у нас ничего нет, и мы ничего не можем сделать!

Чэн Синь наклонилась и собрала бумаги. Это в самом деле

был предварительный отчет. Они с Вадимовым пролистали несколько страниц, но такой сложный технический документ невозможно читать «по диагонали». К ним вернулся Уэйд – секретарь СОП сообщил, что заседание начнется через пятнадцать минут.

В присутствии шефа АСР Камилла немного успокоилась: – НАСА провело в космосе два испытания прототипа импульсного ядерного двигателя. Все цифры в отчете. Если коротко, то наша капсула по-прежнему слишком тяжела, чтобы разогнаться до требуемой скорости. По их расчетам, масса всего зонда не может превышать пяти процентов от нашего варианта! Пяти процентов! Это же десять килограмм!

– Впрочем, у них нашлись для нас и хорошие новости. Массу паруса можно уменьшить до десяти килограмм. Они сжалились над нами и сказали, что мы можем рассчитывать на пятьсот грамм полезной нагрузки. Но ни граммом больше! Иначе понадобится усилить тросы для паруса; каждый дополнительный грамм полезной нагрузки отзовется тремя граммами тросов. Поэтому в нашем распоряжении только полкилограмма. Ха-ха, точно как наш ангел и предсказывала: «капсула, легкая, как перышко»!

Уэйд улыбнулся:

– Предложим полететь Монье, котенку моей матери. Впрочем, даже ему придется вдвое похудеть.

Когда вокруг него сосредоточенно и с удовольствием работали, Уэйд ходил мрачный, как туча. Когда все падали ду-

хом, Уэйд смеялся и шутил. Чэн Синь думала, что у него просто такой стиль руководства. Но Вадимов сказал, что она совсем не разбирается в людях. Настроение Уэйда не имело ничего общего ни со стилем руководства, ни с желанием подбодрить сотрудников. Он всего лишь наслаждался отчаянием других – даже тогда, когда ему самому стоило бы разделить их уныние. Чэн Синь удивилась, что Вадимов, всегда хорошо отзывавшийся о других, так плохо думает об Уэйде. Но сейчас, похоже, Уэйд и в самом деле радовался, глядя на утративших надежду подчиненных.

У Чэн Синь больше не осталось сил. Сказалось многодневное переутомление: колени девушки подкосились, и она опустилась на лужайку.

– Встать! – приказал Уэйд.

Впервые Чэн Синь не исполнила его приказа. Лежа на траве, она прошептала:

– Как же я устала...

– Ты и ты, – распорядился Уэйд, указывая пальцем на Камиллу и Чэн Синь. – С этого момента запрещаю вам вот так терять над собой контроль! Вы должны идти вперед! Не останавливаться ни перед чем!

– Нам некуда идти, – возразил Вадимов. – Остается лишь опустить руки.

– Вам только кажется, что идти некуда – и это потому, что вы не умеете плевать на последствия!

– Что же делать с сессией СОП? Отменить?

– Нет. Продолжаем, как будто ничего не произошло. Но у нас нет времени, чтобы исправить документацию. Зачитаем новый план с трибуны.

– Какой новый план? С котенком весом пятьсот грамм?

– Нет, конечно.

В глазах Вадимова и Камиллы вспыхнул огонек надежды. Чэн Синь тоже собралась с силами и поднялась с земли.

Четвертого Отвернувшегося погрузили в «скорую» и увезли под охраной армейских бронетранспортеров и вертолетов.

На фоне огней Нью-Йорка Уэйд казался черным призраком с глазами, сияющими холодным светом.

– Мы отправим только мозг, – заявил он.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Программа «Лестница»

В Китае XIV века, в эпоху династии Мин, военные моряки придумали оружие под названием «Холун Чу Шуй» – «Огненный дракон, взлетающий с воды». Это была многоступенчатая пороховая ракета, схожая по принципу работы с противокорабельными ракетами Общей Эры. К головному снаряду («Холун») привязывали несколько реактивных ускорителей.

телей и запускали. Ракета летела невысоко над поверхностью воды. Когда «первая ступень» выгорала, последние крупинки пороха воспламеняли «вторые ступени» – несколько ракет поменьше. Они вылетали из переднего конца ракеты и поражали вражеские корабли.

Оружейники древности также изобрели многозарядный арбалет, предшественник пулемета Общей Эры. Эти механизмы знали и на Западе, и на Востоке. Такие арбалеты китайского производства¹⁶ находят в захоронениях, датированных IV веком до Р.Х. и позже.

Для создания обоих типов вооружения мастера прошлого взяли примитивную технологию, немного усовершенствовали – и получили выдающееся для своего времени оружие.

То же можно сказать и о программе «Лестница», задуманной в самом начале Эры Кризиса. Опираясь лишь на доступную в то время примитивную технологию, она сумела разогнать небольшой зонд до одного процента от скорости света – достижение, казавшееся невозможным без технологии, которой еще только предстояло появиться через полтора столетия.

Ко времени программы «Лестница» люди уже запустили

¹⁶ Чо-ко-ну – китайский многозарядный арбалет. В этом арбалете действия по натяжению тетивы, укладке болта и спуску тетивы производятся одним движением руки. Благодаря устанавливаемым на оружие магазинам с болтами многозарядный арбалет позволяет значительно увеличить темп стрельбы (примерно 10 болтов за 15 секунд) по сравнению с обычным (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Чо-ко-ну>). – *Прим. перев.*

несколько космических аппаратов за пределы Солнечной системы и сумели посадить зонды на спутники Нептуна. Уже существовали достаточно надежные носители для размещения ядерных бомб вдоль трассы разгона. Однако управление полетом, в ходе которого зонд должен проходить рядом с бомбами, и подрыв каждого заряда в точно рассчитанный момент представили собой серьезнейшие технические проблемы.

Бомбу требовалось взорвать, как только парус пролетит мимо. В момент взрыва расстояние между эпицентром и парусом должно составлять от трех до десяти километров, в зависимости от мощности бомбы. По мере разгона зонда росли требования к точности срабатывания детонаторов. Но даже когда зонд достигнет одного процента от скорости света, погрешность времени подрыва будет все еще исчисляться в наносекундах. Доступная в то время электроника вполне справлялась с такой задачей.

У зонда двигателя не было. Его траектория полностью определялась взаимным расположением взрывающихся бомб. Каждую бомбу снабдили небольшим маневровым двигателем. Парус проходил лишь в нескольких сотнях метров от бомбы. Регулируя эту дистанцию, можно было влиять на угол между парусом и вектором тяги, которая возникала после ядерного взрыва, таким образом корректируя направление полета.

Парус, изготовленный из тончайшей пленки, тянул за со-

бой капсулу с полезной нагрузкой. Весь зонд напоминал огромный парашют, только летящий «вверх». Чтобы близкие ядерные взрывы – от трех до десяти километров позади паруса – не повредили капсулу, тросы пришлось сделать очень длинными, около пятисот километров. Капсулу также защищала многослойная термоизоляция. Каждый взрыв испарял тонкий слой изоляции, охлаждая капсулу и понемногу снижая массу зонда.

Тросы, в десять раз тоньше паутинки и невидимые для глаза, были изготовлены из наноматериала «Летающее лезвие». Сто километров нити весили всего восемь грамм. Трос выдерживал излучение ядерных взрывов и рывки паруса при разгоне.

Но, разумеется, «Холун Чу Шуй» значительно уступал двухступенчатой ракете, а многозарядный арбалет не мог соперничать с пулеметом. Точно так же программа «Лестница» не положила начало новому космическому веку. Она оказалась всего лишь отчаянным предприятием, в котором человечество применило весь набор своих примитивных технологий.

Эра Кризиса, годы 1–4-й

Чэн Синь

Групповые пуски ракет «Peacekeeper МХ» продолжались уже более получаса. Дымные следы шести запущенных носителей переплетались и в лунном свете казались серебристой дорогой в небо.

Каждые пять минут по этой дороге поднимался очередной огненный клубок. Тени, отбрасываемые деревьями и людьми, кружились, словно секундные стрелки часов. В первой серии пусков задействовали тридцать ракет – им предстояло доставить на земную орбиту триста ядерных боеголовок мощностью от пятисот килотонн до двух с половиной мегатонн.

В это же время в России и Китае взлетали «Тополы» и «Дунфэни». Могло показаться, что началась ядерная война, но по кривизне траектории Чэн Синь видела, что ракеты идут не на соседний континент, а на орбиту. Их боеголовки, способные убить миллиарды людей, никогда больше не вернутся на Землю. Они объединят всю свою мощь, чтобы разогнать перышко до одного процента от скорости света.

В глазах Чэн Синь, наполненных горячими слезами, отражалось яркое пламя поднимающихся к небу ракет. Снова и снова она убеждала себя: как бы ни развивались события, «Лестница» стоит приложенных усилий.

Но стоящих рядом Вадимова и Уэйда развернувшееся перед ними великолепное зрелище, похоже, нисколько не трогало. Вместо того чтобы смотреть в небо, они курили и негромко разговаривали. Чэн Синь не сомневалась в предмете их беседы: кого именно выберут для полета в капсуле зонда.

Недавняя сессия СОП стала первой в истории, на которой голосовали по устно представленному предложению. Чэн Синь довелось увидеть, насколько хорош в риторике обычно немногословный Уэйд. Он аргументировал так: если мы считаем трисоляриан способными оживить замороженное тело, почему они не сумеют вернуть к жизни замороженный мозг и общаться с ним при помощи аппаратуры? Ведь наверняка для цивилизации, которая развернула протон в двух измерениях и выгравировала на его поверхности электронные схемы, это не проблема? В каком-то смысле мозг человека – все равно что весь человек. Здесь хранятся его мысли, его личность, его память. И уж определено в мозгу заключена способность к созданию стратагем¹⁷. Если у нас все получится, этот мозг станет бомбой с часовым механизмом, заложенной в самое сердце врага.

Члены СОП сомневались, что мозг и его носитель – это

¹⁷ Стратагема – хитроумный план, оригинальный путь к достижению военных, гражданских, политических, экономических или личных целей. В настоящее время стали широко известны 36 древнекитайских военных хитростей, по отношению к которым часто употребляется наименование «стратагема» (<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/141257>). – *Прим. перев.*

одно и то же. Но другого выбора не было, особенно учитывая, что их в основном интересовала технология разгона зонда. В результате резолюцию приняли пятью голосами «за». Двое воздержались.

Как только программу «Лестница» одобрили, на первый план вышла проблема выбора агента. Чэн Синь не смела и помыслить о таком человеке. Даже если Трисолярис перехватит зонд и оживит мозг, жизнь после пробуждения – если такое существование можно назвать жизнью – станет бесконечным кошмаром. Каждый раз, когда она задумывалась над этим вопросом, Чэн Синь казалось, будто ее сердце стискивает рука, замороженная до минус двухсот градусов Цельсия.

Других участников проекта чувство вины не беспокоило. Если бы АСР было национальным агентством, решение приняли бы давно и без лишнего шума. Но АСР формировалось как сборная из представителей стран-членов СОП. Поэтому, когда о программе «Лестница» сообщили всему миру, выбор агента стал весьма деликатным вопросом.

Суть проблемы заключалась в том, что перед отправкой агента требовалось убить.

Когда схлынула первая волна паники, вызванной Кризисом, политики всего мира единогласно решили: нельзя позволить Кризису стать оружием против демократии. Сотрудники АСР получили от своих стран инструкции: крайне осторожно подходить к выбору кандидатов и не совершать

политических ошибок, которые могут оконфузить родину.

И опять Уэйд предложил необычное решение: СОП и ООН должны склонить страны – и чем больше, тем лучше – к принятию закона об эвтаназии. Но даже он сам не был уверен, что его план сработает.

Три из семи постоянных членов СОП вскоре приняли законы об эвтаназии. Но в них четко указывалось, что эвтаназия доступна только неизлечимо больным. Неидеальный вариант для «Лестницы», но ни на что большее общество пойти не могло.

Агента для программы «Лестница» придется искать среди смертельно больных людей.

* * *

Стих рокот двигателей, угасли последние сполохи пламени. Пуски ракет завершились. Уэйд и наблюдатели СОП сели в машины и уехали. Остались только Вадимов и Чэн Синь.

– Давай посмотрим на твою звезду, – предложил Вадимов.

Четыре дня назад Чэн Синь получила документы на DX3906. Она страшно удивилась, безумно обрадовалась и целый день повторяла про себя: «Мне подарили звезду, мне подарили звезду, мне подарили звезду...»

Зайдя с отчетом к Уэйду, она так сияла от счастья, что шеф поинтересовался, в чем дело. Она показала ему свидетельство.

– Бесплезная бумажка, – прокомментироваз он, возвра-
щая документ. – Если ты не дура, немедленно продай за пол-
цены. Иначе останешься ни с чем.

Но цинизм шефа не задел его подчиненную – она и не со-
мневалась, что реакция будет именно такой. Чэн Синь почти
ничего не знала о шефе, кроме его послужного списка. Сна-
чала он работал на ЦРУ, потом служил помощником секре-
таря Министерства внутренней безопасности и в конце кон-
цов занял пост руководителя АСР. О личной жизни главы
АСР Чэн Синь знала лишь, что у него есть мать, а у матери
котенок. Другие тоже ничего не знали, даже где он живет.
Уэйд был подобен роботу: когда он не работал, то отключал-
ся в каком-то тайном чулане.

Чэн Синь не удержалась и похвасталась своей звездой пе-
ред Вадимовым. Тот с радостью поздравил ее:

– Тебе все девушки мира будут завидовать – и живые жен-
щины, и мертвые принцессы. Ты, несомненно, первая в ис-
тории человечества, кому подарили звезду.

А что еще нужно женщине для полного счастья, кроме
звезды в подарок от любящего человека?

– Но кто это может быть? – вполголоса спросила себя Чэн
Синь.

– Не так уж трудно догадаться. Для начала: он богат. Он
потратил несколько миллионов на символический подарок.

Чэн Синь покачала головой. У нее всегда хватало возды-
хателей и ухажеров, но ни у кого из них не было *таких* денег.

– Кроме того, у него тонкая натура. Он не такой, как все, – Вадимов вздохнул. – Надо же, какой романтик! Если бы я прочитал о чем-то подобном в книге или увидел в кино, то сказал бы, что это ни в какие ворота.

Чэн Синь тоже вздохнула. В детстве она часто витала в облаках; над своими прошлыми розовыми мечтами сегодняшняя Чэн Синь только посмеялась бы. Но звезда, упавшая ей в руки из ниоткуда, намного превосходила даже самые смелые романтические грезы.

Она была уверена, что не знакома ни с кем, способным на такой подарок.

Что, если это какой-то тайный поклонник, восхищающийся ею издалека и внезапно решивший потратить ничтожную долю своего безграничного богатства на причуду, которую ей никогда не понять? Пусть даже и так, она все равно ему благодарна.

Той ночью Чэн Синь забралась на крышу Центра международной торговли, сгорая от нетерпения увидеть свою звезду. Она тщательно изучила приложенные к свидетельству звездные карты. Но небо над Нью-Йорком затягивали облака – и в ту ночь, и в другую, и в третью... Облака словно дразнили Чэн Синь, укрывая звезду от ее взора. Однако она не огорчалась – знала, что никто не сможет отнять у нее этот подарок. DX3906 продолжала светить; возможно, она переживет и Землю, и Солнце. Когда-нибудь Чэн Синь ее увидит...

Стоя ночью на балконе своей квартиры, Чэн Синь глядела на небо и представляла себе свою звезду. Желтые фонари тускло подсвечивали пелену облаков, но ей в этом сиянии чудился розовый оттенок, который, конечно, ему придавал свет ее звезды.

Она уснула и видела, как летит над поверхностью звезды, над нежно-розовым шаром. Вместо обжигающего пламени она ощущала ласковое дуновение весеннего ветерка. А внизу она видела сквозь чистейшие воды океана, как на дне колышутся розовые облака водорослей...

Потом она проснулась и посмеялась над собой. И как только она, инженер аэрокосмической промышленности, могла позабыть, что у DX3906 нет ни одной планеты!

На четвертый день после получения сертификата на звезду Чэн Синь с группой сотрудников АСР вылетела на мыс Канаверал для участия в церемонии запуска первой группы ракет. Для выхода на орбиту МБР нуждались в помощи Земли – вращение планеты добавляло им скорости. Ракеты забирали с точек базирования и доставили на космодром.

Дымные следы понемногу таяли в безоблачном ночном небе. Чэн Синь и Вадимов склонились над звездной картой. Оба немного разбирались в астрономии; вскоре они уже смотрели в направлении звезды Чэн Синь, но не могли ее обнаружить.

Тогда Вадимов достал два военных бинокля. С их помощью не составило труда увидеть DX3906, а потом найти звезду.

ду и без бинокля. Чэн Синь заворуженно смотрела на тусклую красную точку, пытаясь осознать разделяющую их гигантскую бездну и перевести единицы расстояния во что-нибудь доступное восприятию человека.

– Если поместить мой мозг в зонд «Лестницы» и послать к этой звезде, ему понадобится тридцать тысяч лет, чтобы добраться до пункта назначения.

Ответа не последовало. Чэн Синь обернулась и увидела, что Вадимов больше не разглядывает вместе с ней звезду, а стоит, прислонившись к автомобилю, и смотрит в никуда. На его лице она заметила беспокойство.

– Что случилось?

Вадимов ответил не сразу:

– Я пренебрегаю своим долгом.

– О чем вы?

– Я самый подходящий кандидат для «Лестницы».

Заявление Вадимова шокировало Чэн Синь, но она тотчас же поняла, что он прав. Ее умудренный многолетним опытом начальник разбирался в космосе, дипломатии и разведке и обладал зрелым, устойчивым характером. Даже если бы АСР расширило список кандидатов и включило в него здоровых людей, Вадимов все равно остался бы лучшим.

– Но вы же здоровы!

– Здоров. Тем не менее я пытаюсь убежать от ответственности.

– На вас давят? – спросила Чэн Синь, думая про Уэйда.

– Нет. Но я знаю, что должен сделать. Я просто тяну время. Три года назад я женился, и моей дочери только что исполнился годик. Я не боюсь умереть, но люблю свою семью. Не хотел бы, чтобы они увидели, как из меня делают консервы. Это хуже смерти.

– Вы не обязаны идти на такое! Ни АСР, ни ваше правительство не приказывали вам и не могут приказать!

– Это так... но я все равно самая подходящая кандидатура. Хочу, чтобы ты знала.

– Михаил, человечество – это не какая-то абстракция. Любовь к человечеству начинается с любви к человеку, с ответственности за тех, кого вы любите. Как можно винить в этом себя!

– Спасибо, Чэн Синь. Ты заслуженно получила свой подарок, – Вадимов поднял глаза и взглянул на звезду. – Я с удовольствием подарил бы такой же моей дочери и жене.

В небе вспыхнула одна яркая точка, потом другая. В их свете на земле выросли тени. Далеко в космосе инженеры испытывали ядерный импульсный двигатель.

* * *

Отбор кандидатов на полет шел полным ходом, но на работе Чэн Синь это почти не отразилось. Ее только попросили убедиться, что люди соответствуют главному требованию – знакомы с основами космонавтики. Поскольку выбирать

приходилось только среди неизлечимо больных, найти такого специалиста оказалось практически нереально. АСР принялось искать везде, где только возможно.

Одна из однокурсниц Чэн Синь приехала навестить ее в Нью-Йорк. Разговор зашел о том, как сложилась жизнь у других их приятелей по колледжу, и подруга упомянула Юнь Тяньмина. Через Ху Вэня она знала, что у Тяньмина рак легких в последней стадии и ему осталось недолго. Чэн Синь немедленно отправилась к заместителю шефа Юй Вэймину и предложила Тяньмина в качестве кандидата на полет.

Чэн Синь запомнила этот момент до конца своих дней. Каждый раз возвращаясь к этим воспоминаниям, она признавалась себе, что не слишком задумывалась о Тяньмине как о личности.

Чэн Синь нужно было съездить в Китай по делам. Поскольку она была однокурсницей Тяньмина, Юй Вэймин поручил ей переговорить с бывшим однокурсником от лица АСР. Недолго думая, она согласилась.

* * *

Выслушав рассказ Чэн Синь, Тяньмин медленно присел в кровати. Чэн Синь попросила было его лечь, но Тяньмин объяснил, что хочет ненадолго остаться один.

Когда Чэн Синь вышла и прикрыла за собой дверь, Тяньмин истерически расхохотался.

«Какой же я безмозглый идиот! Думал, что, если от всего сердца подарю ей звезду, она ответит мне взаимностью! Думал, что она пересекла Тихий океан, чтобы спасти меня, залив своими святыми слезами! Что за волшебную сказку я себе сочинил!»

Нет, Чэн Синь приехала, чтобы попросить его умереть.

Тяньмин сделал еще одно умозаключение, от которого захохотал так надсадно, что у него перехватило дыхание. Судя по рассказу Чэн Синь, она не знала, что он уже решил на эвтаназию. Другими словами, если бы он не сделал шаг первым, она бы стала убеждать его пройти процедуру! Возможно, она принялась бы уговаривать его или давить, пока он не согласится.

Слово «эвтаназия» означает «хорошая смерть». Но Чэн Синь не уготовила для него ничего хорошего.

Сестра хотела, чтобы Тяньмин умер, поскольку считала, что нет смысла тратить деньги на лечение. Он понимал ее логику и верил, что сестра искренне желает ему умереть спокойно и безболезненно. А Чэн Синь хотела, чтобы он мучился бесконечно. Космос повергал Тяньмина в ужас. Как и любой другой специалист по аэрокосмическим технологиям, он отлично знал, насколько безжалостно космическое пространство. Ад находится не на Земле, а в небесах.

Чэн Синь хотела, чтобы его часть – та, в которой заключается его душа, – вечно блуждала в ледяной бесконечной и мрачной бездне.

Из двух альтернатив эта, пожалуй, была бы лучшей.

Ибо в другом случае – если Трисолярис перехватит зонд и завладеет его мозгом, к чему и стремилась Чэн Синь, – вот тогда начнется настоящий кошмар. Инопланетяне, эти нелюди, воткнут в мозг датчики и примутся исследовать его центры чувств. Разумеется, больше всех их заинтересует чувство боли; поэтому он пройдет сквозь муки голода и жажды, его будут стегать кнутом, жечь, душить, бить током... На нем опробуют все средневековые пытки, даже *линчи* – «смерть от тысячи порезов»...

Затем палачи расшифруют его память и определят, каких мучений он боится больше всего. Они узнают о пытке, о которой он однажды читал в книге по истории: сначала жертву бьют кнутом, пока не сдерут всю кожу; потом тело плотно обертывают повязками; а когда кровотечение прекратится, повязки разом срывают, обнажая все раны... Тогда чужаки пошлют в мозг сигналы, имитирующие такую пытку. В книге жертва быстро погибала, но мозг Тяньмина не умрет. В самом крайнем случае мозг отключится из-за шока. С точки зрения трисоляриан его «компьютер» просто остановится – и они перезапустят его, чтобы провести какой-нибудь другой эксперимент – из любопытства или просто ради развлечения...

Побег невозможен. Без рук и тела он не сможет даже убить себя. Его мозг станет аккумуляторной батареей, раз за разом заряжаемой новой порцией боли.

И этим мукам не будет конца.

Он снова разразился хохотом.

Приоткрылась дверь, и в комнату заглянула Чэн Синь:

– Тяньмин, с тобой все в порядке?

Тяньмин задушил смех и застыл, словно мертвец.

– Тяньмин, от лица ООН, СОП и Агентства стратегической разведки я спрашиваю тебя, согласен ли ты как член человеческой расы возложить на себя ответственность и согласиться на это задание? Тебя никто не принуждает. Если не хочешь, откажись.

Он глядел на лицо Чэн Синь, торжественное и одновременно исполненное энтузиазма. Она сражается за человечество, за Землю... Но что это?! Что происходит вокруг? Свет заходящего солнца, льющийя сквозь окно, растекся по стене лужей крови... Ветви одинокого дуба за окном превратились в тощие руки, поднимающиеся из могилы...

Намек на улыбку – вымученную, бесконечно печальную улыбку – изогнул кончики рта Тяньмина. Понемногу улыбка расплзлась по всему лицу.

– Разумеется, я согласен, – ответил он.

Эра Кризиса, годы 5–7-й

Программа «Лестница»

Погиб Михаил Вадимов. Он ехал по мосту Александра Гамильтона через реку Гарлем по шоссе I-95. Его машина проломилла ограждение и упала в воду. Достать ее удалось только спустя сутки. Вскрытие показало, что Вадимов страдал лейкемией; авария произошла из-за кровоизлияния в сетчатку.

Чэн Синь искренне оплакивала Вадимова – он заботился о ней, словно старший брат, и помогал привыкнуть к жизни в чужой стране. Больше всего ей не хватало его великодушия. Несмотря на то, что Чэн Синь привлекала внимание своим интеллектом и во многом затмевала Вадимова (считаясь при этом всего лишь его помощником), он никогда ей не завидовал, а наоборот, поощрял демонстрировать свои таланты более открыто и для более широких кругов публики.

Гибель Вадимова разделила АСР на два лагеря. Большинство технических сотрудников, таких как Чэн Синь, сожалели о смерти своего руководителя. Но разведчики-профессионалы прежде всего сокрушались, что тело Вадимова не успели своевременно извлечь и его мозг пропал без пользы.

Постепенно у Чэн Синь зародились подозрения. Больно уж много совпадений в этой истории. Сперва ее даже передернуло от такой мысли – слишком страшно и слишком подло все выглядело.

Она проконсультировалась у специалистов и узнала, что лейкемию можно вызвать искусственно. Для этого достаточно поместить источник радиации недалеко от жертвы. Но подобрать дозу облучения не так-то просто: при слишком низкой человек не успеет заболеть в нужное время, при передозировке – умрет от лучевой болезни, а мозг получит необратимые повреждения. Вадимов, судя по стадии заболевания, страдал лейкемией уже давно – следовательно, заговор против него должен был начаться приблизительно в то же время, когда СОП настаивал на принятии законов об эвтаназии по всему миру. Если Вадимова и в самом деле убили, то это сделал очень опытный киллер.

Чэн Синь тайком проверила кабинет Вадимова и его квартиру счетчиком Гейгера, но ничего подозрительного не обнаружила. Под подушкой она нашла семейную фотографию – жена Вадимова, балерина, на одиннадцать лет моложе мужа, и его дочка... Чэн Синь утерла слезы с глаз.

Как-то Вадимов обмолвился, что из суеверия не держит фотографии семьи на столе или тумбочке. Ему казалось, что это навлечет на родных беду. Он прятал снимки и доставал, только когда хотел на них посмотреть.

Каждый раз, думая о Вадимове, Чэн Синь вспоминала Юнь Тяньмина. Тот жил вместе с шестью другими кандидатами на секретной базе недалеко от штаб-квартиры АСР. Там они проходили тестирование, по результатам которого из всей группы выберут одного.

После недавней встречи с Тяньмином в Китае на сердце у Чэн Синь становилось тяжелее и тяжелее, а потом и вовсе навалилась депрессия. Она вспомнила их самую первую встречу. В колледже начался первый семестр, студенты по очереди вставали и представлялись. Тяньмин сидел один, в углу. Чэн Синь сразу же поняла, насколько он уязвим и одинок. Ей и раньше попадались подобные одинокие и всеми забытые парни, но никто из них не вызывал в ней такого чувства, как этот: ей казалось, будто она видит все тайны в глубине его души.

Чэн Синь нравились уверенные в себе, оптимистично настроенные ребята. От них словно исходил теплый солнечный свет, которым они согревали себя и своих девушек. Тяньмин был полной их противоположностью, но ей хотелось заботиться о нем. Когда они беседовали, Чэн Синь вела себя осторожно, опасаясь случайно причинить ему боль. Ни с кем другим она не была так деликатна.

Когда ее подруга приехала в Нью-Йорк и речь зашла о Тяньмине, случилось неожиданное: несмотря на то, что Чэн Синь задвинула его образ в далекий уголок своей памяти, как только она вспомнила о Тяньмине, он отчетливо предстал перед ее глазами.

Однажды ночью Чэн Синь приснился очередной кошмар. Она опять летела над своей звездой, но розовые океаны водорослей почернели. Потом звезда провалилась внутрь себя и стала черной дырой. Вокруг нее кружил крохотный огонек,

навсегда попавший в плен гравитации. Это был замороженный мозг.

Чэн Синь проснулась и увидела на занавесках свет фонарей Нью-Йорка. Она поняла, что натворила.

С одной стороны, Чэн Синь всего лишь передала Тяньмину предложение АСР участвовать в программе. Он мог и отказаться. Чэн Синь рекомендовала его потому, что хотела защитить Землю и все человечество, а его дни и так сочтены. Появись она в госпитале секундой позже, Тяньмин был бы уже мертв. Она, можно сказать, спасла его!

Чэн Синь не совершила ничего постыдного, ничего такого, о чем стоило бы сожалеть.

Но она понимала, что именно так продают мать в бордель.

Чэн Синь задумалась о гибернации. Технологию усовершенствовали до того, что некоторые пациенты – в основном неизлечимо больные, надеющиеся на исцеление в будущем, – уже легли в долгосрочный «холодный сон». Тяньмин мог воспользоваться таким шансом. Вряд ли он владел достаточной суммой, учитывая его невысокий социальный статус, но Чэн Синь помогла бы. А вместо этого она отняла у него последний шанс.

На следующий день Чэн Синь пошла к Уэйду.

Как обычно, тот сидел за столом и разглядывал свою дымящуюся сигару. Она редко заставляла его занятым обычными делами администратора: говорящим по телефону, читающим документы, ходящим на заседания... Она даже не по-

нимала, когда Уэйд всем этим занимается – если занимается вообще. Он всегда сидел за столом и размышлял. Напряженно размышлял.

Чэн Синь объяснила, что, по ее мнению, кандидат № 5 не годится. Она хочет отозвать свою рекомендацию и просит впредь не рассматривать этого человека.

– Почему? По результатам тестирования он самый подходящий.

Слова Уэйда ошеломили Чэн Синь. У нее упало сердце. В одном из предварительных испытаний кандидата подвергали анестезии: он не чувствовал тела, но оставался в сознании. Предполагалось, что лишенный тела мозг будет испытывать подобные ощущения. Затем психологи оценивали, как хорошо кандидат приспособится к жизни среди инопланетян. Разумеется, разработчики теста не знали, какими окажутся условия на трисолярианском корабле, и придумывали их сами. Это было весьма суровое испытание.

– Но он даже не учился в магистратуре! – возразила Чэн Синь.

– У тебя, конечно, дипломов побольше, – заметил Уэйд. – Но если бы мы отправили твой мозг, то, вне всякого сомнения, он оказался бы одним из худших.

– Он же отшельник! Другого такого нелюдима я в жизни не встречала. Он не сможет приспособиться!

– В этом и заключается главное достоинство кандидата № 5! Ты говоришь о человеческом обществе. Те, кто чув-

ствуует себя среди людей как рыба в воде, зависят от общества. Оторви такого от человечества, помести в чуждое окружение, и он свихнется. Отличный пример – ты сама.

Чэн Синь была вынуждена признать, что Уэйд прав. Она, скорее всего, заработала бы нервный срыв уже при тестировании.

Она точно знала, что не сможет уговорить шефа АСР отказаться от кандидата для «Лестницы». Но Чэн Синь и не думала отступать. Она собралась с духом. Она скажет все, что требуется для спасения Тяньмина.

– За всю жизнь он ни к чему не стремился. У него нет чувства ответственности перед человечеством, он не знает, что такое любовь! – произнесла Чэн Синь и тотчас же усомнилась в своих словах.

– Кое-что на Земле он все-таки ценит.

Уэйд не отрывал взгляда от сигары, но Чэн Синь чувствовала, что его внимание понемногу переходит на нее, неся в себе жар огня. К ее облегчению, Уэйд заговорил о другом.

– У кандидата № 5 есть еще одно достоинство – его изобретательность. Вполне компенсирует недостаток знаний. Ты знала, что один из твоих сокурсников воспользовался его идеей и стал миллиардером?

Чэн Синь и в самом деле читала об этом в досье Тяньмина – значит, с одним настоящим богачом она все-таки знакома. Но она ни секунды не верила, что звезду ей подарил Ху Вэнь. Это просто смешно! Если бы она ему нравилась, он купил

бы ей дорогой автомобиль или бриллиантовое ожерелье, а не звезду.

— А я-то волновался, что никто из кандидатов даже близко не годится. Уж и не знал, что делать. Но ты убедила меня в достоинствах кандидата № 5. Благодарю!

Уэйд наконец поднял глаза на Чэн Синь. На его лице расцвела холодная хищная улыбка. Как всегда, он наслаждался ее отчаянием и болью.

* * *

Тем не менее Чэн Синь не теряла надежды.

Она пришла на церемонию Присяги на верность человечеству, организованную для кандидатов программы «Лестница». В Договор о космосе после Кризиса внесли несколько поправок. В одной из них говорилось, что любой человек, покидающий Солнечную систему для ведения бизнеса, или с целью эмиграции, или для научных исследований, или по любой другой причине и воспользовавшийся для своего путешествия общепланетными ресурсами, обязан поклясться в верности человеческой расе. Тогда думали, что эта поправка не пригодится еще много лет.

Церемонию назначили в зале Генеральной ассамблеи ООН. В отличие от сессии, на которой провозгласили начало проекта «Отвернувшиеся», посторонних в зал не пустили. Кроме семерых кандидатов, присутствовали только Ге-

неральный секретарь Сэй, действующий председатель СОП и небольшая группа наблюдателей, в их числе Чэн Синь и другие сотрудники АСР; они сидели в первых двух рядах.

Церемония не заняла много времени. Кандидаты по очереди возлагали руку на флаг ООН, который держала Сэй, и произносили слова присяги: «навсегда оставаться верными человеческой расе, никогда не совершать действий, которые могут причинить вред человечеству».

Перед Тяньмином стояли четверо: два американца, один русский и один англичанин. Замыкали очередь американка и китаец. Кандидаты выглядели плохо, двое сидели в инвалидных креслах. Но все горели энтузиазмом. Так старые масляные лампы ярко вспыхивают в последний раз, прежде чем угаснуть навсегда.

Чэн Синь смотрела на Тяньмина. С их последней встречи он исхудал и побледнел, но оставался совершенно спокойным. Он не глядел в ее сторону.

Присяга первых четырех кандидатов прошла как по маслу. Один из американцев, пятидесятилетний физик, страдавший раком поджелудочной железы, встал с инвалидного кресла и самостоятельно проковылял на сцену. Голоса кандидатов, слабые, но полные искренней преданности, отзывались эхом в пустом зале. Единственную заминку вызвала просьба англичанина поклясться на Библии. Просьбу удовлетворили.

Пришел черед Тяньмина. Чэн Синь не верила в Бога, но

в эту секунду ей больше всего хотелось схватить Библию и начать молиться: «Тяньмин, пожалуйста, принеси присягу! Я знаю, что на тебя можно положиться. Ты будешь верен расе людей. Говорил же Уэйд, что на Земле есть что-то такое, с чем тебе тяжело расстаться...»

Девушка пристально следила, как Тяньмин поднимается на сцену и подходит к Генеральному секретарю. В этот момент Чэн Синь зажмурилась.

Она не услышала от Тяньмина слов присяги.

Тяньмин взял голубой флаг ООН из рук Сэй и возложил его на стоящую рядом трибуну.

– Я не стану принимать присягу. В этом мире я чужак. Мне не довелось ощутить здесь ни радости, ни счастья. Меня никто не любил. Конечно, я и сам в этом виноват...

Тяньмин говорил спокойно, будто вспоминая свою жизнь. Чэн Синь, сидящую в партере, охватила дрожь. Ей казалось, что настал Судный день.

– ...но я не приму присягу. Я не обещаю оставаться верным человечеству.

– Зачем же вы тогда согласились на участие в программе «Лестница»? – негромко спросила Сэй и мягко взглянула на Тяньмина.

– Я хочу увидеть другой мир. Насчет верности человеческой расе – это зависит от того, с какой цивилизацией я встречу на корабле Трисоляриса.

Сэй кивнула:

– Присягу принимают добровольно. Вы свободны. Следующий, пожалуйста.

Чэн Синь трясло, словно она провалилась в ледяной погреб. Она прикусила губу и заставила себя не разрыдаться.

Тяньмин прошел последнее испытание.

Уэйд сидел в первом ряду. Он обернулся и посмотрел на Чэн Синь. Чем больше она страдала, тем бо́льшую радость испытывал ее босс. Казалось, его глаза говорят:

«Теперь ты видишь, как он хорош!»

«Но... что, если он говорит правду?»

«Если даже *мы* ему поверили, враг поверит наверняка».

Уэйд повернулся к сцене, но потом, словно вспомнив что-то важное, снова бросил взгляд на Чэн Синь:

«До чего же увлекательная игра, не так ли?»

Неожиданный отказ Тяньмина изменил настроение в зале. Последний кандидат, сорокатрехлетняя женщина, инженер НАСА по имени Джойнер, страдавшая ВИЧ, тоже отказалась от присяги. Она пояснила, что не хотела приходить, но пришла, иначе родственники прокляли бы ее и оставили бы умирать в одиночестве. Никто не знал, говорит ли она правду или ее вдохновил пример Тяньмина.

Ночью состояние Джойнер резко ухудшилось. Инфекция перешла в воспаление легких, у нее остановилось дыхание, и на рассвете она умерла. Медперсонал не смог вовремя извлечь мозг для замораживания.

Выполнение миссии было возложено на Тяньмина.

И наконец момент настал. Чэн Синь сообщили, что состояние Тяньмина резко ухудшилось. Требуется немедленно извлечь мозг. Процедуру проведут в Вестчестерском медицинском центре.

Чэн Синь замялась перед зданием госпиталя. Она и внутрь войти боялась, и уйти не могла; оставалось стоять и мучиться. Уэйд, приехавший вместе с ней, направился ко входу. У дверей он оглянулся и насладился ее болью. Удовлетворенный увиденным, он нанес последний удар:

– Ах да, у меня для тебя еще один сюрприз. Это ведь он подарил тебе звезду!

Чэн Синь окаменела. Теперь все встало на свои места. До сих пор она видела лишь тени, и только сейчас явились истинные краски жизни. Ее захлестнула волна эмоций, и она пошатнулась, словно кто-то выбил почву у нее из-под ног.

Она ворвалась в госпиталь и бежала по длинным, извивающимся коридорам, пока перед дверьми отделения нейрохирургии ее не перехватили два охранника. Чэн Синь пыталась высвободиться, но они держали крепко. Она выудила удостоверение, махнула им перед парнями и побежала дальше, к операционной. Толпа снаружи в удивлении расступилась. Чэн Синь влетела в двери, над которыми горел красный огонек.

Она опоздала.

К ней обернулись несколько мужчин и женщин в белых халатах. Тело уже вывезли из операционной. На столе в середине комнаты стоял цилиндрический контейнер из нержавеющей стали, высотой около метра. Его только что закупили; белый туман, в который превратились остатки жидкого гелия, еще не успел развеяться. Туман неспешно струился по стенкам цилиндра, лился по столу и срывался с края миниатюрным водопадом. Собравшаяся на полу лужица постепенно таяла. Окутанный морозным паром контейнер выглядел порождением инопланетного разума.

Чэн Синь бросилась к столу. Туман залюбился от движения, и она почувствовала, как ее охватил холод, который тут же рассеялся. Она нашла то, что так долго искала, коснувшись на мгновение – и тут же потеряла навсегда в безбрежности космоса и бесконечности времени.

Опустошенная, Чэн Синь расплакалась перед контейнером. Ее грусть растеклась по операционной, переполнила здание госпиталя и затопила весь Нью-Йорк. Над ней собралось целое озеро печали, а потом оно разрослось до океана. Чэн Синь чувствовала, что тонет.

Неизвестно, сколько прошло времени. Затем она ощутила на плече чью-то руку. Быть может, эта рука лежит здесь уже давно; быть может, кто-то уже давно с ней разговаривает...

– Не отчаивайся, – ласково и неспешно произнес пожилой человек, – надежда есть.

Чэн Синь задыхалась, содрогаясь от рыданий. Но следующие слова привлекли ее внимание:

– Подумай сама! Если они смогут оживить этот мозг, какая оболочка будет для него идеальной?

Голос не разменивался на бесполезные утешения, он говорил о конкретных вещах.

Чэн Синь подняла голову и сквозь стоящие в глазах слезы рассмотрела пожилого седого мужчину. Это был лучший нейрохирург мира, профессор Гарвардской школы медицины. Именно он руководил операцией.

– Такой оболочкой окажется тело, в котором мозг находился изначально! В любой клетке мозга содержится вся генетическая информация, необходимая для воссоздания целого организма. Они наверняка клонируют тело и пересадят мозг. Тогда Тяньмин вернется к полноценной жизни.

Чэн Синь неотрывно глядела на стальной цилиндр. По ее лицу текли слезы, но она не стыдилась их. Затем девушка опомнилась и ошеломила присутствующих:

– А что он там будет есть?

Она выбежала из комнаты так же стремительно, как и вбежала.

* * *

На следующий день Чэн Синь, бледная как смерть, вошла в кабинет Уэйда и передала ему небольшой конверт:

– Эти семена необходимо положить в капсулу зонда.

Уэйд открыл конверт и вытряхнул на стол дюжину маленьких пакетиков. Он с интересом перебирал их:

– Пшеница, кукуруза, картофель... а это... овощи, если не ошибаюсь? А вот это красный перец?

– Он его очень любит, – кивнула Чэн Синь.

Уэйд собрал пакетики обратно в конверт и оттолкнул от себя:

– Нет.

– Почему? Они же весят всего восемнадцать грамм!

– Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы избавиться даже от одной десятой грамма лишней массы.

– Ну так сделайте вид, что его мозг весит на восемнадцать грамм больше!

– Но он ведь не весит больше, разве нет? Из-за этих граммов капсула полетит медленнее и встретит флот Трисоляри-са на много лет позже. – На лице Уэйда вновь появилась холодная усмешка. – И вообще, он же теперь только мозг – у него нет ни рта, ни желудка. Зачем ему еда? Не верь басням о клонировании. Трисоляриане просто сунут его в приличный инкубатор, чтобы он не умер.

Чэн Синь захотелось вырвать сигару из руки Уэйда и за-тушить об его физиономию. Но она сдержалась.

– Тогда я пойду к вашему начальству.

– И ничего не добьешься. Тогда что?

– Я уволюсь!

– Не отпускай. Ты все еще нужна агентству.

Чэн Синь горько рассмеялась:

– Вы не можете меня остановить. Вы мне даже не начальник!

– Ты ничего не сделаешь без моего позволения.

Чэн Синь развернулась и направилась к двери.

– «Лестнице» требуется послать в будущее кого-нибудь, знакомого с Тяньмином.

Чэн Синь остановилась.

– Однако этот человек должен работать на АСР и находиться под моим руководством. Тебя это интересует? Или все же подашь заявление об уходе?

Чэн Синь снова зашагала к двери, но на этот раз не так решительно. Наконец, она опять остановилась. Голос Уэйда зазвучал снова:

– Подумай хорошенько!

– Я согласна отправиться в будущее, – проговорила Чэн Синь, опираясь на дверной косяк. Она так и не обернулась.

* * *

Чэн Синь довелось увидеть зонд «Лестницы» лишь однажды, когда на орбите раскрылся его парус. Гигантское полотнище площадью двадцать пять квадратных километров ненадолго засияло под лучами солнца. Тогда Чэн Синь находилась в Шанхае. На угольно-черном небе возникла крас-

но-оранжевая точка и понемногу начала тускнеть. Через пять минут она полностью исчезла, будто возникший из ниоткуда глаз, бросивший взгляд на Землю и лениво опустивший веко. Вывод зонда за пределы Солнечной системы не был доступен для наблюдения невооруженным глазом.

Чэн Синь утешало, что вместе с Тяньмином в капсуле летели семена — хоть и не те, что принесла она, а другие, тщательно отобранные отделом космического растениеводства.

Огромный парус весил 9,3 килограмма. От него к капсуле тянулись четыре троса длиной по пятьсот километров. Капсулу диаметром всего лишь сорок пять сантиметров покрывал слой термоизоляции; она весила 850 грамм. Когда разгон завершится, масса капсулы снизится до 510 грамм.

Трасса разгона протянулась от Земли до орбиты Юпитера. Вдоль нее разместили 1004 бомбы; две трети из них ядерные, остальные термоядерные. Они висели в пространстве, будто мины, подрываемые пролетающим мимо зондом. Вместе с бомбами в космос вывели многочисленные датчики, чтобы следить за скоростью и курсом зонда и корректировать местонахождение оставшихся зарядов. Взрывающиеся одна за другой, словно удары пульса, бомбы залили космос ослепительным светом, и в радиационном урагане «перышко» несло все быстрее и быстрее. Вблизи орбиты Юпитера после детонации заряда № 997 датчики доложили, что зонд достиг скорости в один процент от световой.

Тогда-то и произошла авария. По анализу спектра излу-

чения, отражаемого парусом, определили, что парус начал сворачиваться – по всей видимости, оборвался один из тросов. Но скорректировать взрыв бомбы № 998 не успели, и зонд отклонился от курса. Парус продолжал сворачиваться и вскоре исчез с экранов радиолокаторов. Без точных сведений о курсе зонда обнаружить его не удастся уже никогда.

Шло время, зонд все дальше и дальше отклонялся от запланированной траектории. Его шансы на встречу с флотом Трисоляриса падали. По ориентировочным оценкам, через шесть тысяч лет зонд пройдет мимо другой звезды, а через пять миллионов лет покинет пределы Млечного Пути.

По крайней мере наполовину свою задачу программа «Лестница» выполнила. Впервые в истории человечества рукотворный объект разогнали до почти релятивистской скорости.

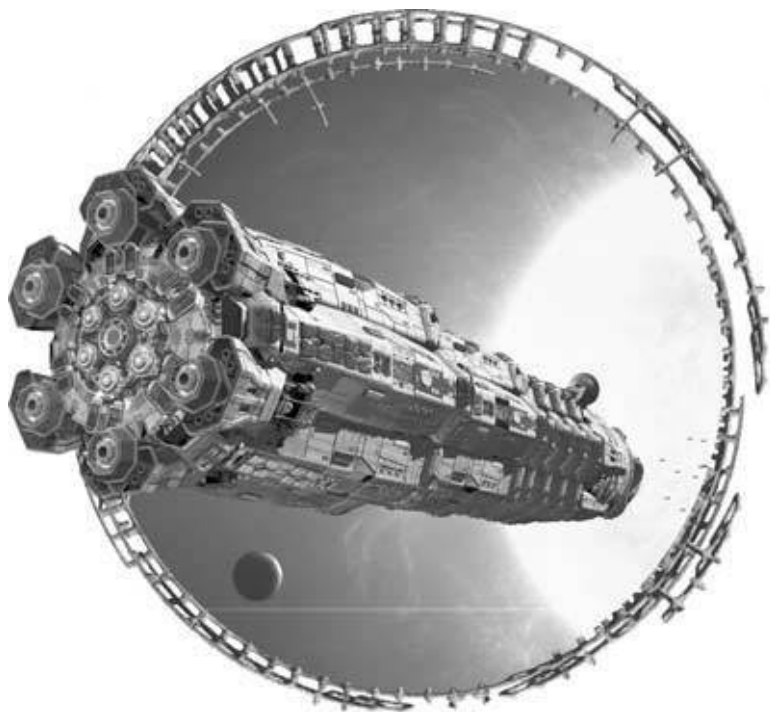
Реальная необходимость в отправке Чэн Синь в будущее отпала, но АСР тем не менее попросило ее лечь в гибернацию. Теперь ей дали другое задание: стать представителем программы «Лестница» в мире будущего. Если по прошествии двух веков проект сочтут полезным для развития космических технологий, то кому-то, хорошо знакомому с «Лестницей», необходимо присутствовать в той эпохе, чтобы оживить мертвые цифры и перевести язык мертвых документов. Не исключено, конечно, что подлинной причиной стало тщеславие – люди хотели, чтобы о «Лестнице» не забыли в будущем. Авторы других крупномасштабных проек-

тов тех времен поступали таким же образом.

Если будущее решит судить наши действия, то, по крайней мере, мы можем отправить человека, который поможет преодолеть накопившееся за века непонимание.

Когда сознание Чэн Синь начало гаснуть в объятиях холода, она уцепилась за лучик утешения: как и Тяньмину, ей суждено столетиями падать в бесконечную пропасть.

Часть II

Эра Устрашения, год 12-й «Бронзовый век»

«Бронзовый век» приблизился к Земле и начал снижать скорость. Не занятые на вахте члены экипажа отправлялись на корму и сквозь широкие иллюминаторы разглядывали уже видимую невооруженным глазом планету.

На этом расстоянии Земля по-прежнему казалась лишь звездочкой, но в ее сиянии уже проглядывала синева. На заключительном этапе торможения включили главный двигатель; плававшие в невесомости люди стали медленно, словно осенние листья, дрейфовать в сторону иллюминаторов, пока не уперлись в стекло. Искусственная гравитация, порожденная торможением, нарастала и наконец достигла 1g. Стена с иллюминаторами превратилась в пол, и распластавшиеся на ней люди приняли тяжесть веса как объятия ждущей впереди матери-Земли. Зазвучали радостные голоса:

- Мы дома!
- Даже не верится!
- Я увижу своих детей!
- Мы сможем завести детей!

Законы ушедшего из Солнечной системы «Бронзового века» позволяли родить ребенка только в случае чьей-то смерти.

- Она сказала, что будет меня ждать!

- А зачем она тебе? Ты теперь герой человечества, за тобой будут гоняться стаи прекрасных девушек!
- Стаи? Ох, я столько лет не видел птичьих стай!
- Вам не кажется, что все, случившееся с нами, просто сон?
- Мне все это снится прямо сейчас!
- От этого космоса у меня душа уходит в пятки!
- И у меня. Как только приземлимся, сразу уволюсь. Куплю ферму и до конца дней пяток от земли не оторву.

* * *

Со дня уничтожения объединенного флота Земли прошло четырнадцать лет. Те, кто выжил в том бою и в последующих битвах Тьмы, оборвали связь с родной планетой. «Бронзовый век», однако, еще полтора года принимал радиосигналы с Земли, в основном от наземных систем связи, но попадались и передачи для абонентов в космосе.

А затем, в начале ноября 208 года эры Кризиса, радиопередачи прекратились. На всех частотах воцарилась тишина, словно Землю, как лампочку, внезапно погасили.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Никтохилофобия¹⁸

Как только человечество узнало, что Вселенная – это темный лес, по которому крадутся безжалостные убийцы, беззаботное дитя, когда-то разжегшее яркий костер и кричавшее «Я здесь!», потушило огонь и притаилось, дрожа, в потемках. Его ужасала любая искорка.

В первые дни запретили даже мобильные телефоны; по всей планете принудительно отключали антенны. Раньше такое вызвало бы уличные беспорядки, теперь же встретило широкую поддержку населения.

Постепенно к людям вернулся здравый смысл, и мобильная связь была восстановлена. Однако по новым, более строгим законам все радиоканалы были обязаны работать на минимальной мощности передатчика. Нарушители рисковали попасть под суд за преступление против человечества.

Большинство людей отчетливо понимали, что эти меры чрезмерны и бесполезны. Излучение радиосигналов в космос достигло максимума в эру аналоговых технологий и мощнейших передатчиков теле- и радиовещания. Когда

¹⁸ Никтохилофобия – боязнь «темного леса». – *Прим. перев.*

же превалирующими стали цифровые технологии, основные потоки информации потекли по электрическим и оптическим кабелям. Цифровая радиосвязь требовала значительно меньшей мощности сигнала, чем аналоговая. Планета почти ничего не излучала в космос. До Кризиса некоторые ученые даже опасались, что дружественные инопланетяне не смогут обнаружить Землю.

Более того, электромагнитное излучение – один из самых неэффективных методов связи во Вселенной. На космических расстояниях радиоволны быстро рассеиваются и ослабевают. Большинство земных радиосигналов можно обнаружить только на расстоянии до двух световых лет. Наблюдатели в других звездных системах услышат лишь сообщения наподобие передачи Е Вэньцзе, когда антенной послужило Солнце.

С развитием науки и техники человечество узнало о двух намного более эффективных методах связи: с помощью нейтрино и гравитационных волн. Грависвязь легла в основу системы устрашения, развернутой человечеством против Трисоляриса.

Теория «темного леса» значительно изменила человеческую цивилизацию. Некогда полный оптимизма ребенок, а теперь отгородившийся от Вселенной одиночка сидел у погашенного костра и вздрагивал от любого шороха.

Эра Устрашения, год 12-й «Бронзовый век»

Большинство членов экипажа «Бронзового века» расценило прекращение радиосигналов с Земли как признак полного захвата Солнечной системы Трисолярисом. «Бронзовый век» включил двигатели и направился к звезде с планетами земного типа, находившейся на удалении в двадцать шесть световых лет.

Но через десять дней радиоприемники корабля получили сообщение из штаба флота. Его послали одновременно «Бронзовому веку» и «Синему космосу», который находился на другой стороне Солнечной системы. Радиограмма в немногих словах объясняла, что случилось на Земле, и извещала о создании системы устрашения для защиты от нападения Трисоляриса. Обоим кораблям предписывалось немедленно вернуться на Землю. Поскольку Земля сильно рискует, посылая это сообщение, повторять его не будут.

Поначалу на «Бронзовом веке» не поверили радиограмме: что, если это западня, расставленная захватчиками? Корабль прекратил разгон и запросил подтверждения с Земли. Но ответ так и не пришел – планета хранила радиомолчание.

«Бронзовый век» уже готовился вновь лечь на курс прочь от Солнечной системы, когда случилось невероятное: на корабле возник софон, развернулся в нижних измерениях и

предоставил экипажу квантовый канал связи с Землей. Наконец люди получили подтверждение происшедшему.

Команда корабля узнала, что их, последних выживших в катастрофе объединенного флота, провозгласили героями человечества. Весь мир затаив дыхание дожидается возвращения экипажей. Командование наградило их орденами и медалями.

«Бронзовый век» направился к Земле. В этот момент он находился в открытом космосе, на расстоянии 2300 а. е. от Земли, далеко за пределами пояса Койпера, но еще не в облаке Оорта. Поскольку корабль летел почти на предельной скорости, после разворота термоядерного топлива почти не осталось. Возвращаться пришлось на малой тяге, и на это ушло одиннадцать лет.

Когда «Бронзовый век» приблизился к Земле, перед ним возникла и стала быстро расти маленькая белая точка. Это была «Гравитация», высланный навстречу военный корабль, которому поручили приветствовать «Бронзовый век».

«Гравитация» стала первым кораблем звездного класса, построенным после битвы Судного дня. В эру Устрашения космические корабли больше не собирали по жестким типовым схемам. Вместо этого крупные корабли состояли из многочисленных модулей, образывавших различные конфигурации. «Гравитация» была исключением. При виде ее белого цилиндрического корпуса казалось, что это безупречная фигура, созданная компьютерной программой, что это

не материальный объект, а платонов философский идеал.

Если бы экипаж «Бронзового века» видел на Земле гравитационные антенны, он бы сразу узнал в «Гравитации» одну из них. Действительно, корпус корабля представлял собой одну большую антенну гравитационно-волновой связи. Так же как и наземные антенны, корабль мог в любую минуту передать сообщение в самые отдаленные уголки Вселенной. Антенны грависвязи как наземного, так и космического базирования были составной частью системы устрашения Трисоляриса.

Через день неспешного полета «Бронзовый век» под эскортом «Гравитации» занял позицию на геостационарной орбите и медленно подошел к причалу орбитального космопорта. Члены экипажа увидели, что все свободное пространство жилого сегмента заполнено толпами людей, как при открытии Олимпийских игр или во время хаджа в Мекке. Боевой корабль проплыл сквозь море разноцветных букетов. Экипаж припал к иллюминаторам, высматривая родных. Раздавались крики радости, многие прослезились.

С легким толчком «Бронзовый век» замер у причала. Капитан доложил командованию флота о прибытии и сообщил, что намеревается оставить на корабле минимальную команду. Начальство ответило, что сейчас самое главное – воссоединить семьи и никого оставлять на борту не требуется. На «Бронзовый век» поднялся полковник с небольшой группой военнослужащих. Со слезами на глазах все обнялись.

К какому из трех флотов относятся гости, определить по знакам различия не удалось. Но они объяснили, что у Солнечной системы теперь единый флот и что участники битвы Судного дня, включая всех на борту «Бронзового века», получат в нем ответственные должности.

– Наше поколение завоюет Трисолярис, и он станет второй звездной системой, в которой поселится человек! – заявил полковник.

Кто-то признался, что страшится космоса и предпочел бы остаться на Земле. Полковник заверил, что с этим проблем не будет и что герои космоса могут сами решать, чем им заниматься. Но после небольшого отдыха они могут передумать. Лично ему хотелось бы снова увидеть этот прославленный корабль на поле боя.

Экипаж «Бронзового века» начал покидать корабль. Пройдя по длинному коридору, они вышли в жилую зону. Перед ними расстилалось открытое пространство. Воздух здесь казался чистым и свежим, будто после дождя, – даже не сравнить с атмосферой корабля. На заднем плане вращался голубой шар Земли. Над площадью понеслись радостные крики встречающих.

По просьбе полковника капитан «Бронзового века» провел перекличку. После этого полковник настоял, чтобы перекличку произвели повторно – он хотел убедиться, что все члены экипажа сошли с корабля и стоят на площади.

Затем воцарилась тишина.

Окружающие их радостные толпы продолжали танцевать и размахивать руками, вот только... от них не доносилось ни звука. Экипаж «Бронзового века» слышал только голос полковника. Его лицо продолжало приветливо улыбаться, но голос в зловещей тишине резал, как острый нож.

– Настоящим сообщается, что вы уволены без вознаграждения за выслугу лет. Но то пятно, которым вы замарали флот, никогда не стереть! Вы никогда не увидите своих родных – они не желают вас видеть. Вас стыдятся родители; ваши мужья и жены давно развелись с вами. Мы не виним ваших детей, но они больше десяти лет жили под тенью вашего бесчестия. Они ненавидят вас! А теперь предаю вас в руки правосудия Конгресса Флотов.

Полковник и его люди ушли. В тот же миг радостные толпы встречающих замерцали и сменились темнотой. В лучах немногих прожекторов проявились вооруженные до зубов военные полицейские, взявшие в кольцо команду «Бронзового века». Полицейские стояли на платформах вокруг площади и целились в членов экипажа.

Кое-кто из прибывших обернулся и увидел, что плавающие вокруг «Бронзового века» букеты не голографические фантомы, а настоящие цветы. Но теперь казалось, что военный корабль стал гробом, который вот-вот опустят в могилу.

Отключилось питание электромагнитных ботинок экипажа, и люди всплыли над полом, словно беспомощные мишени на стрельбище.

Откуда-то зазвучал бесчувственный голос:

– Всем вооруженным членам экипажа немедленно сдать оружие. Если вы не подчинитесь, мы не гарантируем вашей безопасности. Вы взяты под арест за предумышленное убийство и преступления против человечества.

Эра Устрашения, год 13-й

Суд

Дело «Бронзового века» разбирали в военном суде Флота Солнечной системы. Конгресс Флотов базировался большей частью между орбитами Марса и Юпитера, но в связи с напряженным интересом со стороны Земного Конгресса суд назначили на базе флота, расположенной на геосинхронной орбите.

Для удобства многочисленных наблюдателей с Земли базе придали вращение, создавая искусственную гравитацию. В широких иллюминаторах зала суда поочередно появлялись то голубая Земля, то яркое Солнце, то серебристые звезды, словно сам космос предлагал различные точки зрения,водя хороводы света и тени в зале суда. Судебный процесс шел целый месяц. Вот несколько выдержек из протоколов заседаний.

Нил Скотт, пол мужской, возраст 45 лет, капитан первого ранга, командир корабля «Бронзовый век»

СУДЬЯ: Давайте вернемся к событиям, результатом которых стало решение атаковать «Квант».

СКОТТ: Я хочу повторить: решение об атаке принял я, и я же отдал приказ. Я не обсуждал его заранее ни с кем из офицеров «Бронзового века».

СУДЬЯ: Вы продолжаете брать всю ответственность на себя. Однако это не самая лучшая стратегия – ни для вас, ни для тех, кого вы покрываете.

ОБВИНЕНИЕ: У нас есть доказательства, что перед атакой проводилось голосование всего экипажа.

СКОТТ: Как я уже объяснял, из одной тысячи семисот семидесяти пяти членов экипажа только пятьдесят девять выступили за атаку. Голосование никак не повлияло на мое решение.

СУДЬЯ: Вы можете назвать эти пятьдесят девять имен?

СКОТТ: Голосовали тайно, через компьютерную сеть корабля. Просмотрите бортовой журнал и убедитесь в этом сами.

ОБВИНЕНИЕ: Вы опять лжете. У нас имеются доказательства, что голосование не было тайным. Более того, его результаты не соответствуют вашим словам. Вы внесли изменения в корабельный журнал.

СУДЬЯ: Мы хотим, чтобы вы предоставили подлинные результаты голосования.

СКОТТ: Того, что вы требуете, у меня нет. Я сказал правду.

СУДЬЯ: Мистер Скотт, позвольте вам напомнить: если вы продолжите записывать, то причините вред невиновным членам вашего экипажа. Кто-то голосовал против атаки, но без доказательств, которые можете предоставить лишь вы, мы не сможем их оправдать. Нам придется признать винов-

ными всех офицеров, средний командный состав и рядовых «Бронзового века», как мужчин, так и женщин.

СКОТТ: О чем вы говорите? Вы настоящий судья? Это настоящий суд? Вы хоть слышали о презумпции невиновности?

СУДЬЯ: Презумпция невиновности не применима к преступлению против человечества. Так говорит закон, принятый в самом начале эры Кризиса. Предатели не должны уйти от наказания.

СКОТТ: Но мы не предатели человечества! Где были вы, когда мы сражались за Землю?

ОБВИНЕНИЕ: Вы несомненно предатели! Сгинувшее два века назад ОЗТ всего лишь предало интересы человечества. А вы предали основополагающие нормы морали – и это намного более тяжкое преступление.

СКОТТ: (молчит)

СУДЬЯ: Я хочу, чтобы вы поняли, к чему приведут ваши попытки сокрытия фактов. В начале процесса вы зачитали заявление от лица всех подсудимых. В нем вы выразили сожаление о гибели тысячи восьмисот сорока семи человек на борту «Кванта». Пора подкрепить слова покаяния делами.

СКОТТ: (после продолжительной паузы) Хорошо. Я предоставляю подлинные результаты. Протокол голосования скрыт в зашифрованной записи в бортовом журнале «Бронзового века».

ОБВИНЕНИЕ: Мы немедленно займемся извлечением

этих данных. Вы можете приблизительно сказать, сколько проголосовало за нападение на «Квант»?

СКОТТ: Одна тысяча шестьсот семьдесят. Девяносто четыре процента экипажа.

СУДЬЯ: Порядок! Порядок в зале суда! Я вынужден напомнить присутствующим, что во время заседания вы должны хранить молчание.

СКОТТ: Но это не имеет значения. Даже если бы меньше половины проголосовало «за», я все равно атаковал бы. Я принял решение единолично.

ОБВИНЕНИЕ: Неплохо задумано. Но «Бронзовый век» не входит в число новейших кораблей типа «Естественно-го отбора» из той, второй группы. Ваш корабль не оснащен централизованной системой управления. Вы не смогли бы произвести атаку без содействия многочисленных подчиненных.

Себастьян Шнайдер, пол мужской, возраст 31 год, капитан-лейтенант, командир группы огневой тактики и наведения оружия на борту «Бронзового века»

ОБВИНЕНИЕ: За исключением капитана вы единственный офицер с правами доступа, позволяющими вам предотвратить или прервать атаку.

ШНАЙДЕР: Так точно.

СУДЬЯ: И вы этого не сделали.

ШНАЙДЕР: Не сделал.

СУДЬЯ: О чем вы думали в тот момент?

ШНАЙДЕР: В тот момент — не в момент атаки, а тогда, когда я осознал, что «Бронзовый век» никогда не вернется домой, когда понял, что весь мой мир отныне заключен в стенах корабля, — я стал другим. Не постепенно — нет, я мгновенно преобразился с головы до пят. Как будто мне поставили «ментальную печать» из легенд.

СУДЬЯ: Вы считаете возможным, что на корабле находилось устройство для наложения ментальной печати?

ШНАЙДЕР: Нет, конечно. Я просто так выразился. Космос в какой-то мере накладывает свою собственную ментальную печать... В тот момент я утратил себя как личность. Весь смысл моего существования свелся к выживанию коллектива... Не знаю, как это лучше объяснить. Я не ожидаю, Ваша честь, что вы меня поймете. Даже если вы взойдете на борт «Бронзового века» и отлетите на двадцать тысяч астрономических единиц от Солнечной системы, а то и дальше, вы все равно не поймете.

СУДЬЯ: Почему?

ШНАЙДЕР: Потому, что вы можете вернуться! Ваша душа останется на Земле. У вас появится шанс почувствовать, сквозь что мне пришлось пройти, только когда за кормой корабля не останется ничего, кроме бездонной пропасти, когда и Солнце, и Земля, и все на свете растворится в пустоте.

Я родом из Калифорнии. В 1967 году по старому календарю один школьный учитель из моего города, его звали

Рон Джонс, устроил любопытный эксперимент... Пожалуй-ста, позвольте мне договорить. Спасибо.

Чтобы помочь ученикам понять, что такое нацизм и тоталитаризм, он решил прямо в школе создать модель тоталитарного общества. Всего лишь через пять дней его класс превратился в миниатюрное фашистское государство. Ученики добровольно отказались от индивидуальности и свобод, слились в единое общество и принялись с фанатическим упорством бороться за общие идеалы. Кончилось тем, что его эксперимент, начавшийся как безобидная игра, вышел из-под контроля. В Германии сняли фильм по мотивам эксперимента Джонса, а сам Джонс написал о нем книгу «Третья волна¹⁹». Когда экипаж «Бронзового века» понял, что нам суждено быть вечными странниками, мы тоже построили тоталитарное общество. Вы знаете, сколько нам понадобилось времени?

Пять минут.

Именно так. Мы созвали общее собрание, и через пять минут подавляющее большинство членов экипажа стали сторонниками тоталитарных идей. Затерянным в космосе нужно не более пяти минут, чтобы скатиться в тоталитаризм.

Борис Ровинский, пол мужской, возраст 36 лет, командер, первый помощник капитана «Бронзового века»

¹⁹ Эксперимент Рона Джонса не выдумка, а реальность ([https://ru.wikipedia.org/wiki/Третья_волна_\(эксперимент\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Третья_волна_(эксперимент))). – Прим. перев.

СУДЬЯ: Вы командовали первой группой десанта, высадившейся на «Кванте» после атаки?

РОВИНСКИЙ: Да.

СУДЬЯ: Вы обнаружили выживших?

РОВИНСКИЙ: Нет.

СУДЬЯ: Опишите, что вы увидели.

РОВИНСКИЙ: Персонал корабля погиб от инфразвуковых колебаний, исходивших от корпуса «Кванта» под воздействием электромагнитного импульса, созданного взрывом термоядерной бомбы. Тела хорошо сохранились и не имели внешних повреждений.

СУДЬЯ: Как вы поступили с телами?

РОВИНСКИЙ: Мы построили монумент. «Синий космос» поступил так же.

СУДЬЯ: Вы хотите сказать, что вы поместили тела внутрь монумента?

РОВИНСКИЙ: Нет. И не думаю, чтобы в построенном «Синим космосом» монументе тоже были какие-нибудь тела.

СУДЬЯ: Вы не ответили на мой вопрос. Я спросил, что вы сделали с телами.

РОВИНСКИЙ: Мы заполнили ими продуктовые морозильники «Бронзового века».

СУДЬЯ: Всеми телами?

РОВИНСКИЙ: Всеми.

СУДЬЯ: Кто отдал приказ питаться трупами?

РОВИНСКИЙ: Я... не припоминаю. Тогда это казалось совершенно естественным решением. На корабле я отвечал за снабжение и распоряжался переноской и складированием тел.

СУДЬЯ: Каким образом тела употребляли в пищу?

РОВИНСКИЙ: Самым обычным. Смешивали с овощами и мясом из замкнутой системы жизнеобеспечения, а потом варили.

СУДЬЯ: Кто ел эту пищу?

РОВИНСКИЙ: Все. На «Бронзовом веке» четыре столовых, и во всех подавали одно и то же. Другой еды не было.

СУДЬЯ: Они знали, что едят?

РОВИНСКИЙ: Разумеется.

СУДЬЯ: Как они к этому относились?

РОВИНСКИЙ: Я думаю, кому-то такая еда была не по вкусу. Но никто не возражал. Припоминаю, я однажды ел в офицерской столовой и услышал, как кто-то произнес: «Спасибо тебе, Кэрол Джойнер».

СУДЬЯ: Что он хотел этим сказать?

РОВИНСКИЙ: Кэрол Джойнер служила офицером связи на «Кванте». Этот человек ел ее мясо.

СУДЬЯ: Откуда он мог знать?

РОВИНСКИЙ: Нам всем под кожу левой руки ввели чип для идентификации, он не больше рисового зернышка. Порой чип не разрушался в котле. Я уверен, что этот человек увидел чип в своей тарелке, достал личный коммуникатор и

прочел, кому он принадлежал.

СУДЬЯ: Порядок! Порядок в зале суда! Пожалуйста, вынесите упавших в обморок. Мистер Ровинский, вы, конечно же, понимали, что нарушаете самые фундаментальные законы, которые делают нас людьми?

РОВИНСКИЙ: Мы подчинялись другой морали, вам ее не понять. В битве Страшного суда «Бронзовому веку» пришлось превысить конструктивно допустимое ускорение. Реакторы оказались перегружены, на два часа отключилась система жизнеобеспечения, многое вышло из строя. Ремонт занял продолжительное время. Системы гибернации тоже пострадали; мы смогли положить в анабиоз только пятьсот человек. Оставалась тысяча человек, которым надо что-то есть. Без дополнительного источника пищи половина экипажа умерла бы от голода.

Даже если не учитывать эти обстоятельства, перед нами лежала дорога в бесконечность. Как можно бросить в космосе так много бесценной белковой массы?

Я не пытаюсь оправдаться и не оправдываю действий кого-либо еще на «Бронзовом веке». Теперь, когда мой образ мышления вновь стал земным, мне тяжело рассказывать о происшедшем. Очень тяжело.

Заключительное слово капитана Нила Скотта

– Мне почти нечего сказать – кроме предостережения.

Когда жизнь вышла из океана на берег, начался новый

этап эволюции. Однако первые рыбы, выползшие на сушу, перестали быть рыбами.

Точно так же, когда люди порывают с Землей и теряются в просторах космоса, они перестают быть людьми. И я скажу всем вам: если задумаетесь о том, чтобы навсегда улететь в космос, откажитесь от своих намерений. Вы заплатите непомерную цену.

Суд объявил капитана Нила Скотта и шесть старших офицеров виновными в убийстве и преступлениях против человечества. Их приговорили к пожизненному заключению. Из прочих 1768 членов экипажа оправдали только 138. Остальным достались сроки от двадцати до трехсот лет.

* * *

Тюрьма Конгресса Флотов располагалась в поясе астероидов, между орбитами Марса и Юпитера. Заключенным предстояло вновь покинуть Землю. «Бронзовый век» стоял у причала на геостационарной орбите, но арестантам, преодолевшим по пути домой 350 миллиардов километров, уже никогда не сделать последнего шага в тридцать тысяч.

Тюремный транспорт пришел в движение. Осужденных снова прижало к иллюминаторам в кормовой переборке, словно опавшую листву, которой, однако, не суждено коснуться корней дерева. Они смотрели, как не покидавшая их снов голубая планета съеживается и снова превращается в

одну из множества звезд.

Прежде чем оставить базу флота, бывший командер Ровинский, бывший капитан-лейтенант Шнайдер и еще десяток офицеров под охраной вернулись в последний раз на «Бронзовый век», чтобы помочь с передачей корабля в руки нового экипажа.

Больше десяти лет корабль был их миром. Они старательно украшали интерьер голограммами лесов и полей, растили настоящие сады, строили пруды с рыбками и фонтанами – обустроивали корабль как родной дом. А теперь все следы их существования были стерты. «Бронзовый век» опять стал безликим боевым звездолетом.

Все, кого осужденные встречали на корабле, либо смотрели на них сурово, либо не смотрели вообще. Отдавая честь, они твердо устремляли взор только на охрану; таким образом узникам давали понять, что приветствие относится исключительно к военным полицейским эскорта.

Шнайдера привели в одну из сферических кают, чтобы обсудить с тремя офицерами особенности системы наведения оружия. Те говорили со Шнайдером как с компьютером: ровным голосом задавали вопрос и ждали ответа. Они не тратили время на вежливое обращение, не произнесли ни единого лишнего слова.

Через час вопросы подошли к концу. Пару раз Шнайдер побарабанил пальцами по необработанному голографическому интерфейсу управления, закрывая и открывая окошки как

бы машинальными движениями. Внезапно он оттолкнулся ногами от стены и полетел к другому концу каюты. В то же время стены сдвинулись и разделили помещение на две половины. Трое офицеров и военный полицейский остались пойманными на одной половине, а Шнайдер оказался на другой.

Шнайдер вызвал панель управления системой связи и принялся с бешеной скоростью нажимать кнопки. Заработал мощный межзвездный передатчик.

Раздался слабый хлопок, пошел белый дым, и в разделяющей каюту переборке появилось небольшое отверстие. Военный полицейский просунул сквозь него дуло пистолета и направил на Шнайдера:

– Это последнее предупреждение. Прекратите ваши действия и откройте дверь!

– «Бронзовый век» вызывает «Синий космос». – Шнайдер не повышал голос. Он знал: громко он говорит или тихо – это на дальность связи не влияет.

Луч лазера вонзился в грудь Шнайдера. Из прожженной дыры повалил красный пар. Окутанный туманным облаком собственной крови офицер прохрипел последние в своей жизни слова:

– Не возвращайтесь! Здесь больше не ваш дом!

«Синий космос» с гораздо большим, чем «Бронзовый век», недоверием относился к уговорам Земли вернуться. Корабль лишь понемногу снижал скорость. Когда радиосигнал «Бронзового века» достиг адресата, тот продолжал удаляться от Солнечной системы.

Услышав предупреждение, «Синий космос» немедленно прекратил торможение и на полной тяге направился прочь.

Как только софоны поделились с землянами разведотчетом, у двух цивилизаций впервые в истории появился общий враг.

И Землю, и Трисолярис успокаивал тот факт, что на «Синем космосе» пока нет передатчиков, пригодных для утешения обоих миров «темным лесом». Если применить для трансляции координат имеющееся на корабле оборудование, то передачу практически никто не услышит. Можно воспользоваться методом Е Вэньцзе и усилить сигнал звездой Барнарда, но до нее триста лет полета. Более того, «Синий космос» не повернул к ней, а продолжил движение к NH558J2; он достигнет места назначения только через две тысячи лет.

В погоню немедленно послали «Гравитацию» – единственный корабль Солнечной системы, готовый к межзвездному полету. Трисолярис предлагал отправить для уничто-

жения «Синего космоса» скоростную «каплю» – она официально называлась зондом сильного взаимодействия. Но Земля категорически отказалась вовлекать инопланетян в свои внутренние дела. Боль самой мучительной раны человечества, битвы Судного дня, за прошедшие десять лет несколько не утихла. Было политически недопустимо позволить «капле» еще одну атаку на человека. Хотя люди на «Синем космосе» и стали уже чуждыми большинству человечества, передачей их в руки правосудия должны заняться исключительно земляне.

Трисолярис принял во внимание, что «Синий космос» еще долго не сможет представлять собой угрозу, и уступил – но подчеркнул, что на борту «Гравитации» имеется передатчик грависвязи и безопасность этого корабля является для Трисоляриса вопросом жизни и смерти. Поэтому с «Гравитацией» отправятся несколько «капель», они же обеспечат подавляющее превосходство над «Синим космосом».

«Гравитация» вышла в поход в сопровождении двух «капель», сохранявших дистанцию в две тысячи метров. Контраст между размерами объектов не мог быть разительнее. Если отдалиться, чтобы видеть всю «Гравитацию», «капель» не увидеть. А если приблизиться, чтобы разглядеть «каплю», то в ее зеркальной поверхности отразится корабль людей.

«Гравитацию» построили на десять лет позже, чем «Синий космос». Технологически она почти не превосходила своего предшественника, за исключением гравитационной

антенны. Например, ее оснастили лишь чуть более мощными двигателями. Уверенность «Гравитации» в успехе опиралась на полностью заправленные топливные баки.

Тем не менее «Гравитации» потребуется пятьдесят лет, чтобы догнать беглеца.

Эра Устрашения, год 61-й

Держатель Меча

Чэн Синь разглядывала свою звезду с вершины гигантского дерева. Из-за этой звезды ее и разбудили.

За всю недолгую жизнь проекта «Наша цель – звезды» общим счетом пятнадцать человек получили сертификаты собственности на семнадцать звезд. Следы четырнадцати из них затерялись среди столетий, не удалось найти даже наследников. Слишком многие не пережили Великую падь. Чэн Синь осталась единственной из законных собственников звезд.

Люди еще не летали в другие солнечные системы, но технологии развивались так быстро, что ценность звезд в радиусе трехсот световых лет от Земли уже перестала быть чисто символической. У DX3906, звезды Чэн Синь, обнаружили планеты. Одна из них оказалась очень похожей на Землю; это определили по массе, орбите и спектру атмосферы. Ценность звезды поднялась до небес. Ко всеобщему удивлению, у нее нашелся владелец.

ООН и Флот Солнечной системы пожелали забрать DX3906 себе, но по закону требовалось, чтобы владелец согласился передать права на звезду. Вот ради этого Чэн Синь и разбудили после 264 лет гибернации.

Как только она проснулась, первым делом выяснила, что, как и ожидалось, о программе «Лестница» новостей нет.

Трисолярис не только не перехватил зонд, он даже не знал, где тот находится. История забыла про «Лестницу», и мозг Тяньмина затерялся в бескрайнем космосе. Но Тяньмин, человек, слившийся с небытием, оставил своей возлюбленной вполне реальный мир – звезду и две планеты.

Честь открытия планет в системе DX3906 принадлежала кандидату наук, астроному по имени # АА²⁰. В своей диссертации она предложила методику использования гравитационного поля одной звезды в качестве линзы для наблюдений за другой.

АА показала Чэн Синь жизнерадостной птичкой, без усталости хлопчущей вокруг. АА объяснила, что знакома с такими, как Чэн Синь – пришельцами из прошлого. Их называли людьми Общей Эры. Научный руководитель АА был одним из таких людей. Поэтому, как только она защитила диссертацию, комитет ООН по развитию космоса предложил ей работать с Чэн Синь.

Требование ООН и флота продать звезду поставило Чэн Синь в неудобное положение. Она чувствовала себя виноватой, владея целым миром, но ей становилось плохо от од-

²⁰ Это имя – смесь китайских и английских букв. # – фамилия, произносится как «Ай». Личное имя «АА» произносится как «Эйэй». (Прим. К.Л.) Да, английская часть имени действительно должна произноситься именно так, но мы решили, что это будет затруднять чтение, поэтому пишем его как АА – пусть читатель сам выбирает, как ему это произносить. Кстати, фанаты Лю Цысиня до сих пор спорят, что означает это странное имя. Автор хранит таинственное молчание. – Прим. перев.

ной только мысли о торговле подарком, сделанным в порыве чистой любви. Чэн Синь предложила передать права на DX3906 безвозмездно, оставив себе лишь документы на память, но ей ответили, что по закону правительство не может забрать настолько ценную собственность бесплатно. Они настаивали на оплате. Чэн Синь отказывалась.

После долгих раздумий она предложила продать обе планеты, но оставить за собой звезду. Одновременно она подпишет с ООН и флотом договор, дающий человечеству право пользоваться энергией звезды. Юристы изучили ее предложение и сочли его приемлемым.

АА сообщила Чэн Синь, что, поскольку она продает только планеты, ей достанется значительно меньшая сумма. Тем не менее ООН заплатит ей невероятно много, и потребуется создать фирму, чтобы грамотно распорядиться этими деньгами.

– Хочешь, я помогу тебе управлять этой фирмой? – спросила АА.

Чэн Синь согласилась. АА немедленно позвонила в комитет ООН по развитию космоса и уволилась.

– Теперь я работаю на тебя, – заявила она, – так что послушай-ка, что я тебе скажу. Ты что, совсем свихнулась?! Из всех вариантов ты выбрала наихудший! Ты могла бы продать звезду с планетами и стать богачейшим человеком во Вселенной! Или же не продавать ничего и остаться хозяйкой всей звездной системы. Закон охраняет частную собствен-

ность безоговорочно, никто бы у тебя ее не отобрал. Тогда ты могла бы лечь в губернацию до тех пор, пока не научатся летать к DX3906. А потом отправиться туда! Такое раздолье! Океаны, континенты... Тебе решать, конечно, но ты могла бы прихватить с собой и меня...

– Я уже все решила, – ответила Чэн Синь. – Нас с тобой разделяют почти три столетия. Не стоит ожидать, что мы сразу поймем друг друга.

– Ну ладно, – вздохнула АА. – Но лучше бы тебе пересмотреть свои понятия о долге и совести. Гляди: сначала долг заставил тебя расстаться с планетами, потом совесть не позволила продать звезду, а потом опять-таки долг вынудил тебя предоставить людям энергию звезды. Таких как ты, людей прошлого вроде моего научного руководителя, раздирают противоречия между двумя нравственными идеалами. Но в нашу эпоху ни совесть, ни долг нравственными эталонами не являются! Избыток того или другого рассматривается как психическое заболевание, расстройство личности под давлением общества. Тебе надо бы к мозгоправу.

* * *

Свет, исходящий от города снизу, не помешал Чэн Синь легко найти на небосклоне DX3906. Сейчас воздух был намного чище, чем в XXI веке. Она опустила глаза. Они с АА, словно двое муравьишек, стояли на вершине горячей огня-

ми новогодней елки, а вокруг них рос целый новогодний лес. Ярко освещенные здания свисали с веток, словно листья. В отличие от городов прошлого этот был выстроен на поверхности, а не под землей. Благодаря миру, воцарившемуся в Эру Устрашения, человечество во второй раз в истории выбралось из пещер.

Подруги двинулись вдоль ветви к ее концу. Каждая ветвь на дереве представляла собой оживленную улицу, полную парящих информационных окон – из-за них улица казалась многоцветной рекой. Время от времени окно или два отделились от основной массы, следовали за женщинами, а потом, когда Чэн Синь и АА не проявляли интереса, возвращались в поток.

Поскольку ветвь, по которой шли подруги, была самой верхней на дереве, то выше не было ничего, кроме звездного неба. Если бы они спустились ниже, над ними висели бы ярко освещенные коробки зданий, а сами они чувствовали бы себя мошками в зачарованном лесу, где сияет каждый листок и каждая ягода.

Чэн Синь пригляделась к прохожим: женщина, еще две, группа, еще одна, три – все женщины, все хорошенькие. В красивой светящейся одежде они казались феями волшебного леса. Чэн Синь и АА порой встречали других прохожих, постарше, тоже женщин; возраст не умалял их красоты. Когда девушки дошли до конца ветви и внизу перед ними предстало море огней, Чэн Синь задала давно занимавший

ее вопрос:

– А где же мужчины?

За все дни с момента пробуждения она не увидела ни одного мужчины.

– Ты о чем? Они же везде! – АА указала на людей во-круг. – Видишь вон там парня, прислонившегося к перилам? Тут трое. А эти два идут в нашу сторону.

Чэн Синь не верила своим глазам. У тех, на кого указала АА, были гладкие, красивые лица, они носили прическу до плеч, и казалось, что в их тонких, гибких телах даже кости мягкие. Мужчины двигались грациозно и плавно. Ветер до-носил до нее ласково журчащие голоса... В ее эпоху таких мужчин называли бы женоподобными.

Через мгновение она поняла. Дело к этому шло уже давно. Мужественность в ее традиционной форме перестала счита-ться идеалом еще с конца 1980-х годов. С тех пор и об-щество, и мода предпочитали мужчин, похожих на женщин. Она вспомнила, что однажды приняла нескольких поп-звезд, мужчин-азиатов, за девушек. В период Великой пади пере-мены приостановились, но этот тренд вернулся и даже уси-лился за полвека, когда Эра Устрашения принесла людям мир и благополучие.

– Действительно, люди Общей Эры не сразу могут разли-чить мужчин и женщин, – продолжила АА. – Но я дам те-бе подсказку. Обращай внимание, кто как на тебя смотрит. Мужчины глаз оторвать не могут от такой классической кра-

савицы, как ты.

Чэн Синь с подозрением покосилась на АА.

– Нет, нет, – засмеялась АА. – Я и вправду женщина, и ты меня в этом плане не привлекаешь. Но, честно говоря, не могу понять, что хорошего в мужчинах вашей эры. Грубые, дикие, грязные – ну троглодиты троглодитами. Ничего, при-выкнешь, и в нашей эре красоты тебе понравится.

Когда без малого триста лет назад Чэн Синь готовилась к губернии, она воображала себе самые разные трудности, с которыми ей придется столкнуться в будущем. Но о таком даже не думала. Как она будет жить в этом мире женщин? Загрустившая Чэн Синь снова подняла глаза к небу, высматривая свою звезду.

– Опять думаешь о нем, да? – АА обняла ее за плечи. – Даже если бы он не полетел в космос и остался с тобой на Земле, внуки ваших внуков уже бы скончались. Это новая эпоха, у тебя новая жизнь. Забудь о прошлом!

Чэн Синь последовала совету АА и заставила себя вернуться в настоящее. Она прожила здесь всего несколько дней и успела ознакомиться лишь с ключевыми событиями последних трех столетий. Больше всего ее поразили стратегический баланс сил с Трисолярисом, выстроенный на концепции устрашения «темным лесом».

Ей в голову пришла мысль: «Женственный мир... способен ли он кого-либо устроить?»

Чэн Синь и АА отправились в обратный путь вдоль вет-

ви. Рядом с ними снова закружились информационные окна; на этот раз Чэн Синь заинтересовалась одним из них. В окне светилось изображение мужчины из прошлого. Изможденный, тощий, с всклокоченными волосами, он стоял рядом с черным надгробным камнем. Мужчину и камень окутывал сумрак, но в глазах человека отражался далекий расцвет. Текст внизу гласил:

«В его эпоху убийцу приговаривали к смерти».

Лицо мужчины показалось Чэн Синь знакомым, но приглядеться она не успела – картинка быстро сменилась. На экране возникла женщина средних лет – по крайней мере, Чэн Синь решила, что это женщина. Одета в официальном стиле и похожая на политика, она произносила речь. Фотография и субтитры под ней, которые Чэн Синь видела только что, были частью выступления.

Инфоокно заметило ее интерес, расширилось, появился звук. Речь политика текла красиво и сладко, как мед. Но сами слова ужасали.

– За что выносят смертный приговор? Ответ: за то, что убил. Но это лишь один из нескольких верных ответов.

Другой же верный ответ такой: потому, что мало убивал. Задушить одного человека – преступление. Зарезать десятков-другой – массовое убийство. Если ты лишил жизни тысячи или десятки тысяч, тебя следует казнить тысячу раз. А если от твоей руки погибли сотни тысяч? За это тоже к стенке, ведь правильно? А вот здесь-то те из вас, кто знаком с

историей, призадумаются.

Что, если чьи-то действия привели к смерти миллионов? Гарантирую, этого человека не назовут убийцей. Более того, может оказаться, что он даже не нарушил ни одного закона. Если не верите, полистайте учебник истории! Того, кто убил миллионы, объявляли великим человеком, героем.

А если этот человек уничтожил целый мир, убил все живое на планете – тогда его провозгласят спасителем человечества!

– Они говорят про Ло Цзи, – пояснила АА. – Хотят отдать его под суд.

– За что?

– Сложное дело. Если вкратце, за то, что он передал во Вселенную координаты звезды, а это привело к гибели целого мира. Мы не знаем, была ли на тех планетах жизнь – это всего лишь предположение. Ло Цзи обвиняют в потенциальном мундициде²¹ – убийстве мира, самом тяжком преступлении по нашим законам.

– Простите, вы ведь Чэн Синь?

Она вздрогнула. Слова доносились из плавающего перед ней окошка. Политик глядела на нее с радостью и удивлением, словно встретила лучшую подругу.

– Вы хозяйка той далекой звезды! Как луч надежды, вы принесли к нам прекраснейшие черты былых времен. Вы,

²¹ Мундицид – убийство целого мира; происходит от латинских слов *mundus* (мир) и *caedere* (убивать). – Прим. перев.

единственный человек, кому принадлежит целый мир, спасете и нашу планету. Мы вам полностью доверяем. Извините, позвольте представиться...

АА пинком погасила окно. Чэн Синь же поразилась современным технологиям. Она даже представить себе не могла, каким образом ее изображение достигло выступающей и как та смогла узнать ее среди миллиардов зрителей.

АА забежала перед Чэн Синь и попятилась перед ней спиной вперед.

– А ты бы уничтожила чей-нибудь мир, чтобы создать систему устрашения? А главное, если бы враг все-таки напал, ты нажала бы кнопку, обрекла бы на смерть и чужой мир, и Землю?

– Бессмысленный вопрос. Я бы ни за что не дала поставить себя в такое положение.

АА остановилась, схватила Чэн Синь за плечи и пристально посмотрела ей в глаза:

– В самом деле? Не дала бы?

– Нет, конечно. Что может быть страшнее? Это намного хуже смерти!

Она не понимала, почему АА настолько серьезна, но та кивнула:

– Ты меня успокоила... Давай-ка отложим разговоры до завтра. Сейчас ты устала, пора отдыхать. После гибернации надо целую неделю приходить в себя.

АА позвонила Чэн Синь на следующее утро и, сияя, заявила с экрана:

– У меня сюрприз для тебя – съездим в одно замечательное местечко. Поднимайся, автомобиль уже наверху дерева.

На верхней ветви Чэн Синь поджидал автомобиль с открытой дверцей. Девушка забралась внутрь, но АА там не оказалось. Дверца бесшумно закрылась, сиденье плотно, словно ладонь, охватило Чэн Синь. Автомобиль плавно поднялся в воздух и влился в транспортный поток города-леса.

Стояло раннее утро. Копья солнечного света, почти параллельные земле, пронзали летящий сквозь лес автомобиль. Вскоре здания стали попадаться реже и реже, а затем и вовсе пропали. Сверху – голубое небо, снизу – восхитительная зеленая мозаика рощ и лугов.

С началом Эры Устрашения почти всю тяжелую промышленность перенесли на орбиту, и экология планеты восстановилась. Земля теперь выглядела как до промышленной революции. Сокращение населения и выработка продуктов питания на фабриках позволили уменьшить пахотные площади. Ненужные поля и пастбища заросли травой. Земля понемногу превращалась в огромный парк.

Чэн Синь с трудом могла поверить, что этот прекрасный мир существует на самом деле. Казалось, что она все еще

спит и видит сон.

Через полчаса автомобиль приземлился, дверца отъехала в сторону. Девушка вышла, аппарат поднялся в воздух и улетел. Шум пропеллеров сменился тишиной, которую изредка нарушали отдаленные голоса птиц. Чэн Синь осмотрелась. Ее окружали старые заброшенные и наполовину заросшие плющом постройки, по-видимому, жилые здания Общей Эры.

Зелень новой жизни поверх останков прошлого... Чэн Синь ощутила до того ускользавшую от нее реальность этого мира.

Она позвала АА, но ей ответил мужчина:

– Привет.

Она обернулась и увидела, что на увитом плющом балконе второго этажа стоит человек. Не один из нежных и красивых мужчин современности, а человек прошлого. Чэн Синь снова почудилось, что она спит и видит сон – продолжение ее кошмара из Общей Эры.

Это был Томас Уэйд – в неизменной черной кожанке, правда, несколько постаревший. Наверное, он лег в гибернацию позже, чем Чэн Синь, или проснулся раньше, или же и то, и другое.

Чэн Синь не отрывала взгляда от правой руки Уэйда, затянутой в черную кожаную перчатку. Старый, еще Общей Эры, пистолет был нацелен точно в Чэн Синь.

– Заряжен патронами для подводной стрельбы, – сооб-

шил Уэйд. – Предназначены для долгого хранения. Но прошло двести семьдесят с лишним лет. Кто знает, сработают ли они? – На лице Уэйда проступила знакомая улыбка – та самая, с которой он наслаждался чужой безысходностью.

Вспышка, хлопок – и сильный удар в левое плечо отбросил Чэн Синь к полуразрушенной стене. Звук выстрела быстро утих в густых зарослях плюща. Птицы продолжали распевать.

– Современным оружием пользоваться нельзя, – продолжил Уэйд. – Оно регистрирует каждый выстрел в полицейской базе данных.

Бывший шеф АСР говорил спокойно, словно объясняя подчиненной очередную задачу.

– За что? – Чэн Синь не чувствовала боли. Левое плечо вообще не ощущалось, словно не принадлежало ей.

– Я хочу стать Держателем Меча. Ты мой конкурент, и выберут тебя. Я не держу на тебя зла. Веришь или нет, мне вообще не нравится делать то, что я делаю сейчас.

– Это вы убили Вадимова? – спросила она. Из угла ее рта потянулся ручеек крови.

– Да. Он был нужен программе «Лестница». А теперь у меня новый план, и тебя в нем нет. Вы оба отлично работали, но сейчас ты мне мешаешь. Я пойду вперед и только вперед, не считаясь с последствиями.

Еще один выстрел. Пуля попала в живот слева. Чэн Синь по-прежнему не чувствовала боли, но она больше не ощуща-

ла ног и не могла стоять. Она съехала по заросшей плющом стене на землю, оставляя за собой яркие кровавые разводы.

Уэйд снова нажал на спуск. Наконец сказались три века хранения – оружие дало осечку. Он передернул затвор, выбрасывая неисправный патрон, и снова навел пистолет на Чэн Синь.

Его правая рука взорвалась облаком белого дыма, зелень балкона усеяли обгоревшие куски плоти и обломки костей. Пистолет упал на землю. Уэйд не пошевелился. Он бросил взгляд на культю правой руки, затем поднял глаза к небу. Оттуда пикировал полицейский автомобиль.

Как только автомобиль снизился, из него в густую траву, всколыхнувшуюся от вихрей, поднимаемых пропеллерами, выпрыгнули несколько вооруженных полицейских. Они были похожи на стройных, проворных женщин.

Последней выскочила АА. Перед глазами Чэн Синь уже все плыло, но она увидела заплаканное лицо подруги и разобрала среди всхлипов:

– ...подделал мой видеозвонок...

Чэн Синь пронзила волна жестокой боли, и она потеряла сознание.

Девушка очнулась в летящем автомобиле. Ее туго укутали в какую-то пленку. Боли не чувствовалось – Чэн Синь не ощущала даже своего тела. Прежде чем забыться снова, она слабым голосом, который никто, кроме нее самой, не услышал, спросила: «Кто такой Держатель Меча?»

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Призрак Отвернувшихся:

Держатель Меча

Вне сомнения, создание Отвернувшимся Ло Цзи системы устрашения на основе теории «темного леса» было великим достижением. Тем не менее давший ей жизнь проект «Отвернувшиеся» сочли нелепым и неразумным. Человечество, словно малое дитя, попавшее в незнакомую обстановку, при виде чуждой безжалостной вселенной испугалось, растерялось и принялось с ожесточением отбиваться. Когда Ло Цзи передал управление системой устрашения ООН и Флоту Солнечной системы, все решили, что ставший частью легендарного прошлого проект наконец завершился.

Люди принялись изучать само Устрашение, и возникла новая отрасль науки: теория игр устрашения.

Основными элементами являются: Устрашающая сторона (Земля) и Объект устрашения (Трисолярис); Угроза (передача координат Трисоляриса, которая приведет к уничтожению обоих миров); Исполнитель (человек или организа-

ция, в чьих руках находится кнопка передатчика); Цель (вынудить Трисолярис отказаться от нападения и предоставить Земле свою технологию).

Если запугивающим воздействием является уничтожение обеих сторон, такая система называется предельным устрашением.

Предельное устрашение отличается тем, что в случае его провала осуществление Угрозы не поможет Устрашающему.

Таким образом, результативность предельного устрашения строится на уверенности Устрашаемого, что Угрозу непременно претворят в жизнь, если он посягнет на Цель. Вероятностное выражение уверенности Устрашаемого, или степень устрашения, – важный параметр теории игр устрашения. Для выигрыша Устрашающего степень устрашения должна превосходить 80 процентов.

Но очень скоро люди обнаружили один обескураживающий факт: если ответственность за исполнение Угрозы возложить на все общество, то степень устрашения падает почти до нуля.

Человечество крайне трудно побудить к действиям, которые уничтожат оба мира, поскольку они противоречат глубоко укоренившимся нормам морали. В случае устрашения «темным лесом» дело обстоит еще хуже. Если Угроза не работает, то флот агрессора появится еще не скоро; как минимум одно поколение проживет мирно и счастливо. Иными словами, никого из ныне живущих нападение не затронет.

Однако если исполнить Угрозу и передать координаты, то тогда смерть может настать в любой момент – а это намного хуже. Таким образом, в случае нападения выбор всего человечества предсказать несложно.

Однако нельзя предвосхитить решение отдельной личности.

Устрашение «темным лесом» строилось на непредсказуемости одного человека – Ло Цзи. В случае возобновления войны его поступки определялись бы особенностями его личности, его психики. Даже если бы он повел себя рационально, его действия не обязательно совпали бы с интересами человечества. В самом начале Эры Устрашения ученые обоих миров тщательно изучили особенности характера Ло Цзи и создали подробные математические модели. Специалисты по теории игр как на Земле, так и на Трисолярисе пришли к поразительно схожим выводам: в зависимости от настроения в момент атаки, Ло Цзи обеспечивал степень устрашения от 91,9 % до 98,4 %. При таких шансах Трисолярис не рискнул бы напасть.

Разумеется, сразу после создания системы устрашения не представлялось возможным произвести столь точный анализ. Человечество пришло к ответу интуитивно; ООН и Флот Солнечной системы вернули ключ к Устрашению в руки Ло Цзи словно горячую картофелину. Весь процесс, начиная с Ло Цзи, отдающего браслет, заканчивая им же, получающим ключ обратно, занял восемнадцать часов. Но

«каплям» хватило бы даже этого времени, чтобы разрушить кольцо ядерных бомб вокруг Солнца и отнять у землян их средство сигнализации. Лидеры Трисоляриса на такое не решились; впоследствии эту ошибку назвали их величайшим стратегическим поражением за всю войну. А затаившее дыхание человечество утерло со лба холодный пот.

С тех пор властью над пусковым механизмом Устрашения был неизменно облечен Ло Цзи. Вначале в его руках был ключ подрыва орбитального кольца ядерных бомб, затем его сменила кнопка широковещательных гравитационных передатчиков.

Система устрашения нависала над двумя мирами подобно дамоклову мечу, а Ло Цзи был волоском. Бывшего Отвернувшегося называли Держателем Меча²².

Таким образом, проект «Отвернувшиеся» не стал еще достоянием истории. Его призрак продолжал бродить по Земле.

Программа «Отвернувшиеся» была беспрецедентной аномалией в истории человечества, но и у системы устрашения, и у Держателя Меча существовали предшественники. В годы холодной войны страны НАТО и Варшавского Договора создали систему гарантированного взаимного уничтоже-

²² По рассказам китаеведов, такая должность – «держатель меча» – существовала при дворе китайского императора. Во время аудиенций, пока простые смертные общались с правителем, этот человек стоял позади них с занесенным мечом и, трактуя мимику императора, в любой момент мог снести посетителю голову. – *Прим. перев.*

ния – то есть предельного устрашения. В 1974 году СССР приступил к разработке системы «Периметр»²³, известной в западном мире как «Мертвая Рука». Она предназначалась для ответа на нападение, в случае если первый удар США выведет из строя правительство и высшее военное командование. «Периметр» получал информацию от сети датчиков, регистрирующих ядерные взрывы на территории Советского Союза, и автоматически принимал решение о пуске ядерных ракет.

Сердце системы «Периметр» находилось в секретном центре управления, скрытом глубоко под землей. Если компьютер примет решение об ответном ядерном ударе, дежурный оператор должен его подтвердить.

В 2009 году взяли интервью у офицера, служившего на посту дежурного оператора «Периметра» десятки лет назад. Он был тогда двадцатипятилетним лейтенантом, только что закончившим Военное училище имени М. В. Фрунзе. В случае если бы система решила, что пуск ядерных ракет необходим, он стал бы последней инстанцией перед концом света. К тому времени весь Советский Союз и Восточная Европа превратились бы, наверное, в море огня, а все его близкие погибли. Если бы он нажал кнопку, то и Северная Америка через полчаса стала бы адом на Земле, а затем «ядерная зима» уничтожила бы все остальное человечество. В ту мину-

²³ Подробности в Википедии (https://ru.wikipedia.org/wiki/Система_«Периметр».) – *Прим. перев.*

ту он держал бы в руках судьбу всей человеческой цивилизации.

Позднее его неоднократно спрашивали: «Если бы такой момент действительно настал, нажали бы вы кнопку?»

Первый в истории Держатель Меча отвечал: «Не знаю».

Человечество надеялось, что устрашение «темным лесом» закончится так же мирно, как и взаимно гарантированное уничтожение в XX веке.

В таком странном равновесии прошли годы. Устрашение действовало уже шестьдесят лет. Ло Цзи, перешагнувший столетний рубеж, по-прежнему держал в руках «красную кнопку». Его образ в глазах населения постепенно изменился.

Он не нравился «ястребам», выступавшим за жесткий подход к Трисолярису. В самом начале Эры Устрашения они настаивали на более суровых условиях перемирия. Их конечной целью было полное разоружение Трисоляриса. Некоторые их предложения граничили с абсурдом. Например, программа «голых переселенцев»: согласно ей, все трисоляриане дегидрируют и их доставляют на грузовых кораблях в облако Оорта. Оттуда на кораблях землян тела перевозят в дегидратории на Марсе или Луне. Затем, при выполнении трисолярианами определенных условий их начали бы понемногу регидрировать.

«Голуби» тоже не любили Ло Цзи. Их беспокоила вероятность наличия жизни и цивилизации на планетах звезды

187J3X1, координаты которой Ло Цзи передал во Вселенную. Была ли на них жизнь? Ни земные, ни трисолярианские астрономы не могли уверенно сказать ни «да», ни «нет», но на Ло Цзи легло обвинение в мундициде. «Голуби» считали, что мирное сосуществование людей и трисоляриан должно строиться на фундаменте всеобщих «прав человека» – иными словами, на признании, что у любого разумного существа во Вселенной имеются неотъемлемые права. Для осуществления их идеала Ло Цзи требовалось отдать под суд.

Но Ло Цзи не обращал внимания ни на тех, ни на других. Он полвека молча стоял на посту Держателя Меча и держал в руках «красную кнопку» гравитационного передатчика.

Человечество осознало, что любая политика в отношении Трисоляриса должна принимать в расчет Держателя Меча. Без его одобрения ни одно земное решение не возымело бы на инопланетян действия. Таким образом, Держатель стал влиятельным диктатором, наподобие Отвернувшихся.

Со временем Ло Цзи стали называть безрассудным маньяком и деспотом, убийцей планет.

Люди поняли, что Эра Устрашения – странная эпоха. С одной стороны, человеческая цивилизация достигла невиданных высот, в мире царят демократия и права человека. Но, с другой стороны, над всей этой системой нависала тень диктатора. Эксперты полагали, что, хотя наука и технология обычно противодействуют тоталитаризму, при возникновении кризиса, угрожающего самому существованию цивили-

зации, наука может привести к созданию нового тоталитарного общества.

При обычной диктатуре диктатор отдает распоряжения через посредников, что усиливает неопределенность и отрицательно сказывается на эффективности управления. Поэтому стопроцентно эффективного тоталитарного государства не было ни разу за всю историю человечества. Однако технология создала механизмы для сверхтоталитарного управления; примеры тому – Отвернувшиеся и Держатель Меча. Гремучая смесь супертехнологии с суперкризисом могла отбросить человечество в темные века.

Тем не менее большинство соглашалось, что Устрашение по-прежнему необходимо. Когда софоны прекратили вмешательство в научные эксперименты, а с Трисоляриса хлынул поток новых знаний, земная наука неудержимо понеслась вперед. Но Земля продолжала отставать от Трисоляриса на два-три поколения технологии. Об отключении системы устрашения можно будет задуматься не раньше чем два мира сравняются в развитии.

Существовал еще один вариант: передать систему устрашения под контроль искусственного интеллекта. Его рассматривали со всей серьезностью и не пожалели затрат на предварительные исследования. Основным его преимуществом был высокий уровень устрашения. Но в конце концов от этого варианта отказались. Слишком страшно доверить судьбу двух миров машинам. Эксперименты показали,

что ИИ зачастую не справляется с анализом многочисленных условий устрашения – и неудивительно; для этого чистой логики мало. Кроме того, переход от диктатора-человека к диктатору-машине никого бы не успокоил, а с политической точки зрения грозил осложнениями. Наконец, на решение компьютера могли повлиять софоны. Таких инцидентов до сих пор не наблюдалось, но сама возможность поставила на идее крест.

Предложение поменять Держателя Меча стало компромиссом. Даже без учета прочих обстоятельств, Ло Цзи уже перевалило за сотню. Его мыслительные способности слабели, а психика становилась неустойчивой. Людей все больше беспокоило, что он держит в руках судьбу двух миров.

Эра Устрашения, год 61-й

Держатель Меча

Чэн Синь уверенно выздоравливала. Врачи заверяли: даже если бы в нее попали все десять семимиллиметровых пуль, даже если бы ей прострелили сердце, современная медицина оживила бы ее и полностью вылечила. Конечно, не все было бы так просто, если бы пули заделали мозг.

Полиция сообщила, что последнее в мире зарегистрированное убийство произошло двадцать восемь лет назад, а в этом городе – почти сорок. Полицейские забыли, как предотвращать и расследовать убийства; только поэтому Уэйд был так близок к успеху. Сигнал в полицию подал другой кандидат на пост Держателя Меча. Но у него не нашлось доказательств, только подозрения, основанные на пережитке Общей Эры – предчувствии. Полиция не поверила и потеряла много времени, вылетев на помощь лишь тогда, когда обнаружилось, что Уэйд подделал звонок от АА.

Чэн Синь навещало в больнице много людей: правительственные чиновники, сотрудники ООН, военные Флота Солнечной системы, представители общественности и, конечно же, АА и ее друзья. Чэн Синь уже легко отличала мужчин от женщин и привыкла к женственным лицам современных парней. Она находила в сегодняшних мужчинах утонченность, которой не было в прошлом. Но все же они ее не

привлекали.

Мир уже не казался странным, и Чэн Синь жаждала с ним познакомиться, но не могла покинуть больничную палату.

Однажды АА принесла голографический кинофильм «Сказки Янцзы». Он выиграл «Оскара» в номинации «Лучший фильм года». Его сняли по мотивам стихотворения в жанре *бусуаньцзы*, сочиненного в годы династии Сун поэтом Ли Чжи-и:

Ты живешь на одном конце Янцзы, а я на другом.

Я думаю о тебе, любимая, каждый день, хоть нам и не встретиться.

Мы пьем из одной реки.

Действие фильма разворачивалось в некоем неопределенном далеком прошлом, в «золотом веке» человечества. Кинолента рассказывала историю двух влюбленных: один жил у истоков Янцзы, а другая – возле устья. За весь фильм они ни разу не встретились, даже в воображаемых сценах. Режиссер с трогательной грустью запечатлел их любовь. Оператор отлично сыграл на дополняющих друг друга контрастах, противопоставив изящную утонченность дельты Янцзы дикости и мощи Тибетского плато. Чэн Синь эти пейзажи просто пьянили. Никакой примитивной грубости коммерческих фильмов ХХI века; повествование текло легко и плавно, как сама Янцзы, не отпуская зрителей до самого конца.

Я на одном конце реки времени, думала Чэн Синь, но на

другом конце никого нет...

Кинолента разожгла в Чэн Синь интерес к культуре эпохи. Как только она поправилась настолько, что ей разрешили ходить, АА стала водить ее на выставки и концерты. Чэн Синь отчетливо помнила, как в свое время посещала «Фабрику 798»²⁴ и Шанхайское биеннале, где выставлялись весьма странные предметы «современного искусства».

Она даже не представляла, как сильно переменилось искусство за три века, которые она провела в холодном сне. Все картины на выставке были выполнены в стиле реализма, от красок веяло жизненной энергией и чувственностью. В них будто билось сердце, переполненное и прелестью природы, и человеческими страстями. Музыка же звучала подобно классическим симфониям, напоминая ей о Янцзы в кинофильме, – внушительная и мощная, но в то же время спокойная и приятная. Чэн Синь смотрела на течение реки до тех пор, пока ей не показалось, что вода застыла на месте, что это она сама плывет к далеким истокам...

Искусство и культура этой эпохи значительно отличались от ее ожиданий; но дело не ограничивалось возвратом к классике. Скорее речь шла о следующем витке постпостмодернизма, выстроенном на фундаменте новой эстетики. Например, в «Сказках Янцзы» встречались глубокомысленные размышления о Вселенной, пространстве и времени. Больше

²⁴ «Фабрика 798» – знаменитый район Пекина, где с 1990-х годов в заброшенных зданиях военной фабрики живут и работают художники. – *Прим. К. Л.*

всего Чэн Синь понравилось, что исчезли мрак безнадежности и причудливый шум, столь характерные для постмодернистской культуры двадцать первого века. Вместо них появились небывалое ласковое спокойствие и оптимизм.

– Мне нравится твоя эпоха, – заявила Чэн Синь. – Я в изумлении.

– Ты изумишься еще больше, когда узнаешь, кто снял эти фильмы, написал картины и музыку. Это трисоляриане, живущие в четырех световых годах от нас! – АА заразительно рассмеялась, увидев ошарашенное лицо Чэн Синь.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Отражение культуры

За созданием системы устрашения последовало основание Всемирной академии наук – международной организации наряду с ООН. В ее задачи входило принимать и обрабатывать научно-техническую информацию, поступающую на Землю с Трисоляриса.

Поначалу люди ожидали, что Трисолярис будет передавать, да и то под нажимом, лишь разрозненные, случайные обрывки знаний, разбавленные ложью и ведущие в неверном направлении. Предполагалось, что земным ученым придется

аккуратно просеивать получаемую информацию в поисках крупниц правды. Но Трисолярис обманул эти ожидания. За короткое время инопланетяне передали огромный упорядоченный объем знаний, в основном по фундаментальным наукам: математике, физике, космологии, молекулярной биологии живых существ Трисоляриса и так далее. Землян снабжали стройными, законченными наборами сведений по каждой отрасли науки.

Трисолярис передал столько всяких сведений, что земные ученые утонули в потоке информации. Тогда инопланетяне начали помогать с изучением присланных материалов. На какое-то время весь мир превратился в гигантский университет. Как только софоны прекратили вмешиваться в ход экспериментов на ускорителях частиц, земные ученые опытным путем перепроверили основы трисолярианской физики и убедились в истинности нахлынувших откровений. Трисоляриане даже неоднократно жаловались, что человечество слишком медленно постигает новое знание. Похоже, инопланетяне искренне желали, чтобы земные науки как можно быстрее догнали Трисолярис – по крайней мере, фундаментальные науки.

Удивленные земляне придумали множество объяснений. Наиболее правдоподобное из них гласило, что трисоляриане ускоряют развитие наук человечества, чтобы с помощью людей раскрывать секреты мироздания. Земля – это своеобразный научный аккумулятор. Если его полностью зарядить

информацией с Трисоляриса, он станет источником новых знаний.

Трисоляриане объясняли свои действия иначе. Они дарят огромный объем знаний из уважения к земной цивилизации. Они утверждали, что Трисолярис получил от Земли даже больше. Культура человечества открыла трисолярианам глаза, дала возможность видеть в жизни и обществе глубинный смысл, ценить красоту природы и человека – все то, чего они до сих пор не понимали. Земная культура получила распространение на Трисолярисе и за полвека стала причиной многочисленных революций, в результате которых общественный и политический строй Трисоляриса стал похож на земной. Далекий мир с уважением принял человеческие ценности, а трисоляриане полюбили культуру людей.

Поначалу земляне относились к этим объяснениям скептически, но вскоре они подтвердились невероятной волной отраженной культуры.

На десятом году Эры Устрашения Трисолярис в дополнение к научной информации стал передавать произведения культуры и искусства, выполненные в стиле имитации искусства людей: кинофильмы, романы, стихи, музыку, картины и многое другое. Ко всеобщему удивлению, имитация оказалась вовсе не примитивной или ребяческой. Трисоляриане сразу же начали создавать сложные, высокохудожественные работы. Ученые назвали этот феномен «отражением культуры». У земной цивилизации появилось зеркало во Вселен-

ной, и люди увидели себя с новой точки зрения. За следующие десять лет трисолярианское отражение культуры завоевало признание среди людей и стало вытеснять земную декадентскую культуру, утратившую жизненные силы. Отраженная культура стала новым источником идей для художников.

В эти дни, если не знать заранее, трудно было даже догадаться, кто снял фильм или написал книгу – человек или трисолярианин. Персонажами искусства Трисоляриса были люди, действие разворачивалось на Земле, и в произведении нельзя было найти ни малейшего оттенка чуждости. Этот факт казался неопровержимым доказательством того, что трисоляриане приняли земную культуру. В то же время планета Трисолярис оставалась окутанной завесой тайны; о ней не сообщали практически ничего. Трисоляриане объясняли это тем, что их культура примитивна и пока недостойна взора человека. С учетом значительных различий между мирами в биологии и природной среде она может нарушить установившееся взаимопонимание.

Человечество не могло нарадоваться, что события развиваются в благоприятном направлении. Наконец-то их уголок темного леса озарил солнечный луч.

Эра Устрашения, год 61-й

Держатель Меча

В тот же день, когда Чэн Синь окончательно выписали из больницы, АА сообщила, что с Чэн хочет встретиться Софон, или, как было принято ее звать на японский манер, Томоко²⁵.

Чэн Синь понимала, что АА говорила, конечно, о женщине-биороботе, созданной при помощи последних достижений земной науки и техники. Ею управляли софоны, и она выступала в роли посла Трисоляриса на Земле. Общаться с существом, выглядящим как человек, все же удобнее, чем с

²⁵ У автора это имя пишется как «Чжицзы» – «мудрая частица»; это то же самое слово, каким он называет протоны с искусственным интеллектом, посланные Трисолярисом к Земле. Переводчик «Задачи трех тел» на английский язык Кен Лю назвал их «софбами» (от греческого «*софия*» – мудрость). Имя посланницы Трисоляриса, таким образом, тоже Софон. Мы решили, что это будет создавать изрядную путаницу, особенно в эпизодах, где действуют и софоны, и Софон. Называть ее Чжицзы? Но это же невозможно выговорить! И тогда мы вспомнили об эпизоде в начале «Темного леса», где один из персонажей называет софон японским женским именем Томоко. Там объясняется, что иероглиф «частица», который произносят как «ко», часто встречается в женских именах в Японии (одна из основных систем японского письма, *кандзи*, использует иероглифы китайского происхождения). К тому же посланница Трисоляриса ведет себя как японка; об этом свидетельствует все: ее манеры, одежда, жилище, владение катаной и прочее. Есть и еще один маленький нюанс: для китайца (а автор, как мы помним, китаец) японец – это синоним врага. Вот поэтому после долгих споров мы и решили называть этого биоробота Томоко. – *Прим. перев.*

развернувшимся в нижних измерениях софоном.

Томоко жила на одном из гигантских деревьев на окраине города. Из окна летающего автомобиля казалось, что для ее дерева настала поздняя осень – так мало там было листьев. Изящный бамбуковый домик Томоко одиноким листком висел на самом верху. В этот ясный день домик окружало белое облачко, очевидно, создаваемое искусственно.

Чэн Синь и АА дошли до самого конца ветви по тропинке, вымощенной гладкими камешками и окруженной зелеными лужайками. Затем они спустились по винтовой лестнице к дверям дома; там их уже дожидалась Томоко. Великолепное японское кимоно на ее тонкой фигурке казалось морем цветов, но когда Чэн Синь увидела ее лицо, цветы на кимоно поблекли в сравнении. Чэн Синь не могла даже представить себе такой безупречной красоты и такой одухотворенности. Томоко улыбнулась, и словно весенний ветерок пробежал по воде, разделив солнечный луч на тысячи переливчатых отражений. Томоко медленно поклонилась гостям; Чэн Синь пришло в голову, что фигура хозяйки подобна иероглифу # – «роу», «мягкий» – и по начертанию, и по смыслу.

– Добро пожаловать, добро пожаловать! У меня было намерение самой посетить вас в ваших досточтимых жилищах, но тогда я не имела бы возможности как подобает развлечь вас чайной церемонией. Будьте добры принять мои нижайшие извинения. Я так счастлива видеть вас! – Томоко снова поклонилась. У нее был нежный и мягкий голос, идеально

подходящий ее гибкой фигуре; она говорила чуть слышно, но проникновенно, словно все другие звуки умолкали перед ней.

Гости последовали за Томоко в глубину двора. Крошечные белые цветы, вплетенные в прическу хозяйки, подрагивали, а сама она время от времени оборачивалась и улыбалась. Чэн Синь совершенно забыла, что перед ней чужак-завоеватель, машина, которой управляют всемогущие существа с планеты, удаленной на четыре световых года. Она не видела ничего, кроме прелестного существа, чарующего своей женственностью.

По обеим сторонам тропинки неспешно колыхались заросли бамбука, доходящие до пояса и укрытые белым туманом. Томоко провела посетителей по дощатому мостику над говорливым ручейком, отступила в сторону, поклонилась и пригласила в чайный домик. Это был павильон в восточном стиле, с широкими окнами во всех четырех стенах, залитый ярким солнечным светом. В окна виднелись голубое небо и создаваемые домом облака, тонкими струйками таявшие в синеве. На стене висела небольшая японская гравюра *укиё-э*, рядом с ней – веер с пейзажем в китайском стиле. От чайного домика веяло простотой и элегантностью.

Томоко подождала, пока Чэн Синь и АА усядутся, поджав под себя ноги, на татами, потом аккуратно села сама и стала методично раскладывать перед собой чайную утварь.

– Тебе придется набраться терпения, – прошептала АА

подруге на ухо. — Раньше чем через два часа никакого чая не будет.

Томоко достала из кимоно безукоризненно белое полотенце и начала протирать столь же безукоризненно чистую посуду. Сначала она медленно и аккуратно протерла каждую чайную ложечку, тонкую и хрупкую, с длинной ручкой, целиком вырезанную из ствола бамбука. Затем она вытерла все белые фарфоровые чашки и желтый медный чайник. С помощью бамбукового половника Томоко налила в чайник чистойшей ключевой воды из большого керамического кувшина и поставила кипятиться на искусно выделанную жаровню. Дальше она ложечкой перенесла мелко истолченный чай из чайницы в чашки и легкими круговыми движениями стала размешивать порошок бамбуковым венчиком...²⁶

Каждое действие Томоко выполняла нарочито медленно, какие-то даже повторяя. Двадцать минут ушло лишь на протирку посуды. Несомненно, эти действия имели не столько утилитарный, сколько церемониальный смысл.

Но Чэн Синь не скучала. Ее завораживали изящные, плавные движения Томоко. Время от времени в комнату залетал ветерок; тогда чудилось, будто белые руки хозяйки более не послушны сами себе, а парят по воле бриза. Казалось, что гладкие, словно нефрит, ладони ласкают не чайную посуду,

²⁶ Надо понимать так, что автор намеренно модифицировал чайную церемонию, поскольку в Общую Эру чай делали в одной чаше и пили из нее по очереди. — *Прим. перев.*

а что-то более нежное, легкое, воздушное... как *время*. Да, Томоко поглаживала само время, ставшее текучим и неторопливо ползущее вперед, словно туман, просачивающийся сквозь заросли бамбука. Иное время. Оно не знало крови и пламени прошлого, а сегодняшние заботы ушли куда-то далеко. Остались только облака в небе, бамбуковая роща и душистый чай. Воцарились четыре принципа Пути Чая: гармония, уважение, чистота и покой.

Через какое-то время чай был готов. После очередной серии сложных церемониальных действий Томоко наконец передала Чэн Синь и АА чашки с чаем. Чэн Синь пригубила сочный зеленый напиток. Приятный запах и горьковатый вкус освежили тело и разум.

– Мир прекрасен, когда мы, женщины, вместе. – Томоко говорила неторопливо и тихо, еле слышно. – Но наш мир такой хрупкий! Мы обязаны защищать его как можем. – Затем она низко поклонилась и заговорила воодушевленно: – Заранее благодарю вас за заботу! Спасибо!

Чэн Синь отлично поняла недоговоренные Томоко слова, как и подлинный смысл визита.

* * *

Следующая встреча вернула Чэн Синь обратно к непростой реальности окружающей ее жизни.

На следующий день после поездки к Томоко к Чэн Синь

пришли шестеро мужчин Общей Эры – кандидаты на пост Держателя Меча, пока занимаемый Ло Цзи. Они были разного возраста: от тридцати четырех до шестидесяти восьми лет. По сравнению с началом Эры Устрашения сейчас пробуждалось меньше людей Общей Эры, но они, так же как и раньше, стояли особняком. Все они с трудом вписывались в современное общество. Большинство – иногда преднамеренно, иногда подсознательно – старалось приспособиться к женоподобному миру, меняя манеру поведения и внешность. Но все шестеро мужчин, стоящих перед Чэн Синь, упрямо держались за устаревшие понятия о мужской наружности и характере. Если бы Чэн Синь встретилась с ними несколько дней назад, она чувствовала бы себя комфортно, но теперь ей было не по себе.

Она не уловила тепла в глазах посетителей; их лица были похожи на маски, скрывающие подлинные чувства. Чэн Синь показалось, что она стоит перед крепостной стеной из шести промерзших гранитных блоков. Эта массивная стена, выщербленная и закаленная прошедшими веками, студила душу, предвещала кровопролитие и смерть.

Первым делом Чэн Синь поблагодарила кандидата, предупредившего полицию. В этом она не покривила душой – все-таки он спас ей жизнь. Би Юньфэнь, сорокавосемилетний инженер, когда-то работал на самом большом в мире ускорителе элементарных частиц. Как и Чэн Синь, его послали в будущее, надеясь, что однажды человечество преодолеет

блокировку софонов и возобновит физические эксперименты. К сожалению, ко времени Устрашения ни один из ускорителей прошлого не сохранился.

– Хотелось бы надеяться, что я не совершил ошибку, – ответил он. Возможно, он так пошутил, но ни Чэн Синь, ни другие кандидаты не улыбнулись.

– Мы здесь, чтобы убедить вас не претендовать на пост Держателя Меча, – взял быка за рога другой гость, тридцатичетырехлетний Цао Бинь, самый молодой из пришедших. Когда начался трисолярианский кризис, он был физиком, коллегой широко известного Дин И. Когда выяснилось, что софоны блокируют фундаментальную науку, превращение физики в абстрактную математическую игру, оторванную от экспериментальной основы, побудило его лечь в гибернацию до тех пор, пока блокировку не снимут.

– Как вы полагаете, если я выставлю свою кандидатуру, меня выберут? – спросила Чэн Синь. Этот вопрос беспокоил ее с тех пор, как она вернулась от Томоко; у нее даже пропал сон.

– Если выставите, то практически наверняка победите, – заявил Иван Антонов, сорокатрехлетний русский красавец. У него был впечатляющий послужной список: самый молодой вице-адмирал Российского флота, затем заместитель командующего Балтийским флотом. Он лег в гибернацию из-за неизлечимой болезни.

– Разве я способна кого-нибудь устрасить? – улыбаясь,

спросила Чэн Синь.

– Вы недооцениваете себя. На вашем счету служба в АСР, а это агентство за последние пару веков накопило невероятный объем разведывательной информации о Трисолярисе. Перед битвой Судного дня оно даже предупреждало флоты, что «Капля» вот-вот нападет, но никто его не слушал. Сегодня АСР вошло в легенды, и это прибавляет вам веса. Кроме того, вы единственная владелица другого мира, а поэтому сможете спасти и наш... В этом нет никакой логики, но народ думает именно так...

– Давайте я объясню покороче, – перебил Антонова лысый мужчина по имени А. Дж. Хопкинс. По крайней мере, он так себя называл. Пока он лежал в гeбepнaции, все документы затерялись, а сам он не намеревался ничего рассказывать о себе – даже не считал нужным что-нибудь придумать. По этой причине ему оказалось непросто получить гражданство в новом мире; но с другой стороны, таинственное прошлое помогло ему стать неплохим кандидатом. Считалось, что он и Антонов могут обеспечить самое действенное устрашение.

– С точки зрения обывателей, идеальный Держатель Меча должен устрашать Трисолярис, не устрашая Землю. Поскольку такое невозможно, люди предпочтут того, кого не боятся сами. Вы их не пугаете; вы не просто женщина, вы в их глазах – ангел. Эти неженки даже наивнее детей нашей эры; они видят только то, что лежит на поверхности... Послушайте, они считают, что дела идут просто замечательно и

с Трисолярисом вот-вот установятся мир да любовь. Устрашение уже не настолько необходимо, поэтому они хотят, чтобы «красную кнопку» держала рука понежнее.

– А разве это не так? – спросила Чэн Синь, раздраженная неуважительным тоном Хопкинса.

Гости переглянулись, но не ответили. Казалось, что их взгляды стали еще мрачнее и холоднее. Стоя в их окружении, Чэн Синь почувствовала себя как на дне колодца. Ее охватил озноб.

– Дочка, обязанности Держателя тебе не по плечу, – заговорил самый старый из кандидатов, ему было шестьдесят восемь. До губернии он служил на посту заместителя министра иностранных дел Южной Кореи. – Ты новичок в политике, еще молода, не способна мгновенно разобраться в ситуации, да и по складу характера не подходишь. Все, что у тебя есть, – это доброта и чувство ответственности.

Наконец высказался последний гость, опытный адвокат:

– Я не думаю, чтобы вы желали занять пост Держателя. Вы ведь наверняка знаете, чем придется пожертвовать.

У Чэн Синь не нашлось ответа. Она лишь недавно узнала, какие испытания выпали на долю Ло Цзи в Эру Устрашения.

* * *

Когда кандидаты ушли, АА обратилась к Чэн Синь:

– Не думаю, что существование Держателя Меча можно

назвать жизнью. Это же самый настоящий ад! Зачем такая радость людям из прошлого?

– Кое-кому из Общей Эры просто не терпится зажать в руке судьбу человечества и еще одной расы. Некоторые всю жизнь кладут на завоевание такой власти, просто одержимыми становятся.

– И ты тоже?

Чэн Синь смолчала. Простых ответов больше не существовало.

– Нет, это же надо быть таким злобным, таким подлым, таким... – АА говорила об Уэйде. – Ну совсем рехнулся!

– Он не из самых опасных.

И это было правдой. Уэйд не очень-то старался утаить свою порочность. АА и ее современники даже представить себе не могли, под сколькими маскировочными слоями люди Общей Эры скрывали свои подлинные чувства и намерения. Кто мог сказать, что кроется за бесстрастными, холодными личинами шестерых кандидатов? Возможно, один из них – новая Е Вэньцзе или новый Чжан Бэйхай? А что, если они все такие?

Чэн Синь поняла, что этот прекрасный мир так же хрупок, как красивый мыльный пузырь, плывущий сквозь заросли терновника. Одно касание и его больше нет.

Через неделю Чэн Синь приехала в штаб-квартиру ООН на церемонию передачи двух планет в системе звезды DX3906.

Когда все закончилось, председатель СОП от лица ООН и Флота Солнечной системы попросил Чэн Синь выставить свою кандидатуру на пост Держателя Меча. Он объяснил, что уже зарегистрировавшиеся шесть кандидатов не очень-то подходят. Если выберут одного из них, то мир охватит паника. Большинство населения считает, что они все чрезвычайно опасны. Невозможно предсказать, что именно произойдет. Кроме того, все шестеро не доверяют Трисолярису и склонны к агрессии против него. Такой Держатель Меча сможет найти общий язык со сторонниками жестких мер как на Земле, так и в Конгрессе Флотов, чтобы надавить на Трисолярис и потребовать новых уступок. Подобная политика может помешать мирным отношениям и обмену научной и культурной информацией между планетами – с катастрофическими последствиями...

Но Чэн Синь может все это предотвратить.

Когда человечество во второй раз вышло из пещер, ООН перенесла свою штаб-квартиру обратно в Нью-Йорк. Чэн Синь была хорошо знакома с комплексом ООН. Здание Секретариата выглядело точно так же, как триста лет назад,

скульптуры ничуть не изменились, и даже лужайка осталась прежней. Чэн Синь стояла и вспоминала бурную ночь 270 лет назад: объявление проекта «Отвернувшиеся», покушение на Лю Цзи, толпы народа в неверном свете прожекторов, вихри вертолетных винтов, разметавшие ее прическу, «скорая помощь», отъезжающая в сполохах красных огней и под пронзительный вой сирены... Все представилось ей так четко, как будто случилось лишь вчера. И Уэйд... Уэйд на фоне огней Нью-Йорка, произносящий изменившие ее жизнь слова: «Мы отправим только мозг».

Если бы не его заявление, жизнь сегодня шла бы без нее. Чэн Синь осталась бы самой обычной женщиной и умерла бы более двухсот лет назад. Все, связанное с ней, бесследно исчезло бы в длинной реке времени. В лучшем случае десятое поколение ее потомков сейчас дожидалось бы выбора следующего Держателя Меча.

Но она не умерла, а стояла перед собравшейся на площади толпой. Над головами красочным облачком плавала голограмма с ее изображением. К Чэн Синь приблизилась молодая женщина и дала ей подержать маленького ребенка – ему исполнилось лишь несколько месяцев. Малыш засмеялся, и она обхватила дитя, прижимаясь лицом к его гладким щекам. Сердце Чэн Синь растаяло, ей казалось, что она держит в объятиях целый мир, такой же прекрасный и хрупкий, как кроха в ее руках.

– Посмотрите, она как богородица, Святая Мария! –

вскричала мать ребенка, обернулась к Чэн Синь и сложила ладони. Из ее глаз текли слезы.

– О прекраснейшая, добрейшая Мадонна, защити наш мир! Не дай этим кровожадным дикарям уничтожить всю красоту его!

Толпа взорвалась радостными криками. Младенец на руках Чэн Синь вздрогнул и заплакал. Она прижала его к себе крепче.

У меня есть выбор?

И тут же возник очевидный ответ:

Выбора нет. Никакого.

Тому были три причины.

Во-первых, если тебя объявили спасителем, то это все равно что положили под гильотину: от тебя ничего не зависит. Так случилось с Лю Цзи, а сейчас это происходит с ней.

Во-вторых, молодая женщина и мягкий, теплый комочек в руках Чэн Синь помогли ей кое-что понять. Впервые она сумела разобраться с чувствами, которые испытывает к этому миру. Материнский инстинкт. Она никогда не ощущала ничего подобного в Общую Эру. Всех, кого бы она ни встретила, она подсознательно воспринимала как собственных детей и не потерпела бы, чтобы им причинили вред. Раньше она ошибочно считала, что в ней говорит чувство ответственности. Но материнский инстинкт неподвластен логике, и от него не скрыться.

Третья причина возвышалась перед ней непреодолимой

стеной. Даже если бы не существовало первых двух, третья никуда бы не делась: Юнь Тяньмин.

То, что ждало ее, – ад, бездонная пропасть, такая же, в какую ради нее прыгнул Юнь Тяньмин. Отступление невозможно. Остается только смириться с кармой; пришел ее черед.

Детство Чэн Синь ярко освещала любовь матери – но только матери. Дочка спросила, где отец. В отличие от некоторых матерей-одиночек, мама ответила спокойно. Сказала, что не знает, и со вздохом добавила, что хотела бы знать. Чэн Синь расспросила подробнее и узнала, что она найденыш.

Это было правдой, Чэн Синь и в самом деле нашли на улице. Ее мать никогда не выходила замуж, но однажды ночью, во время свидания, увидела на скамейке парка брошенного трехмесячного младенца. Рядом лежали бутылочка молока, тысяча юаней и клочок бумаги с датой рождения девочки. Мать и ее приятель собирались отнести находку в полицию, а та передала бы дитя в городской отдел по гражданским делам. В конце концов ребенок оказался бы в приюте.

Но женщина решила отнести девочку домой и пойти в полицию утром. Возможно, за одну ночь она ощутила себя матерью, а может быть, по какой-то другой причине, но наутро она так и не смогла расстаться с ребенком. Как только она задумывалась о передаче девочки в приют, ей становилось плохо. Она решила удочерить найденыша.

Из-за этого ее бросил любовник. В последующее десяти-

летие она встречалась с четырьмя или пятью другими мужчинами, но из-за Чэн Синь каждый из них рано или поздно уходил. Позднее Чэн Синь узнала, что никто из них не осуждал открыто решение матери оставить ребенка себе, но как только мужчина проявлял хотя бы малейшее нетерпение или непонимание, мать немедленно его бросала. Она не дала бы никакому злу приблизиться к своей дочери.

Пока она была маленькой, Чэн Синь никогда не задумывалась, что в семье кого-то не хватает. Она полагала, что так и должно быть: крохотный мирок, мать и дочь. В нем было так много любви и радости, что девочка даже считала, что отец не нужен. Позднее она затосковала по отцовской любви; сначала появилось какое-то непонятное ощущение, а потом растущая боль. Тогда мать нашла ей отца – добрейшего человека, любящего и ответственного. Можно сказать, он полюбил мать Чэн Синь именно за ее любовь к дочери. В жизни Чэн Синь вспыхнуло новое солнце. Она почувствовала, что ее небольшой мир теперь полон, поэтому родители решили не заводить еще одного ребенка.

Позднее Чэн Синь оставила родной дом и поступила в колледж. С этой минуты ее жизнь, словно обезумевшая лошадь, понеслась дальше и дальше... а потом Чэн Синь рассталась с родителями и в пространстве, и во времени, когда ее отправили в будущее.

Та ночь, когда она в последний раз попрощалась со своими близкими, навсегда врезалась в ее память. Она обманула

тогда, пообещала, что придет на следующий день – не нашла мужества попрощаться, пришлось уйти, так ничего и не сказав. Но, похоже, родители знали правду.

Мать взяла Чэн Синь за руку и сказала:

– Дорогая, нас троих свела вместе любовь...

Чэн Синь провела ту ночь под их окнами. Ей чудилось, что ночной ветерок, и мерцающие звезды – все на свете повторяет последние слова матери.

Что ж, три столетиями позже она наконец готова что-то сделать ради любви.

– Я выдвигаю свою кандидатуру на пост Держателя Меча, – сообщила она молодой матери.

Эра Устрашения, год 62-й

«Гравитация»

в окрестностях облака Оорта

«Гравитация» преследовала «Синий космос» уже полвека.

Она почти настигла свою жертву. Лишь три астрономические единицы разделяли охотника и добычу. Рукой подать по сравнению с полутора световыми годами, которые преодолели оба корабля.

Десять лет назад «Гравитация» прошла сквозь облако Оорта. Здесь, приблизительно в одном световом годе от Солнца, на самом краю Солнечной системы, рождались кометы. «Синий космос» и «Гравитация» стали первыми кораблями людей, пересекшими его границу. Впрочем, эта область ничем не напоминала облако. Лишь время от времени на расстоянии в десятки или даже сотни тысяч километров пролетал смерзшийся комок грязи и льда – комета без хвоста, не видимая невооруженным глазом.

Оставив позади облако Оорта, корабль вышел в настоящий глубокий космос. Здесь Солнце стало лишь одной из многих звезд за кормой. Реальный мир вокруг космолета превратился в иллюзию. Куда ни посмотри, везде лишь бездонная чернота. Единственное, в чем могли увериться орга-

ны чувств, – существование «капель», летящих по бокам корабля на удалении около пяти километров и едва видимых невооруженным глазом. Члены экипажа «Гравитации» любили рассматривать «капли» в телескоп, утешая себя тем, что в бесконечной пустоте хоть что-то есть. По сути дела, люди смотрели сами на себя – «Гравитация» отражалась в зеркальной поверхности «капель». Кривизна поверхности немного искажала изображение, но в идеальном зеркале корабль вырисовывался чисто и ясно. Если настроить телескоп на достаточное увеличение, можно было разглядеть иллюминатор и себя в нем.

Большая часть из ста с лишним офицеров и рядовых на борту «Гравитации» не чувствовали одиночества – они почти все время лежали в гибернации. Для обслуживания корабля в обычном полете требовалось пять-десять членов экипажа. Люди несли вахту по очереди, оставаясь на дежурстве от трех до пяти лет.

Погоня, в сущности, представляла собой изощренную игру: как охотник, так и добыча были ограничены в возможностях ускорения. Прежде всего «Синий космос» не мог постоянно разгоняться – он истратил бы бесценное горючее и потерял маневренность. Даже если бы космолету удалось оторваться от «Гравитации», он совершил бы самоубийство.

«Гравитация» несла больше топлива, но и у нее были ограничения: ей требовалось вернуться домой. Для этого запас топлива поделили на четыре равные части: для выхода

из Солнечной системы, для разворота обратно, для разгона к Солнцу и для торможения. Поэтому на преследование могли потратить только четвертую часть горючего.

По расчетам предыдущего маневрирования «Синего космоса» и по сведениям, добытым софонами, «Гравитация» знала в точности, сколько топлива находится на преследуемом корабле, а «Синий космос» не знал, насколько велики запасы «Гравитации». В этой игре преследователь видел все карты жертвы, а та не видела ничего. Во время погони «Гравитация» все время двигалась быстрее, чем «Синий космос», но ни один из кораблей не выходил на максимальную скорость. Более того, через двадцать пять лет после начала преследования «Синий космос» прекратил разгон – возможно, он истратил все топливо, какое мог позволить себе истратить.

На протяжении полувековой погони «Гравитация» неоднократно вызывала «Синий космос» по радио, объясняя, что бежать нет смысла. Даже если бы «Синий космос» каким-то чудом оторвался от охотников с Земли, «капли» догнали бы его и уничтожили. Но если беглецы вернутся на Землю, их ждет справедливый суд. Чем быстрее они сдадутся, тем скорее закончится преследование. «Синий космос», однако, на уговоры не поддавался.

Годом раньше, когда «Гравитацию» и «Синий космос» разделяли тридцать астрономических единиц, произошло не вполне неожиданное событие: «Гравитация» и две «капли»

вошли в область пространства, в которой софоны утратили квантовую связь с домом. Связь с Землей в реальном времени прекратилась. Оставались нейтринная и радиосвязь. Теперь сообщения с корабля добирались до Земли год и три месяца; столько же требовалось, чтобы получить ответ.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Еще одно косвенное подтверждение существования «темного леса»: закрытые для софонов области пространства

Незадолго до начала Эры Кризиса, когда Трисолярис отправил софоны на Землю, он вдобавок разослал шесть софонов на скоростях, близких к световой, в разные стороны для исследования Галактики.

Все шесть софонов вскоре достигли мертвых зон связи и утратили контакт с Трисолярисом. Один проник дальше всех, на семь световых лет. Позже отправили другие софоны, но их постигла та же судьба. Ближайшая мертвая зона находилась в 1,3 светового года от Земли. В нее-то и попали софоны, сопровождавшие «Гравитацию».

Если квантовая запутанность между софонами рвется, ее уже не восстановить. Софон, попавший в мертвую зону, потерян навсегда.

На Трисолярисе призадумались над помехами в кванто-

вой связи. Природное это явление или же искусственное? Ученые на Земле и Трисолярисе склонялись к последнему.

Софоны беспрепятственно смогли исследовать только две близлежащие звезды. Ни жизни, ни цивилизации там не обнаружилось. На Трисолярисе и на Земле пришли к выводу, что софонам не создавали помех именно из-за отсутствия там жизни.

Таким образом, даже по прошествии многих лет Эры Устрашения Вселенная оставалась скрытой от взгляда двух миров какой-то непонятной завесой. Существование закрытых областей косвенно доказывало, что Вселенная по своей сущности – темный лес. Что-то делало космос непрозрачным.

Эра Устрашения, год 62-й «Гравитация», окрестности облака Оорта

Потеря софонов не ставила под удар миссию «Гравитации», но делала ее намного сложнее. Раньше софоны в любой момент могли проникнуть на «Синий космос» и сообщить, что там происходит. Теперь же доступ на корабль беглецов был закрыт. Кроме того, «капли» утратили связь с Трисолярисом; теперь они находились под управлением встроенного искусственного интеллекта. Все это могло привести к непредсказуемым последствиям.

Капитан «Гравитации» решил, что ждать больше нельзя. Он приказал кораблю ускориться.

Когда «Гравитация» подошла ближе, «Синий космос» впервые обратился к охотникам с предложением: две трети экипажа «Синего космоса» сядут в шлюпки и переправятся на «Гравитацию», одна треть останется на «Синем космосе» и продолжит полет в бесконечность. Первопроходцы сохранят в космосе семена человеческой цивилизации и станут примером для других исследователей.

«Гравитация» решительно отвергла это предложение. Весь экипаж «Синего космоса» подозревается в убийстве и предстанет перед судом. Космос изменил мятежников на-

столько, что они уже не принадлежат к человеческой расе. Ни при каких обстоятельствах им нельзя быть представителями землян во Вселенной.

По-видимому, «Синий космос» осознал бессмысленность сопротивления. Если бы за ними гнался только один земной космолет, тогда у них был бы шанс на победу в схватке. Но «капли» меняли расклад. Для них корабль-беглец был не более чем бумажной мишенью. Сбежать от «капель» не удастся. Когда дистанция между кораблями сократилась до 15 а. е., «Синий космос» передал, что сдается, и стал на полной мощности тормозить. Расстояние быстро уменьшалось; чувствовалось, что затянувшаяся погоня наконец завершилась.

Чтобы подготовить корабль к бою, весь экипаж «Гравитации» вывели из анабиоза. Некогда пустынные отсеки и коридоры опять заполнились народом.

Разбуженные члены экипажа узнали, что цель совсем рядом и что связь с Землей в реальном времени потеряна. Утрата связи не сблизила их морально с командой «Синего космоса». Наоборот, словно ребенок, оторванный от родителей, экипаж «Гравитации» стал еще меньше доверять этим беспризорникам. Всем хотелось поскорее захватить «Синий космос» и повернуть домой. Оба корабля глубоко погрузились в холодную пучину космоса и летели в одну и ту же сторону с одинаковой скоростью, но путешествие каждого из них по своей сути разительно отличалось от другого. Духов-

но у «Гравитации» на Земле был якорь, а «Синий космос» несло волей судьбы.

* * *

Через 98 часов после пробуждения экипажа доктору Уэсту, психиатру «Гравитации», нанес визит первый пациент. К удивлению врача, им оказался командер Девон, один из наиболее психологически устойчивых людей на борту. Он руководил корабельным подразделением военной полиции; ему предстояло по завершении преследования разоружить «Синий космос» и арестовать экипаж. Мужчины в команде «Гравитации» относились к последнему на Земле поколению, которое еще выглядело по-мужски, а Девон даже среди них выделялся брутальностью. Иногда его принимали за человека Общей Эры. Он часто высказывался за суровое отношение к подозреваемым и предлагал восстановить высшую меру наказания.

– Доктор, я знаю, что вы никому не расскажете, – осторожно начал Девон. Тон его слов разительно отличался от обычной для него грубой манеры речи. – Наверняка мои слова покажутся вам смешными...

– Командер, на работе я ни над кем не смеюсь.

– Вчера приблизительно в 436 950 по звездному времени я вышел из комнаты совещаний номер четыре и направился по семнадцатому коридору в свою каюту. Возле отдела раз-

ведки мимо меня прошел младший лейтенант... ну, по крайней мере, человек в форме младшего лейтенанта космических войск. В это время всем, кроме дежурных, положено спать. Оно, конечно, ничего особенного встретить в это время кого-нибудь в коридоре... Вот только... — Девон покачал головой и посмотрел вдаль, словно вспоминая сон.

— Что показалось вам неправильным?

— Мы прошли мимо друг друга. Он отдал мне честь, яглянул на него...

Девон снова замолчал. Доктор кивнул, предлагая продолжать.

— Это был... командующий подразделением десанта на «Синем космосе», лейтенант-коммандер Пак Ый-гун.

— Вы говорите о «Синем космосе», цели нашей погони? — Ровный тон Уэста не выдавал ни малейшего удивления.

Девон не ответил на этот вопрос.

— Доктор, вы знаете, что в мои обязанности входило слежение за обстановкой на «Синем космосе» в реальном времени через софоны. Я знаю их экипаж лучше, чем наш. Я отлично знаю, как выглядит лейтенант-коммандер Пак Ый-гун.

— Возможно, вы встретили кого-то из наших, похожего на него?

— Нет, у нас нет никого похожего — я знаком со всеми. Кроме того... он отдал мне честь и пошел себе дальше с каменной мордой. Я прямо остолбенел, а когда обернулся, в

коридоре было пусто.

– Как давно вас вывели из губернии?

– Три года назад. Мне нужно было следить за событиями на борту цели. Да и вообще я провалился в губернии меньше, чем многие другие.

– В таком случае вы не спали, когда мы вошли в закрытый участок пространства.

– Не спал.

– А до того вы следили за происходящим на борту «Синего космоса» настолько пристально, что, наверное, чувствовали себя там, а не на «Гравитации».

– Да, доктор. Мне часто казалось именно так.

– Затем софоны вышли из строя, и вам стало не за чем наблюдать. Кроме того, вы утомились... Простейший случай, командер. Поверьте, вы в полном порядке. Просто отдохните. Теперь у нас достаточно людей.

– Доктор, я выжил в битве Судного дня. Когда мой корабль взорвался, я забился в спасательный контейнер размером не больше вашего стола и дрейфовал возле орбиты Нептуна. Когда меня подобрали, я уже умирал, но с мозгами у меня было все в порядке. Я никогда не страдал галлюцинациями. Я знаю, что я видел. – Девон встал и направился к выходу. У двери обернулся: – Если снова встречу этого гада, неважно где, – убью на месте.

Чуть позже в оранжерее № 3 произошла поломка – порвалась углепластиковая трубка с питательным раствором. Она не находилась под высоким давлением, поэтому вероятность отказа считалась незначительной. Инженер биосферы Иванцов пробрался сквозь густые, как тропический лес, аэропонные заросли и увидел, что работники уже перекрыли вентиль и вытирают пролившуюся желтую питательную смесь.

Увидев пробитую трубку, Иванцов застыл на месте.

– Это... это же пробойна от микрометеорита!

Кто-то рассмеялся. Иванцов был опытным и знающим специалистом, не склонным откалывать подобные шуточки, и оттого его реплика показалась еще смешнее. Компоненты биосферы располагались в центре корабля. Оранжерея № 3 находилась в десятках метров от ближайшего сегмента внешней обшивки.

– Я проработал десять лет во внешнем обслуживании и знаю, как выглядит удар микрометеорита! Смотрите сами, вот типичные обгорелые края после высокотемпературной вспышки.

Иванцов внимательно пригляделся к внутренней стороне трубки, потом попросил техника сделать срез пробойны и поместил его под микроскоп. Как только на экране появилось увеличенное в тысячу раз изображение, все разгово-

ры стихли. В стенке трубки обнаружились маленькие черные крошки диаметром всего несколько микрон; они недобро мерцали в ярких лучах света. Все знали, что это такое. Микрометеорит, очевидно, был около сотни микрон в диаметре. Пробив углепластик, он рассыпался в пыль, которая осела на противоположной стенке трубки.

Все как один задрали головы вверх.

Потолок над поврежденной трубкой выглядел ровным и без пробоин. Над потолком располагались десятки, а может быть, сотни переборок разной толщины, отделявших оранжею от космоса. Получи любая из них пробойну – и раздался бы тревожный сигнал высокого приоритета.

Но микрометеорит должен был прилететь из космоса! Судя по поврежденной трубке, объект ударил с относительной скоростью тридцать километров в секунду. Внутри корабля, не говоря уж о помещении оранжеи, разогнать его до такой скорости невозможно.

– Ну прям наваждение какое-то, – пробурчал, уходя, младший лейтенант по имени Айк. Он не случайно выбрал это слово. Десятью часами раньше его посетило другое наваждение, пострашнее.

* * *

Айк лежал на койке в своей каюте и пытался заснуть. Внезапно в стене перед койкой, там, где висел гавайский пейзаж,

протаяло круглое отверстие диаметром около метра. Правда, многие переборки на корабле могут менять форму и создавать проходы где угодно, но образовать круглую дыру они не способны. Более того, у кают младших офицеров стены из сплошного металла, не поддающиеся управляемой деформации. Айк присмотрелся и обнаружил, что края отверстия идеально гладкие, можно даже сказать зеркальные.

Дыра в стене озадачивала, но Айк ей скорее обрадовался. В соседней каюте жила младший лейтенант Вера.

Веренская служила на «Гравитации» инженером систем искусственного интеллекта. Айк уже давно пытался привлечь внимание русской красотки, но та оставалась равнодушна. Айк припомнил последнюю попытку два дня назад.

Тогда он и Веренская сменились с вахты и, как обычно, вместе направились в блок офицерских кают. Когда они подошли к каюте Веренской, Айк вознамерился войти внутрь, но девушка загородила дорогу.

– Ну что ты, солнышко, – сказал Айк. – Позволь мне зайти. Это даже не по-соседски, ты же меня ни разу не пригласила в гости. Подумают, что я не настоящий мужчина.

Веренская искоса взглянула на него:

– Настоящие мужчины на корабле беспокоятся о выполнении задания, а не о том, как бы залезть в трусы ко всем женщинам вокруг.

– Да о чем тут беспокоиться? Поймаем этих убийц, и дело в шляпе! Нас ждут веселые деньки!

– Они не убийцы! Если бы не Устрашение, «Синий космос» стал бы единственной надеждой человечества. А мы горимся за ними сообща с врагами человеческой расы! И тебе не стыдно?

– Хм... ну, детка, если ты так считаешь... а почему тогда...

– Почему я здесь? Ты это хочешь сказать? Иди, доложи психиатру и капитану! Они засунут меня в гибернатор, а когда вернемся, вышибут из флота. Давай, жду не дождусь! – Веренская захлопнула дверь перед носом незадачливого кавалера.

Зато теперь у Айка появился отличный повод войти в ее каюту. Он расстегнул страховочный пояс, привстал на койке, но замер, увидев, что в нижней половине круглого отверстия исчезла не только переборка, но и верх стоявшей возле стены тумбочки. Края того, что осталось от тумбочки, были такими же гладкими и зеркальными, как и края дыры. Казалось, будто невидимый нож прорезал и тумбочку, и ее содержимое, в том числе и аккуратно сложенную одежду. Зеркальные края разреза совпадали с краями отверстия, образуя сферическую поверхность.

Айк оттолкнулся от койки и всплыл в невесомости. Заглянул в дыру и чуть было не вскрикнул от ужаса. «Должно быть, я сплю и у меня кошмар!»

Исчезла также придвинутая к стене часть койки Веренской и нижняя половина ее ног. Разрез койки и тела был та-

ким же гладким и зеркальным, словно покрытым пленкой ртути, но сквозь нее просвечивали мышцы и кости. Похоже, однако, что девушка не испытывала боли. Она крепко спала, тугие груди неспешно поднимались и опускались в такт дыханию. Обычно Айк только порадовался бы такой картине, но сейчас его охватил сверхъестественный ужас. Взяв себя в руки и присмотревшись, он увидел, что проходящий по ногам разрез является частью той же сферы, что проделала отверстие в стене.

Перед ним находился пузырь пространства диаметром около метра, словно бы съедающий все на своем пути.

Айк дрожащей рукой схватил лежащий на прикроватной тумбочке скрипичный смычок и ткнул им в пузырь. Та часть, что оказалась внутри, исчезла, но волос остался туго натянутым. Он выдернул смычок и убедился, что с ним ничего не произошло. Тем не менее Айк похвалил себя, что не попытался пролезть в дыру. Кто знает, в каком виде он вылез бы с той стороны?

Айк заставил себя успокоиться и принялся искать наиболее рациональное объяснение развернувшейся перед ним картине. Пришел к решению, которое посчитал самым разумным: надел сонный обруч, лег в койку, пристегнул страховочный ремень и установил обруч на полчаса сна.

Через полчаса он проснулся. Пузырь оставался на том же месте.

Тогда Айк выставил обруч на один час. Когда он проснул-

ся, исчезли и пузырь, и дыра в стене. Там висел пейзаж Гавайских островов. Все как всегда.

Но Айк не мог избавиться от беспокойства за Веренскую. Он выскочил из каюты и подбежал к двери соседки. Вместо того чтобы нажать кнопку звонка, он заколотил по двери. Он представлял себе страшную картину, в которой умирающая Веренская лежит на койке с отрезанными ногами.

Дверь открылась не сразу. Полусонная девушка потребовала объяснений.

– Я хотел убедиться... что с тобой все в порядке. – Айк опустил глаза: из-под подола ночной рубашки высывались красивые и совершенно целые ноги Веренской.

– Идиот! – Девушка захлопнула дверь.

Айк вернулся к себе в каюту и поставил сонный обруч на восемь часов. Что же до увиденного... Единственное мудрое решение – держать язык за зубами. «Гравитация» выполняла особое задание, поэтому за психологическим состоянием экипажа, особенно офицеров, тщательно следили. Из чуть более чем сотни членов экипажа двенадцать служили в отделе психологического контроля. Кое-кто даже подшучивал, что «Гравитация» не звездолет, а психиатрическая лечебница. А этот назойливый гражданский, психиатр Уэст, что угодно объяснял психическими расстройствами, заболеваниями и блоками. Он, наверное, поставит диагноз даже засорившемуся унитазу. К психическому здоровью экипажа предъявлялись высокие требования; при малейшем откло-

нении человека укладывали в гибернатор. Айк очень боялся пропустить встречу кораблей, которой суждено войти в историю, – ведь тогда через полвека, когда «Гравитация» вернется, девчонки не посмотрят на него, как на героя.

Но Айк почувствовал, что уже не так сильно ненавидит психологов и доктора Уэста. Младший лейтенант обычно считал, что они делают из мухи слона. Он даже представить себе не мог, что бывают настолько реалистичные галлюцинации.

* * *

По сравнению с относительно легким наваждением Айка встреча старшины Лю Сяомина со сверхъестественными силами была намного более зрелищной.

Лю проводил плановый внешний осмотр обшивки корабля. Для этого он вел небольшой челнок на определенном расстоянии от «Гравитации» и высматривал любые отклонения и особенности – такие, например, как последствия метеоритных ударов. Это была давняя и уже устаревшая процедура, теперь не особенно необходимая и редко выполняемая. Современный корабль напичкан датчиками; они постоянно следят за состоянием обшивки и немедленно подадут сигнал о неполадке. Осмотр можно проводить только в полете по инерции, без ускорения или торможения. Когда «Гравитация» приблизилась к «Синему космосу», для корректиров-

ки траектории часто требовалось включать разгон или торможение. В тот день корабль шел по инерции, и старшине Лю приказали воспользоваться редким шансом.

Лю вывел челнок из ангара в середине корабля и аккурратно отвел подальше, чтобы видеть весь корабль. Обшив-ка сияла в свете звезд Галактики. При предыдущих осмотрах бóльшая часть экипажа лежала в гибернации; теперь же многие иллюминаторы светились, и «Гравитация» выглядела еще более впечатляюще.

И тут Лю узрел нечто невероятное. У «Гравитации», этого идеального цилиндра, корма была сейчас срезана наискось! Кроме того, корабль оказался на 20 процентов короче, чем следует. Корму отсекло каким-то исполинским невидимым ножом.

Лю зажмурился на несколько секунд. Корма обратно не отросла. Старшина похолодел. Плывущий перед ним корабль был единым целым. Если отрезать корму, то выйдут из строя системы энергопитания, и через несколько секунд космолет взорвется. Но ничего такого не происходило! Корабль парил в космосе как ни в чем не бывало. Никаких тревожных сигналов ни в наушниках, ни на экранах.

Лю нажал клавишу передатчика, собираясь доложить, но тут же отпустил, не сказав ни слова. Он вспомнил совет старого астронавта, участника битвы Судного дня: «Не доверяй интуиции в космосе. Если должен действовать по наитию, сперва посчитай до ста. Или хотя бы до десяти».

Лю закрыл глаза и начал считать. Дошел до десяти, открыл глаза. Кормы нет. Закрыл снова, продолжил счет. Часто задышал, но заставил себя успокоиться, как учили. До считал до тридцати, открыл глаза. Увидел всю «Гравитацию» целиком. Он прикрыл глаза, глубоко вздохнул и подождал, пока сердцебиение не уляжется.

Старшина направил челнок в сторону кормы, к трем огромным дюзам термоядерного двигателя. Двигатель не работал, реактор держали на минимальной мощности, поэтому в дюзах лишь теплилось бледное красное свечение, напоминавшее ему земные облака на закате солнца.

Старшина Лю был счастлив, что не потребовалось докладывать об увиденном. Офицеру предписали бы лечение; но младшего командира, такого как он, просто сунули бы в гиттернатор, и дело с концом. Как и Айк, Лю Сяомин не хотел вернуться на Землю неудачником.

* * *

Доктор Уэст отправился к Гуань Ифаню – гражданскому ученому, работавшему в обсерватории на корме. Гуаня поселили в каюте в середине корабля, но он там редко появлялся, проводя почти все время в обсерватории и заказывая еду через роботов обслуживания. Экипаж прозвал его «отшельником на корме».

Обсерватория располагалась в крохотном сферическом

отсеке – там Гуань и работал, и жил. Вечно растрепанный, небритый и длинноволосый, он, однако, выглядел еще довольно молодо. Уэст застал ученого парящим в центре отсека: взволнованный, вспотевший, с беспокойным взглядом, тот оттягивал рукой воротник, как будто ему не хватало воздуха.

– Я же сказал вам по телефону, что работаю! Некогда мне принимать гостей.

– Я именно потому и пришел, что по телефону уловил в вашей речи признаки психической нестабильности.

– Я не служу во флоте. Пока я не опасен для корабля или экипажа, вы мне не указ.

– Хорошо. Я уйду. – Уэст повернулся к выходу. – Просто не верю, что кто-то, страдающий клаустрофобией, может здесь спокойно работать.

Гуань окликнул доктора, но тот его проигнорировал. Тогда, как Уэст и ожидал, Гуань догнал его и остановил.

– Но как вы догадались? У меня действительно... клаустрофобия. Чудится, что меня запихнули в узкую трубу... а иногда что зажали между двумя железными пластинами и давят, давят, пока не раздавят в лепешку...

– Не удивляюсь. Посмотрите вокруг. – Доктор обвел рукой крохотное пространство, забитое переплетением кабелей и труб. – Вы исследуете величайшие объекты во Вселенной, а сами сидите в тесной норе. И как давно вы здесь? Вы не ложились в гибернацию уже четыре года, если не ошиба-

юсь?

– Я не жалуюсь. Задача «Гравитации» – догнать беглецов и передать их в руки правосудия, а не вести научные исследования. Хорошо, что для меня хоть столько места нашлось... Послушайте, причина моей клаустрофобии совсем в другом.

– А не прогуляться ли нам по главному плацу? Вам станет легче.

Доктор подхватил Гуань Ифаня за руку, и они поплыли к носу корабля. Если бы «Гравитация» разгонялась, путешествие от кормы до носа означало бы подъем из колодца глубиной в один километр. Но при дрейфе, в невесомости, это сделать куда проще. Плац располагался на носу корабля-цилиндра, под полукруглым прозрачным колпаком. Здесь казалось, что стоишь в космосе. По сравнению со сферическими каютами с их голограммами звездного неба на стенах в этом месте «эффект дематериализации» проявлялся с особой силой.

«Эффект дематериализации» – это термин космической психологии, того ее раздела, который занимается изучением психики астронавтов. На Земле людей окружают предметы, и потому подсознание принимает мир как материальный, овеществленный. Но в глубоком космосе, вдали от Земли, звезды всего лишь далекие яркие точки, а Галактика – фосфоресцирующий туман. И чувствам, и разуму кажется, что мир потерял вещественность, а на первый план вышла пусто-

та. В подсознании космического путешественника мир утрачивает материальность. Эта когнитивная модель легла в основу космической психологии. Разум воспринимает корабль как единственный реальный предмет во Вселенной. На досветовой скорости движение корабля незаметно, и Вселенная становится одним бескрайним, пустым выставочным залом. Звезды в нем лишь иллюзия, а экспонат только один – корабль. У человека возникает чувство глубокого одиночества, а оно, в свою очередь, может вызвать у путешественника подсознательное заблуждение, что он является «сверхнаблюдателем» по отношению к одинокому «экспонату». Астронавт чувствует себя полностью обнаженным и незащищенным, что влечет за собой пассивность и страх.

Это беспредельно разомкнутое пространство порождало множество психологических осложнений при полете в глубоком космосе. Весь профессиональный опыт Уэста говорил, что клаустрофобия Гуань Ифаня – это явление редчайшее. И еще необычнее тот факт, что ученому не помогло бесконечное, открытое небо плаца. Беспокойство и тревога несколько не ослабли. Похоже, Гуань прав – его состояние вызвано не теснотой в обсерватории. Этот случай интересовал Уэста все больше и больше.

– Вам лучше?

– Нет, несколько. Кажется, что я в ловушке. Здесь все так... закупорено!

Гуань бросил взгляд на звездное небо, а потом стал смот-

реть прямо по курсу «Гравитации». Доктор знал, что ученый пытается увидеть «Синий космос». Корабли летели по инерции с почти одинаковой скоростью, их разделяла всего лишь сотня тысяч километров – то есть, по меркам космоса, один чуть ли не наступал на пятки другому. Командование обоих кораблей договаривалось о технических деталях стыковки. «Синий космос», однако, находился слишком далеко для наблюдения невооруженным глазом. «Капли» тоже оставались невидимыми: по заключенному пятьдесят лет назад соглашению они отошли на расстояние трехсот тысяч километров от «Гравитации» и «Синего космоса». Два корабля и «капли» образовали узкий равнобедренный треугольник.

Гуань Ифань посмотрел на Уэста.

– Прошлой ночью мне приснился сон. Я оказался где-то, в каком-то *по-настоящему* открытом пространстве, открытом настолько, что вы даже представить себе не можете. А когда проснулся, мир вокруг показался до того замкнутым, до того ограниченным... Вот так я и заработал клаустрофобию. Представьте, что с самого рождения вы были заперты в маленьком ящичке. Вас это не волновало бы – вы всегда так жили. А потом вас выпустили – и засунули обратно. Вот тогда вы почувствовали бы разницу.

– Расскажите подробнее о пространстве, которое вы видели.

Гуань загадочно улыбнулся:

– Расскажу другим ученым на корабле, может быть, даже

ученым на «Синем космосе». Но не вам. Ничего не держу лично против вас, доктор, но не выношу типичного для вашей профессии подхода: если уж вы посчитали кого-то психически неустойчивым, то все, что бы он ни сказал, будет объявлено бредом больного воображения.

– Но вы же сами сказали, что это был сон.

Гуань покачал головой, стараясь вспомнить.

– Я не уверен, что это был сон. Не знаю, спал я тогда или нет. Порой вам кажется, что просыпаетесь, а на самом деле все еще видите сон. А иногда вы бодрствуете, но кажется, что спите.

– Последнее случается крайне редко. Если вам довелось испытать такое, то почти наверняка это признак какого-то душевного расстройства. Ох, извините, я опять раздражаю вас.

– Нет, нет. Полагаю, мы с вами похожи. У нас обоих есть объекты наблюдения. Вы изучаете помешанных, я изучаю Вселенную. Так же как и у вас, у меня есть критерии, по которым я сужу о «здоровом» виде объектов: гармония и красота – в математическом смысле, конечно.

– Разумеется, с *вашими* объектами наблюдений все в полном порядке.

– Ну-у, тут вы ошибаетесь, доктор. – Гуань указал на сияющий Млечный Путь, не отрывая глаз от Уэста. Он словно указывал психологу на какого-то монстра, внезапно выскочившего из ниоткуда. – Вот там находится пациент, возмож-

но, здоровый психически, но телом – паралитик.

– Как так?

Гуань сначала поджал ноги, а потом обнял себя за колени и стал медленно вращаться в невесомости. Великолепный Млечный Путь закрутился вокруг него, а он сам стал центром Вселенной.

– Из-за скорости света. Известная нам Вселенная имеет диаметр шестнадцать миллиардов световых лет и продолжает расширяться. Но скорость света ограничена тремястами тысячами километров в секунду – это же скорость улитки! Это значит, что свет никогда не дойдет от одного края Вселенной до другого. Раз ничто не может двигаться быстрее света, то и никакая информация, никакие силы с одного края Вселенной не дойдут до другого. Если бы Вселенная была живым существом, его нервная система не могла бы управлять всем телом; мозг не знал бы, что существуют руки и ноги, а те не знали бы, что есть мозг. Чем не паралитик? Впрочем, у меня перед глазами стоит образ намного хуже: раздувающийся труп.

– Любопытно, доктор Гуань, весьма любопытно!

– Кроме скорости света, трех сотен тысяч километров в секунду, есть и другой симптом, тоже связанный с цифрой три.

– Что вы имеете в виду?

– Трехмерное пространство. В теории струн Вселенная десятимерна, если не учитывать время. Но в макроскопиче-

ском масштабе существуют только три измерения; именно они формируют наш мир. Все прочие свернулись на квантовом уровне.

– Вроде бы теория струн дает этому объяснение.

– Кое-кто утверждает, что, когда две струны пересекаются, какие-то из их свойств компенсируют друг друга, и измерения разворачиваются в макром мире. И что размерности выше трех никогда не встретятся... Это объяснение мне не очень-то нравится, не ощущается математически красивым. Как я и сказал, мы наблюдаем во Вселенной синдром трех и трехсот тысяч.

– И что же, по-вашему, является причиной?

Гуань оглушительно расхохотался и обнял доктора за плечи.

– Отличный вопрос! Не каждый бы до него додумался. Наверняка причина имеется; она может оказаться самой ужасной правдой, которую наука способна раскрыть. Но... Доктор, кто я, по-вашему? Просто ничтожный наблюдатель, скорчившийся в камерке где-то в хвосте корабля, да к тому же всего-то младший научный сотрудник.

Он убрал руку с плеча доктора, повернулся к Галактике и глубоко вздохнул.

– Я пролежал в гибернации больше всех на корабле. Когда мы покинули Землю, мне было двадцать шесть. А сейчас тридцать один. Но в моих глазах Вселенная превратилась из источника красоты и веры в раздувающийся, распухающий

труп. Я чувствую себя стариком. Меня больше не тянет к звездам. Я хочу домой.

В отличие от Гуань Ифаня Уэст почти весь полет не ложился в холодный сон. Он всегда верил, что врач-психиатр должен обуздывать собственные эмоции. Но сейчас что-то беспокоило его душу; он вспомнил полвека, проведенные в пути, и на глаза его навернулись слезы.

– Мой друг, я ведь тоже старик.

И будто в ответ на эти слова завывли сирены боевой тревоги, будто завопили разом все звезды в небе. По плавающим окошkam, вспыхнувшим повсюду на плацу, побежали строчки предупреждений. Окна загорались одно поверх другого и вскоре затмили многоцветным облаком весь Млечный Путь.

– «Капли» атакуют! – сообщил Уэст ничего не понимающему Гуань Ифаню. – Обе разгоняются. Одна нацелилась на «Синий космос», другая – на нас.

Гуань инстинктивно оглянулся, подыскивая что-нибудь, за что можно уцепиться, если на корабле включат двигатель. Но вокруг ничего не было. Тогда он ухватился за доктора.

Уэст перехватил его руки:

– На уклонение нет времени. Осталось лишь несколько секунд.

После мимолетной паники оба почувствовали неожиданное облегчение. Хорошо, что смерть настанет так быстро, что даже некогда испугаться. Возможно, беседа о Вселенной – лучшая подготовка к уходу в мир иной.

Обоим пришла в голову одна и та же мысль, но Гуань высказал ее первым:

– Похоже, нам больше не придется беспокоиться о своих пациентах!

Эра Устрашения, год 62-й, 28 ноября, между 16:00 и 16:17 Центр Устрашения

Скоростной лифт продолжал опускаться; Чэн Синь казалось, что земля над головой давит всей своей тяжестью прямо ей на сердце.

Полгода назад совместная сессия ООН и Флота Солнечной системы избрала Чэн Синь преемницей Ло Цзи на посту Держателя Меча. Ей дали коды доступа к гравитационным передатчикам системы устрашения. За Чэн Синь проголосовало вдвое больше делегатов, чем за кандидата, занявшего второе место. Она теперь ехала в Центр Устрашения, расположенный в пустыне Гоби. Там пройдет церемония передачи должности.

Центр Устрашения располагался на самой большой глубине, когда-либо достигнутой человечеством – сорок пять километров ниже поверхности, за пределами земной коры, в мантии Земли. Температура и давление были здесь намного выше, чем в коре. Порода за стенами – твердый, плотный перидотит²⁷.

²⁷ Перидотиты – общее название семейства ультраосновных плутонических горных пород нормально-щелочного ряда, в составе которых преобладают оливин и пироксен (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Перидотит>). – *Прим. перев.*

Лифт опускался почти двадцать минут. Чэн Синь вышла из кабины и оказалась перед черной стальной дверью с белым текстом официального названия: Абсолют-центр управления системы всеобщего гравитационного вещания. Тут же красовались эмблемы ООН и Флота Солнечной системы.

Это была чрезвычайно сложная, сверхглубокая постройка. Замкнутая система вентиляции не соединялась напрямую с атмосферой на поверхности, иначе колонна воздуха высотой в сорок пять километров не позволит персоналу нормально дышать. Строение также имело мощную систему охлаждения, рассчитанную на работу внутри нагретой до пяти сот градусов мантии.

Но Чэн Синь не видела ничего, кроме пустоты. Стены вестибюля, похоже, могли выступать в роли информационных окон, но сейчас они стояли безжизненно белые, словно здание еще не передали в эксплуатацию. Полвека назад, когда началась работа над проектом Центра Устрашения, спросили совета у Ло Цзи, но он сказал лишь: «Сделайте просто, как в могиле».

Церемония передачи полномочий – торжественное мероприятие, но основная его часть прошла сорока пятью километрами выше, на поверхности. Собравшиеся там руководители Земного Конгресса и Конгресса Флотов наблюдали, как Чэн Синь входит в кабину лифта. За финалом процедуры приглядят лишь два человека: председатель СОП и начальник штаба Флота Солнечной системы – представители двух

организаций, напрямую связанных с системой устрашения.

Председатель СОП указал на пустынный вестибюль и объяснил Чэн Синь, что они обставят его, как она пожелает. Если захочет, то здесь будет лужайка, кусты, фонтан и так далее. Можно также разместить голограммы земных пейзажей.

– Нам не хочется, чтобы вы жили, как он, – произнес начальник штаба. Может быть, повлияла его военная форма, но Чэн Синь почуяла в нем что-то от мужчин прошлого, и у нее на сердце слегка потеплело. Но это не сняло тяжесть с души – все зависшие над головой сорок пять километров горных пород продолжали давить на нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.